Бой идёт
40 коп
"МОЖЕТ БЫТЬ ЗАВТРА"
Изд. „Молодая Гвардия"

ОГИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ „МАССГИЗ"

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ на 1931 год

НА ЖУРНАЛ

„РАДИОФРОНТ"

ОРГАН ВСЕСОЮЗНОГО О-ВА ДРУЗЕЙ РАДИО СССР

Журнал «РАДИОФРОНТ» имеет своей прямой задачей — научить всех и каждого строить радиоаппаратуры.

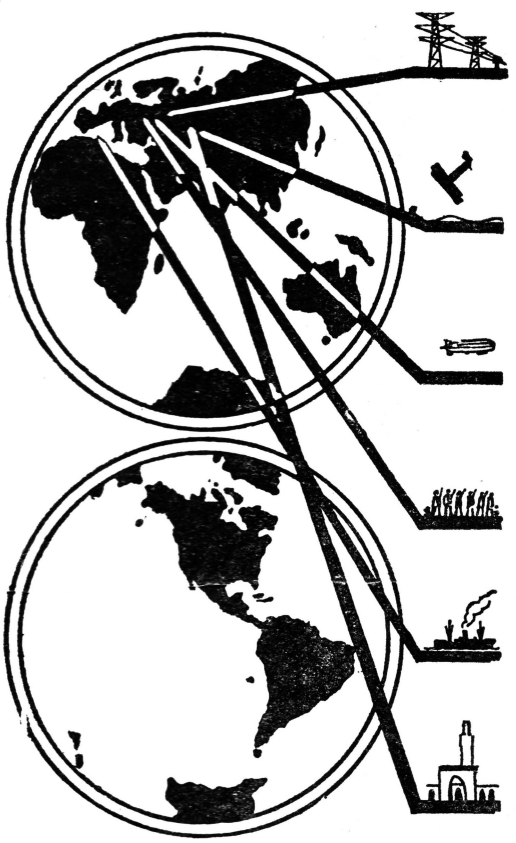
В 1931 году журнал «РАДИОФРОНТ» отведет значительное место вопросам плановой радиофикации, трансляционных установок, военизации радиолюбителей и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год	8 р. —
» 6 месяцев	4 » —
» 3 месяца	2 » —
Отдельн. номер	— 40 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором ОГИЗа (Москва, Центр, Ильинка, 3); во всех отделениях, магазинах и киосках КНИГОЦЕНТРА ОГИЗа и на почте.

СОДЕРЖАНИЕ ЯНВАРСКОГО НОМЕРА



ЗАЧЕРКНУТАЯ ПОДКОВА - очерк *П. Лопатина*, стр. 55

НА ВОЗДУШНЫХ СТОЛБАХ — расска *А. Ром*, стр.

МОЖЕТ БЫТЬ–ЗАВТРА - повесть *А. Скачко*, стр. 2

БОРЬБА ЗА ЭССЕН - повесть *Г. Мархвитца*, стр. 61

ВОКРУГ ЕВРОПЫ — очерк *М. Смоленского*, стр. 42

„МОСКВА БЬЕТ С НОСКА" - из повести *М. Зуева-Ордынца*, стр. 77

Отв редактор С. КЭМРАД — Зав. редакцией Е. ТОЛКАЧЕВ

Главлит А 87.780. Тип. «Изв. ЦИК СССР и ВЦИК», Москва. Зак. 1231. Тираж 50.200.

Борьба Миров

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

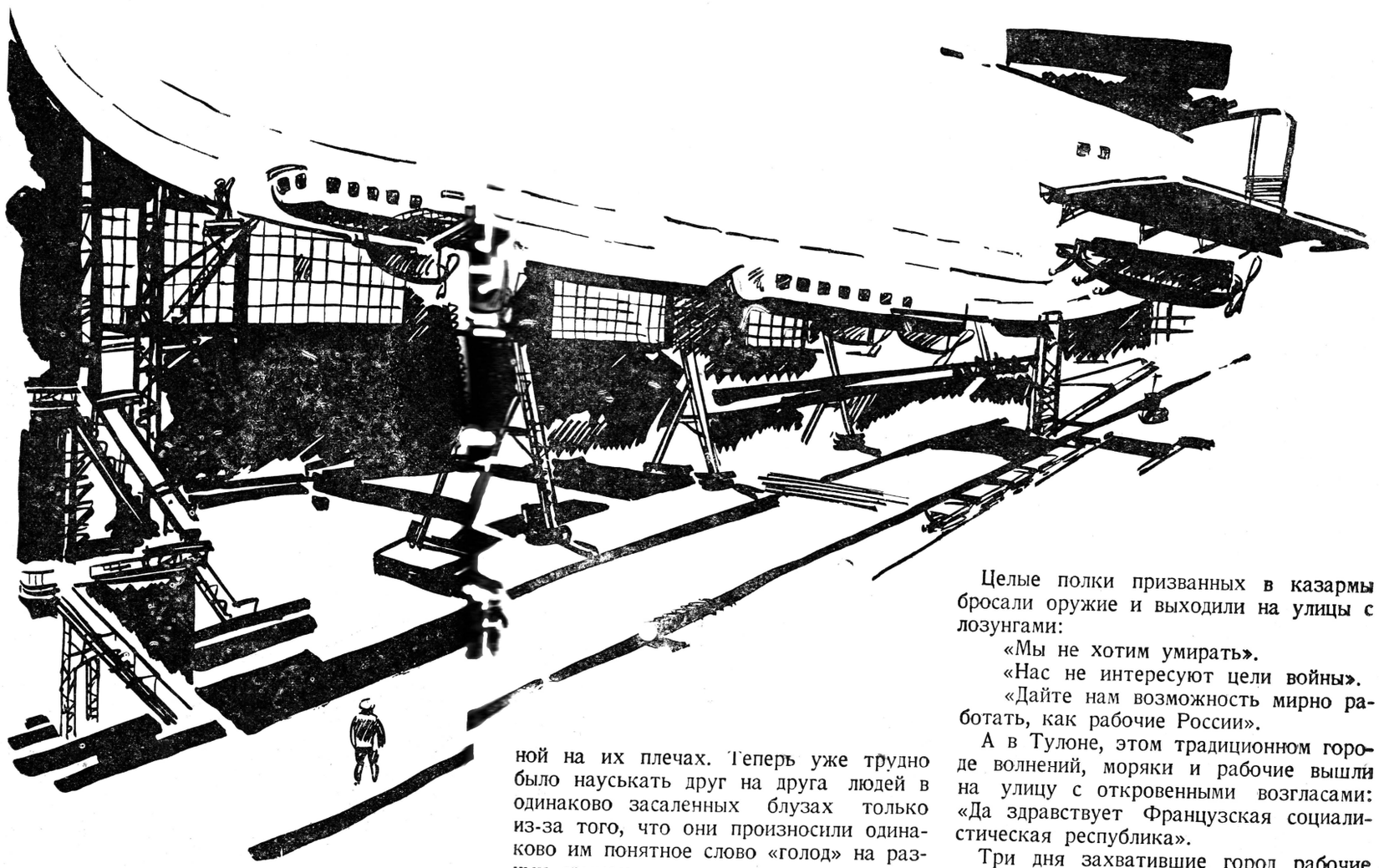
1

ЯНВАРЬ
1931

Редакция Москва, Центр,
Б. Черкасский пер., 6,
тел. 5-67-03.

МОЖЕТ БЫТЬ— ЗАВТРА

Повесть А. СКАЧКО
Иллюстрации М. ХРАПКОВСКОГО



Пролог

Война между Англией и САСШ, призрак которой появился на горизонте раньше, чем высохли чернила Версальского договора, разразилась снова и опять конечно «против всеобщего желания». Вспыхнула также неожиданно, от ничтожного повода, но разгораться начала такими неслыханными темпами, которые внушали ужас даже самым отчаянным милитаристам, искренно жаждавшим истребления всех врагов.

Уже с первых дней войны все видели, что борьба не ограничится только Америкой и Англией.

Экономические интересы капиталистического мира слишком тесно переплелись, чтобы в борьбу, вспыхнувшую между двумя гигантами, не тянулись другие державы. Коварный § 17 устава Лиги наций, обязывавший участников Лиги выступать против нарушителя мира, можно было толковать как угодно, а наступление американского капитала на рынки Европы уже давно било по интересам не только одной Англии.

В ответ на потопление своих судов американскими аэромаринами, блокировавшими английские берега, Франция первая об'явила мобилизацию для защиты «свободы морей»... Другие государства так же спешно готовились, чтобы не упустить момента и во-время выгоднее бросить меч на весы истории при наступающей дележке мира...

И, зная неизбежность войны, готовясь к ней, правительства Европы все-таки боялись сказать последнее решительное слово. Конечно, одной из важнейших причин этой нерешительности была боязнь собственного народа, боязнь масс, которые надо было вооружить, прежде чем бросить в бойню... На взрыв патриотизма, подобного июльским дням четырнадцатого года, теперь рассчитывать не приходилось. Пролетарии не забыли уроков мировой войны, проведенной на их плечах. Теперь уже трудно было науськать друг на друга людей в одинаково засаленных блузах только из-за того, что они произносили одинаково им понятное слово «голод» на разных языках.

Пролетарии всех стран понимали, что драться друг с другом им не из-за чего. Тем более, что там, позади, стоял Советский союз, не вступивший в войну и не желавший участвовать в этой бойне

И рабочие Запада понимали это. Понимали, почему русские рабочие имеют право оставаться за мирным трудом, когда они должны умирать во имя далеких им интересов.

Никогда мобилизации не проходили так неспокойно...

Целые полки призванных в казармы бросали оружие и выходили на улицы с лозунгами:

«Мы не хотим умирать».

«Нас не интересуют цели войны».

«Дайте нам возможность мирно работать, как рабочие России».

А в Тулоне, этом традиционном городе волнений, моряки и рабочие вышли на улицу с откровенными возгласами: «Да здравствует Французская социалистическая республика».

Три дня захватившие город рабочие и моряки отбивали войска правительства. Немецкий Стальной шлем и итальянские фашисты потребовали срочного подавления беспорядков, опасных для их стран, предлагая выслать вооруженные отряды на помощь. Эмигрантский Союз белых армий и казачества об'явил запись добровольцев для борьбы с мятежниками.

Но прибегать к их помощи не пришлось. Мятеж был раздавлен...

Французская буржуазия великолепно понимала, что вступать в войну с такими массами — это помогать револю-

ции. Но не воевать, добровольно вычеркнуть себя из списка будущих хозяев мира — еще хуже. Единственным выходом было «оздоровить» массы, оградить их от «тлетворного влияния» большевизма или — еще лучше — уничтожить самый источник разложения масс. Этот вывод не являлся неожиданным для политиков Елисейских полей. Они давно предугадывали неизбежное и уже в течение многих лет с военной интервенции на юге в 19-м году, через тайные договоры, вооружение лимитрофных государств, хитрую сеть шпионажа и вредительства готовили удар по очагу революционной заразы — Стране советов.

Интервенция, назначенная на 1930 г. и подготовляемая французским штабом извне и вредителями изнутри, сорвалась и была отложена на неопределенное время.

И теперь это время пришло.

Все возраставшие в связи с войной волнения масс, согнанных на бойню, требовали спешить доплетать нити давних интриг с удесятеренной энергией. Богатая добыча в случае удачи: довоенные долги, уголь и нефть, рынки сбыта, запасы сырья, — заставляли не жалеть золота для успеха выгодного дела.

Ненависть и золото подготовляли новую главу истории и в сетях хитрых интриг вытягивали на политическую арену людей, давно сданных в архив прошлого.

ЧАСТЬ I. ПАРИЖ—ВАРШАВА.

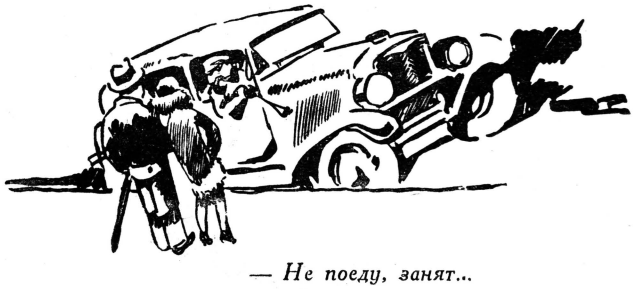
Довольно потрепанный дешевый такси только что высадил седоков у входа в одно из бесчисленных кафе, сверкающих огнями вдоль Больших бульваров Парижа.

Шофер, пожилой, седеющий, почти старик, не успевает еще получить денег, как новые пассажиры, хорошо одетый молодой человек с подмазанной женщиной, подходят к машине.

— За город, — бросает молодой человек, привычным жестом берясь за ручку дверцы.

Для шофера парижского такси, которому обычно часами проходится ждать седока, — это большая удача, да еще за город, по повышенному тарифу.

Но странный шофер резко захлопывает дверцу перед носом женщины и грубо бросает:



— Не поеду, занят...

— Не поеду, занят.

Удивленная парочка не успевает даже обидеться. Только уловив знакомый, приевшийся всем на парижских улицах акцент, молодой человек успевает сказать:

— Не удивляйся, Марго. Это ж русский.

Но шофер не удостаивает его ответом, нажимает педаль и, обдав облаком бензинной гари, скрывается за углом.

Такси едет очень долго. Он пересекает весь центр блестящего Парижа, перезжает по мосту темные воды Сены и углубляется в узкие переулки предместий. Здесь, около одного старого облупленного дома, машина останавливается и гудит рожком. Почти тотчас же хрипит дверь и на улицу выходят три человека. Уличный фонарь освещает их фигуры, одетые в пальто, обычные для мелких служащих.

— Наконец-то, а мы думали, что вы уже не заедете, — говорит один из подошедших.

— Извиняюсь, господин полковник,— отвечает шофер. — Опоздание на десять минут из-за пассажира. Очень жалею, что заставил вас ждать.

— Ничего, — успокаивающе отвечает подошедший, — вы нас не задержали. Его сиятельство тоже опоздал.

— Да, — отвечает из темноты чей-то слегка заикающийся голос. — Хозяин задержал в магазине. Заставил подсчитывать пирожные, чтобы их не с'ел ночью сторож.

— Ну, а в общем хорошо, что вы заехали, — говорит первый, — а то все-таки неудобно на такое важное совещание приехать в метро.

Компания усаживается в каретку, и машина трогается. Она снова долго едет по улицам, но теперь уже в обратном порядке, от узких кривых переулков на центральные широкие улицы, залитые светом, с роскошными особняками за изгородью чугунных решеток.

Около одного из таких особняков, скрытого в густой зелени, машина замедляет ход и в'езжает во двор.

Все четверо, включая и шофера, вылезают, входят в вестибюль, и тяжелая полированная дверь мягко захлопывается за ними. В прихожей лакей принимает от них пальто.

Что это? Не покатилась ли история вспять? Откуда эти тени прошлого?

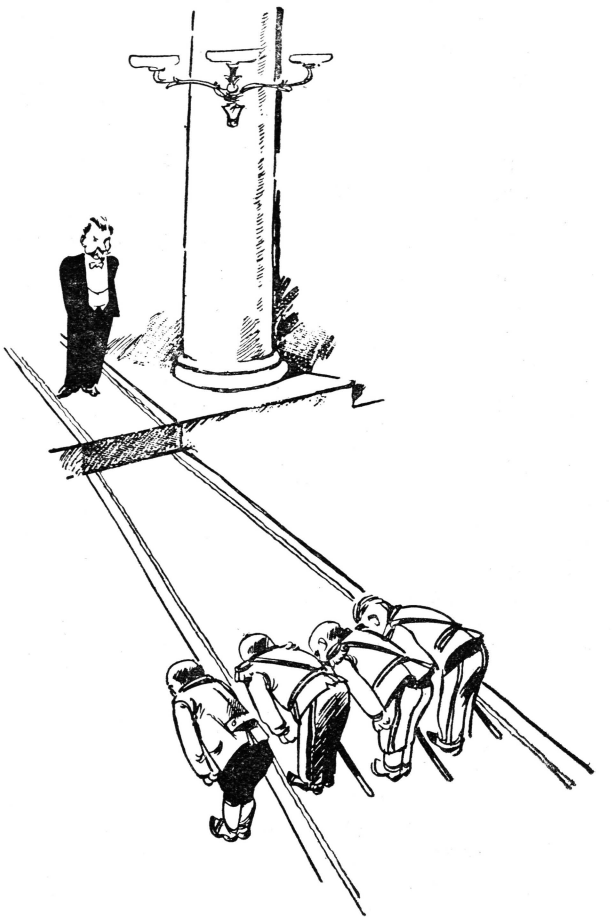
На всех, за исключением шофера, который очевидно не успел переодеться, русские военные мундиры, ордена, золото, погон на плечах.

Лакей принимает карточки. Два полковника, генерал-майор. Только один штаб-ротмистр, но зато на карточке корона и перед именем славянской вязью «Князь». Несмотря на свои чины, ведут они себя очень скромно. В огромной приемной, где им приходится ждать довольно долго, они говорят тихим шопотом, хотя в комнате никого нет. Когда открывается дверь и появляется маленький старичок, все четверо вскакивают, сгибаясь в поклоне.

— Попрошу в кабинет, — жестом предлагает вошедший.

Старик пропускает всю компанию и, оглянувшись, тщательно затворяет дверь. В кабинете вошедших встречает еще один старик, годами помоложе, в безукоризненном фраке и ослепительно белом жилете.

— Представитель Промышленного комитета. Делегаты русского добровольческого корпуса, — взаимно представляет хозяин.



— Попрошу в кабинет...

Но очевидно вошедшие знакомы. Они обмениваются рукопожатиями и рассаживаются в мягкие кресла.

— Итак, — говорит хозяин, — приступим. Пусть каждый доложит, какие силы нам удалось собрать.

— Я, — говорит генерал-майор, — представляю организацию бывших корниловского, марковского и дроздовского полков, наводивших в свое время ужас на Красную армию.

— А в настоящее время сколько членов сохранилось в вашей организации?— резко перебивает его хозяин.

— В настоящее время я смогу собрать 500-600 человек как ядро, из которого, при наличии средств, можно бу-

дет сформировать дивизию из эмигрантской молодежи.

— О средствах мы будем говорить потом, когда вы нам покажете товар, — перебивает его представитель Торгпрома. — А у вас как? — обращается он к другому.

— Я прислан сюда от 3 000 офицеров армии Врангеля, — отвечает один из полковников.

— Из которых сколько существует только на бумаге? — недоверчиво спрашивает промышленник.

— Недостаток средств не позволяет мне об'ехать все наши отделения в стране, но я думаю...

— При отпуске денег вы сможете собрать тысячи две? — прямо ставит вопрос старик.

— Думаю, что да.

— Теперь у вас как? — поворачивается сверкающий бриллиантами жилет к полковнику в штатском.

— Наша организация небольшая, но существует фактически. Вот список с указанием адресов ее членов, — протягивает тетрадь полковник-шофер.

«Генерал-майор Лейкин — сторож в Пале-Рояле.

Полковник Лебедев — швейцар в отеле.

Штаб-ротмистр Звягинцев — шофер такси.

Князь Пожарский — кельнер Мулен-Руж»...

бегло просматривает список старичок. «Сколько знакомых фамилий. Приятнее иметь такую синицу в руках, чем многозначные, ничем не подкрепленные цифры несуществующих полков».

— Господа, — вмешивается, заикаясь, князь. — Ваша ошибка по отношению к нашим организациям в том, что вы до сих пор не доверяете нам, отпускаете слишком мало средств. Мы, офицеры русской армии, должны служить за копеечное жалование, тогда как мы заслужили право жить, не погрязая в материальных нуждах, и все силы отдавать только на подготовку спасения России от большевиков. Мы, проливавшие кровь за ваши интересы, вынуждены голодать и бегать сутками в поисках работы. Что же удивляться после этого, что организации чахнут, люди отрываются от организаций, не видя никакой реальной помощи...

Представитель Торгпрома перебивает его, приподнявшись в кресле:

— Господа офицеры! Ваши нападки напрасны. Вы знаете, что мы, так же как и вы, пострадали от революции. Разница лишь в том, что вы потеряли все и должны трудом добывать себе средства к жизни, мы же сохранили очень небольшую часть состояния. С этими остатками, без фабрик и заводов, нам конечно не под силу было содержать в течение ряда лет все эвакуированные за границу остатки белой армии, но мы не теряли надежды, — старик совсем поднимается с кресла, говоря веско и значительно. — Наша заслуга в том, что мы тратили последние гроши, чтобы держать связь с теми, кто мог нам помочь, и теперь, с изменением общей обстановки, мы оказались правы. Наше время пришло. Нас оценили, и мы стали нужны. Теперь мы имеем в своем распоряжении такие средства, которых хватит на формирование белой армии любых размеров. Правда, нас осталось немного,—печально говорит он. — Армии, могущей решить участь борьбы с большевизмом, мы выставить теперь не в состоянии, но этого от нас и не требуют. Войну с большевиками будут вести более мощные армии, а мы необходимы как политическая сила, как представители страны и правительства, которое будет заключать мир. А потому с завтрашнего дня вы можете уже получать средства на формирование и усиление ваших частей. Но, — снова повышает голос старик, — для этого нам необходимо убедить кое-кого, что вы действительно существуете, как военная сила, и что данные вам деньги не будут выброшены зря.

— Что ж. Устроим парад белых полков перед могилой неизвестного солдата! — воодушевленно предлагает генерал.

Старик в кресле чуть улыбается.

— Ну, для парадов, еще слишком рано, а вот выбрать вам кого-либо, кто поедет завтра со мной для переговоров как представитель об'единенных белых армий, — это необходимо.

— И куда же поедете вы с этим выборным? — спрашивает с любопытством шофер-полковник.

Представитель Торгово-промышленного комитета не спеша закуривает сигару, затягивая для большего эффекта паузу, выпускает голубой дым и, взглянув искоса на застывших в напряженном ожидании офицеров, отвечает нарочито спокойно.

— Пока во французский генеральный штаб, а там, в зависимости от обстоятельств, может быть и выше.

... а может быть и выше...

Так фабрикуют историю.

Еще несколько дней тянутся нити, стучат ключами телеграфы, согласовываются витиеватым языком тайных дипломатических нот... Обрываются, пропадают в лабиринте улиц Парижа, у под'ездов дипломатических миссий, снова петлями ведут к стильному в завитушках барокко особняку на Елисейских полях.

В кабинете, окна которого завешены густыми шторами и охраняются тройным нарядом полиции, появляются вновь знакомые лица представителя промышленности и генерала-корниловца. Кроме них, в кабинете еще двое. Правильнее именно с этих и начинать описание, ибо они сидят в центре за столом, а генерал и промышленник робко лепятся с краю на стульях.

Один за столом, низенький, упитанный, с кругленьким брюшком, румяными щечками и тщательно зализанными остатками седых волос.

Другой, в кресле напротив, сухой, жилистый, стриженый бобриком, с фигурой, вытянутой военными парадами.

У старика за столом на шелковом лацкане алая ленточка Почетного легиона. У другого через всю грудь букет цветных нашивок, тщательно подшитый и имеющий, очевидно для понимающих, большую ценность.

В комнате молчание, пауза после только что конченного серьезного разговора.

Маятник старинных часов отбивает не менее 120 ударов, когда старик за столом первый прерывает молчание.

— Итак, ваше мнение, генерал.

Стриженый поднимает голову. Овечает медленно, обдумывая каждое слово.

— Я взвесил все, господин министр. Вопрос этот давно принципиально решен нашими правительствами и будущим правительством России. Нам только поручено обсудить здесь те детали, которые облегчат возможность беспрепятственно осуществить возложенные на нас цивилизацией задачи.

Пухлые щеки того, кого называют министром, круглятся улыбкой.

— Будьте уверены, генерал. Европа всегда видела в Польше передовой форпост культуры против дикого варварства азиатского коммунизма. Правительство Франции поэтому всегда, всеми мерами поддерживало начинания Польши, способствовавшие проведению этой задачи на Востоке. Не стану вам перечислять всего, что дала Франция, но только для требуемого нам дела мы передали вам... — старик искоса взглядывает на бумажку, лежащую под рукой, — ... передали вам сорок тяжелых аэропланов, двенадцать легких дирижаб-

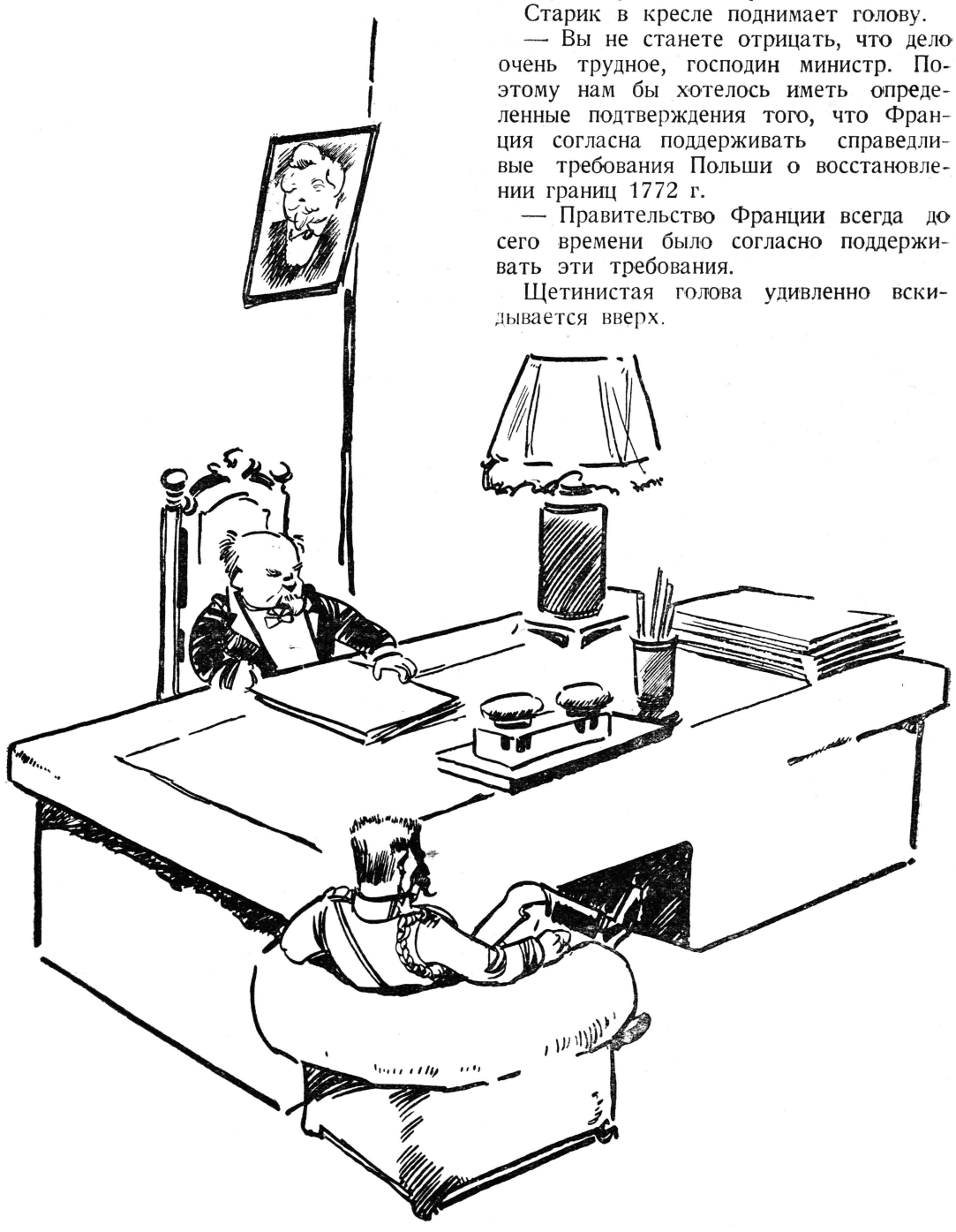
лей, шесть линейных цеппелинов и свыше 120 мелких летательных единиц. Так что ваши опасения, что с этими силами вы не сможете неожиданным ударом поразить коммунизм и освободить от большевистского ига братские вам народы, совершенно напрасны.

Старик в кресле поднимает голову.

— Вы не станете отрицать, что дело очень трудное, господин министр. Поэтому нам бы хотелось иметь определенные подтверждения того, что Франция согласна поддерживать справедливые требования Польши о восстановлении границ 1772 г.

— Правительство Франции всегда до сего времени было согласно поддерживать эти требования.

Щетинистая голова удивленно вскидывается вверх.



— Дело очень трудное, господин министр...

— А теперь?

Губы министра приятно улыбаются.

— Теперь, после тех услуг, которые Польша окажет миру в борьбе с большевизмом, правительства Европы и России, — старик делает жест рукой в сторону генерала и промышленника, которые молча склоняют головы, — с полным удовлетворением санкционируют законное желание жителей правобережной Украины слиться с единым по крови народом Польши.

— Вы сказали, правительства Европы? — с чуть заметным волнением переспрашивает поляк.

— Я говорю о тех правительствах, санкция которых имеет для вас значение...

— Но ведь правительство Англии всегда было против наших...

Розетка почетного легиона вздрагивает от торжественного вздоха.

— Обстоятельства с войной сильно переменились. Я говорю вам данные, согласованные с кабинетом его величества короля Англии. Вы конечно понимаете, что большинство рабочей партии в парламенте не позволяет сделать такое предложение вам лично, но... — строго добавляет ласковый старичок, — это же обстоятельство принуждает вас спешить с выступлением. Надо поставить парламент и нашу палату лицом к лицу с уже совершившимся фактом. Конечно социал-демократов можно хоть и с трудом заставить помолчать до времени, но комфракция, эта язва нашего строя, если она узнает, способна на все. В дипломатии, как и на войне, важна неожиданность.

Видно, что поляк сбит, робко пытается защититься.

— Ваши предложения столь неожиданны. Мое правительство еще не уведомлено...

Старик за столом стремительно напирает, не давая отступить. Тяжелыми ударами вклинивает в сознание слова.

— Время дорого. В переговорах легко упустить момент. Эта минута для вас наивыгоднейшая. Большего вы не получите. Вы уполномочены решать, и польский народ не простит, если вы испугаетесь и не воспользуетесь этим правом. От вас зависит, как ваше имя войдет в историю.

Чувствуя, что наступает критическая минута, молчавшие до сих пор «представители» России начинают волноваться. Они о чем-то быстро перешептываются, и промышленник, сверкнув бриллиантом, приподнимается с места.

— Разрешите добавить, — обращается он к поляку, — что мы документально обязуемся принять все меры к выполнению взятых здесь обязательств и гарантируем, что даже в случае восстановления самодержавия Россия не предпримет никаких агрессивных мер по отношению к Польше, проводившихся самодержавием ранее.

— И кроме того, — добавляет, приподнимаясь, генерал, — в освобожденных областях мы обязуемся формировать национальные русский войска, подчиняя их в оперативном отношении непосредственно польскому генеральному штабу...

— Видите, мы стараемся всем, чем можно, облегчить вашу задачу, — улыбается старичок с ленточкой Почетного легиона.

Министр Французской республики улыбкой и словами льстит польскому дипломату. А за круглыми фразами другие острые, колючие мысли: «А вдруг предадут? Не выступят? Оставят за плечами силу, не позволяющую поднять железную палку дисциплины, заставят вооружать против врага разложенный коммунизмом народ».

Но поляк оправился. Ему тоже понятны эти несказанные мысли. Уступки разожгли аппетит, он видит, что его товар — кровь — в цене и хочет взять за него все, что можно.

— Наши проценты вам...

— Французский банк отсрочит их на три месяца, на шесть, до конца войны...

— Наш воздушный флот может не справиться...

— Мы можем для полной уверенности операции дать вам еще 3-4 мощных цеппелина с нашей даже командой.

— Но наши соседи...

— В случае удачи Румыния выступит с вами. Латвии мы дадим... Эстонии мы представим... Русская белая армия уже сейчас ваша верная союзница. Мы ее вооружим по последнему слову техники.

Никогда министерство Франции не было столь уступчивым.

Наконец все кончено. Старик за столом незаметно вытирает платком капельки пота на лбу и достает изящный портфель с массивным замком.

— Полная тайна. Здесь я храню документы даже от семьи. Проект договора. Прочтите.

Поляк тщательно проверяет документы.

«Мы, правительство Французской республики... ставящее своей целью обеспечение культуры и цивилизации... к совместной борьбе против идей, подрывающих основы мира».

Слова — пустяки. Вот нужное:

— Условия будущих границ, гарантия военной помощи. Кредиты. Стоп. 80 миллионов. Мало.

Министр Франции краснеет, как взбешенный школьник.

— Простите. Так было условлено раньше. Менять теперь не время.

Поляк непреклонен.

— Да. Но мы не учли паники на бирже. Мы не думали, что ваша финансовая мощь так покачнется. 100 миллионов едва покроют потерю на падающей валюте.

Люди во фраках сдержанно вежливы. Кабинет безупречно выдержан, но все-таки голый сенегалец, торгующий бананами на улицах Танжера, или торговка селедками на парижском базаре почувствовали бы здесь что-то знакомое, сближающее их с этими людьми, говорящими на языке высокой дипломатии. Выдержке даже дипломатов есть границы. Почетный легион трепещет на груди, точно лист в бурю.

— У нас упала валюта. Наша финансовая система покачнулась. (Ой, как закололо в боку: врач запретил волноваться. Проклятый поляк!) Знаете, правительство не уполномочило меня продолжать уступки до бесконечности.

Польский дипломат незаметно пожимает плечами.

— Хорошо. Мы можем подождать результатов ваших переговоров, — и, собираясь вставать, кидает на стол плотную пачку документов, которую держал в руках.

От удара голубой листок бумаги вылетает из пачки и падает к нему на колени. Элегантным движением на лету поляк ловит этот невиданный им документ и, перевернув, читает:

«Твое поведение безобразно. Ты третий раз забываешь оплатить счет моего ювелира, ставя меня в неловкое положение. Если ты не настолько обезумел с своими планами войны, что не забываешь отдыхать от них в моей кровати, то не должен забывать и платить за это. Не хочешь ли, чтоб я обратилась к твоей жене с просьбой оплатить счета любовниц ее мужа?»

«Секретные документы, которые берегутся от семьи», мелькает в голове поляка, но раньше, чем он успевает положить записку, старик за столом краснеет, румянец перелезает даже на н - и с живостью, невероятной для его тела, он перехватывает злополучную бумажку и, запихав в груду документов, прячет все в стол.

И только после, опомнившись, ища выхода, сразу не думая, говорит:

— Эти документы вам не нужны. Все и так ясно. Вы просите 100? Хорошо. Пусть будет 100. Я согласен.

И когда сбегает с лица краска, уже взвесив, добавляет:

— Кабинет меня не уполномочивал, но для сохранения дружбы я надеюсь провести 20 миллионов дотации.

И, пожимая протянутую руку, еще раз не то официально, не то просительно добавляет:

— Только полная тайна. Никому ни слова о документах.

Поляк вежливо наклоняет голову.

В кабинет уже входят вызванные звонком чины министерства и стенографистки. Трещит машинка.

14.35-й тайный франко-польско-русский договор подписан сторонами.

Как делают патриотов

Такова была война для банкиров, генералов и политиков. Для людей же, стоящих на нижних ступенях социальной лестницы, эти же самые события случались совершенно неожиданно, якобы помимо чьей-либо воли и, поданные в умелом оформлении бульварной прессы, казались подлым нападением врага, от которого нет иной защиты, как браться за оружие и драться до последней капли крови.

Так думал о войне и Жан Жервье, механик завода Ситроен в Париже.

Уже один образ мыслей показывает, что Жервье не увлекался коммунистическими идеями и твердо верил социал-демократической партии, в которой, по его мнению, должен был состоять каждый квалифицированный рабочий, имеющий достаточно своего добра, чтобы не думать об экспроприации чужого. Он считал ниже своего достоинства читать «Юманите» и подобные ей листовки, и потому для него война началась неожиданно, не дав даже опомниться и сообразить происходящее.

Утром он работал, как обычно, на заводе.

До полудня все шло нормально. Ориентация Франции в войне тогда еще не была выяснена, и газеты не будоражили массы, печатая только официальные сводки.

Поэтому рев заводской сирены, раздавшийся ранее обеденного перерыва, изумил его так же, как и многих других рабочих. Они спешно бросали станки, выключали моторы, недоумевая, что произошло.

Работа сборочной мастерской, где был Жервье, замерла, точно насторожившись перед нарастающими событиями. Смолк рокот моторов. На сжатых стальных пружинах, на полутакте застыли клапаны, оборвав свою дробную стукотню. Сквозь решетчатое окно Жервье видел, как быстро пробегали рабочие в синих промасленных блузах.

Выйти из мастерской в рабочее время? Обычно это грозило увольнением.

Смолк рокот моторов...

Сейчас же двор заполняли все новые и новые группы, выбегая из всех дверей, оживленно жестикулируя и перекликаясь.

Очевидно случилось что-то важное, необычное, заставившее дирекцию сломать строгий темп напряженной работы. Что произошло, выяснилось скоро. Жервье еще не успел вытереть рук, как в дверь мастерской влетел заведующий, держа кипу каких-то бумаг.

Вытянувши из пачки нужный лист, он закричал:

— Военнообязанные 2-й мастерской! Бросайте работу. Срочно на призывные пункты! Об'явлена мобилизация.

И переходя с крика на ласковый бас, снисходительно добавил:

— За недоработанные часы фирма вам сегодня оплатит.

Много после Жервье понял, что все события были подготовлены умелой ру-

кой. Не успел он переодеться и получить в конторе воинскую книжку, как со двора уже донеслись прыгающие, возбужденные звуки «Марсельезы».

Призывники завода Цитроен строились на дворе и в тяжелом топоте кованых сапог, выбивая такт, пели сотнями прокопченных глоток: «Идемте, дети, за родину, день славы наступил...»

Огромный заводской двор был залит до краев толпой рабочих. Жервье выбежал туда как раз в тот момент, когда тяжелые ворота только что распахнулись, выпуская начало колонны. В солнечном воздухе трепетали трехцветные флаги, и звонкоголосая медь оркестра рвалась из прокопченных стен фабрики.

Юркие сержанты в цветной форме зуавов бегали в толпе, сколачивая в строй ряды рабочих.

— Стройся, подтяни брюхо, грудь вперед! — кричали они, расталкивая синие блузы.

Ослепленный ярким светом, ошеломленный криками, получив сильный удар под ложечку Жервье был сразу затиснут в шеренгу среди незнакомых лиц.

Чья-то поспешная рука воткнула в борт пиджака трехцветную кокарду.

— Вперед, вперед!—закричали зуавы.

Темная масса рабочих колыхнулась и, увлекая Жервье, под звуки оркестра двинулась со двора.

Шелестели флаги. Поднятый на руках, впереди криво плыл чей-то портрет.

Жервье понял, что их ведут на патриотическую манифестацию.

Густая толпа сразу облепила рабочих за воротами. Дикий рев потрясал воздух. Люди махали фуражками, кричали, лезли друг на друга, пробиваясь навстречу выходящим. Горящие глаза с жадностью были устремлены вперед. Многие молча, сосредоточенно работая локтями, пробивали себе дорогу к воротам.

Жервье взглядом проследил их путь.

Около контрольных будок почти незаметно белели маленькие плакаты. Только напрягши глаза, можно было прочесть:

«Фирме Цитроен срочно нужны рабочие, не пригодные к военной службе. Возможен прием женщин».

Бледные, оборванные люди кричали «ура» уходящим, пробиваясь к воротам, чтобы стать за станки на их место. Они приветствовали войну, как надежду на заработок, на кусок хлеба.

Острый взгляд зрителя, не затуманенного «Марсельезой», мог уловить все ускользающие штрихи. Изможденные лица, изношенные до предела костюмы безработных... Почти незаметный блеск стали в боковом переулочке... Там рота солдат, с примкнутыми штыками, жалась к стене, стараясь остаться незаметной.

Очевидно она должна была сменить оркестр, если его музыка оказалась бы недействительной.

*

По мере приближения к центру становилось все люднее. Переулки и улицы выбрасывали все новые толпы неистово орущих людей. Кепи сменялись котелками и шляпами. Элегантные дамы, размахивая руками, кричали в надсадном крике: «Да здравствуют герои! Ура нашим бравым пуалю!» Из окон густым частоколом торчали головы, и бесчисленные платки трепыхались в неистовых приветствиях. Высоко над головой вились аэропланы, гигантской кистью по голубому полотну неба выводя плывущие буквы: «Вперед за родину! Нет пощады врагу!»

Глотки хрипли от приветствий. Рождалась усталость.

— Куда нас ведут? Пора бы по домам, — раздавалось в рядах.

— Молчать! Узнаете, — грубо обрывали зуавы.

Рабочий, шедший рядом с Жервье, подался в сторону, пытаясь выйти.

— Назад, в ряды!—заметив это, крикнул сержант.

— Вы не можете меня держать. Я имею право проститься с семьей! — раздражаясь, крикнул рабочий.

— Пустите его! Мы знаем! Ему надо, он придет! — закричали из рядов.

— Молчать! — позеленев, крикнул зуав. — Твое право... вот твое право!

Резиновая дубинка полукругом мелькнула в воздухе. Промасленные руки вытянулись вверх навстречу, защищаясь от удара. Толпа, заметив борьбу, обернулась, замерла на секунду, не зная, как реагировать.

И в эту секунду молчания чей-то пронзительный голос крикнул с тротуара:

— Ура зуавам! Бей коммунистов-предателей!

— Бей его! — густым ревом раскатилось в толпе.

Масса хлестнула вперед, живым клубком сгрудившись около побледневшего рабочего. Синие блузы из рядов кинулись ей навстречу. Плащи полисменов беспомощно заметались, бессильные оттеснить толпу. Строй рядов сломался. Жервье нос к носу столкнулся с знакомым механиком из соседней мастерской. Тот что-то кричал, обращаясь к нему. С большим трудом удалось услышать слова:

— Не зевай, парень. Сейчас можно удобно улизнуть!

— Зачем бежать?—изумился Жервье.

— Нас ведут в казармы, а оттуда чорт знает когда отпустят домой проститься. Что нам будет, если мы удерем сейчас, а через сутки вернемся сами?

Предложение было заманчивым. Инстинктивное желание свободы невольно овладело Жервье. Механик понял его без слов.

— Тогда не зевай, держись за мной! — крикнул он и, рванувшись в сторону, юркнул в толпу.

— В ряды, каналья!—схватил его за руку сержант.

Но толпа как-то сразу кинулась навстречу, сбив сержанта и выкинув его вместе с Жервье далеко из строя...

Жервье в гуще рванулся вперед, отбиваясь от зуава. Над самым ухом где-то близко заливались свистки.

Но уже чья-то дружеская рука тянула его за собой, лавируя в толпе. Сначала через улицу, потом вниз по ступенькам в какую-то яму. Уже внизу, в темном коридоре налетели на чью-то фигуру, ставшую на пути. Знакомый голос сказал:

— Все в порядке, Жан. Наши все спаслись. Познакомься с этим товарищем.

Кто-то низко наклонился к Жервье, и чей-то удивленный голос воскликнул:

— Слушайте, да это же не наш, это Жервье из второй мастерской!

Другой голос ответил:

— Трудно было разобрать что-либо в этой давке. Что же? Раз он удрал вместе с нами, придется его задержать немного. Нельзя же выходить на площадь, открывая полиции наше убежище.

Мягкий голос ласково произнес:

— Садись, приятель. Придется тебе немного посидеть с нами.

Жервье послушно сел. Глаза, привыкая к темноте, начали различать кирпичные стены и узкую полоску света из плохо прикрытого люка. Сверху над головой гремел топот ног, и, слабея, долетали бравурные звуки «Марсельезы».

*

Колеса метро глухо постукивали под ногами. Освещенные квадраты окон вагона скользили по стенам туннеля, вырывая из тьмы кирпичи, покрытые плакатами реклам. Желтый свет электрической лампочки, тусклый после яркого света дня, освещал купе.

В спокойном качании вагона, мчащегося по подземным коридорам Парижа, быстро улеглось возбуждение, вызванное недавней борьбой и бегством.

Сейчас Жервье мог свободно разглядеть своих спутников. Один из них был молодой, почти мальчик, с веселыми голубыми глазами, знакомый моторист с завода. Другой лет тридцати, суровый, замкнутый, с бледным лицом парижского рабочего, знавшего нужду. Он с наслаждением курил папиросу, пуская к лампочке синеватый дым. Легкая довольная улыбка скользила у него по лицу.

— Ловко сработано. Не правда ли, Мишель?

Второй спутник улыбнулся, сверкнув веселыми огоньками глаз.

— Ваши ребята не подведут. Помнишь, Жан, первомайскую демонстрацию? Тогда мы ловко расправлялись с ажанами [1].

— Мы во-время поспели, — ответил Жан, — нас предупредили, что вас прямо с фабрики ведут в казармы. Такой наглости мы не могли ждать.

— Да, господа капиталисты действуют решительно. Прямо от станка, под «Марсельезу» в казарму. Получается, что рабочие на самом деле в восторге от войны.

— Ну, вряд ли они сами хоть немного верят в это. Иначе не стали бы прибегать к таким мерам...

— Все-таки ты должен сознаться, Жан, что нас на этот раз провели. В стенах казармы мы не сможем провести той кампании против войны, которую предполагали...

— Не бойся, Мишель. Офицеры и сержанты проведут ее за нас. Помни, что рабочие теперь не те, что были в 14-м году.

— Да, работа партии не пропала даром.

При слове «партия» Жан сжал брови, бросив искоса взгляд на Жервье. Спутники замолчали, уткнувшись в газету. Долго ехали молча под мерный рокот колес. Наконец Жервье надоело молчать:

— Куда же мы едем? — теряя терпение, спросил он.

Жан поднял голову, поглядел на Жервье и коротко бросил:

— Подальше от места свалки. В ваших интересах скрыться как можно дальше, чтобы ажаны не нашли концов.

— Но все-таки где же вы предполагаете вылезать? — переспросил Жервье.

— Там, куда мы уже почти приехали, — в Иври.

Он встал, приглашая Жервье следовать за собой. Поезд, скрежеща буферами, тормозил в раструбе подземного коридора. В окна плыла освещенная фонарями вывеска—«Иври».

[1] Полицейские.

*

Первое, что встретило их, когда они поднимались вверх, это заигранные, ставшие тошнотворными за день, звуки «Марсельезы» и рев толпы. Выйдя на землю, Жервье вновь ожидал увидеть знамена, трубы оркестров, марширующих людей. Но к удивлению площадь, на которую они вышли, была совершенно пуста. Мощный рев тысячи глоток стоял над совершенно пустым пространством. Только небольшая группа ребятишек стояла на площади, задрав вверх стриженые головенки. Прямо над ними зияло черное жерло радиорупора, изрыгавшее восторженные крики и гул «Марсельезы».

— Ну, вот, кажется, здесь сегодняшнее помешательство ни на кого кроме этих малышей не распространяется,— облегченно вздохнул Мишель.

На звук голоса малыши повернулись от рупора.

— Товарищи, вы не техники? — пропищал дискант, старавшийся быть солидным.

— А что тебе?—заинтересовался Мишель.

— Может быть вы скажете, какой провод надо перерезать, чтобы эта штука замолчала?

Мишель невольно ласково улыбнулся ребятам, но стараясь оставаться серьезным, спросил:

— А полиция?

Разочарование расползлось по лицам ребят.

— Значит вы тоже из их шатии? А мы думали — вы рабочие.

Старший из них махнул рукой. Все ребята повернулись и дружно, как по команде, крикнули:

— Фашисты! Коровы! Фашисты!

И сразу же, не дожидаясь ответа, прыснули во все стороны, сверкая голыми пятками.

Жан задумчиво улыбнулся.

— Жизнь учит даже ребят. Мы в детстве бегали впереди военной музыки, не думая, ч т о она играет.

Мишель не ответил. Все трое пошли вперед через площадь. Она постепенно

переходила в улицу, сворачивая в сторону.

Повернув за угол, Жервье поднял глаза и даже вздрогнул от удивления. На большом красивом доме, в конце улицы, раздувалось в небе ярко-алое полотнище флага.

Спутники, заранее ожидая эффекта, горделиво улыбнулись.

— Муниципалитет Иври. Всё коммунисты. Пять лет, как здесь не снимается этот флаг, — пояснил Мишель. — А теперь вы свободны, — добавил он. — Здесь рядом идет трамвай, который доставит вас в город.

Гул толпы прервал его слова. Из боковой улицы, одновременно с ними, прямо к дому выливалась голова колонны, на три четверти состоящая из женщин.

Обтрепанные платья, стоптанные башмаки... У многих на плечах сидели ребята. В гуще женских фигур иногда мелькали мужские лица, но и те в большинстве были старческие, изрытые тяжелыми морщинами годов.

Над серой толпой цветными маками трепетали яркие полотнища:

«Верните из казарм наших мужей».

«Дайте им возможность проститься с семьей».

«Требуем от муниципалитета принять меры».

— Теперь нам не пробраться. Поспешим, — заволновался Мишель.

Но было уже поздно. Толпа нахлынула со всех сторон.

Пробраться вперед стало совершенно невозможно. Кругом них шли растрепанные женщины с распухшими глазами, плыли желтые восковые лица детей, поднимались руки, до неузнаваемости исковерканные работой.

Толпа тесно окружала здание муниципалитета.

На центральный балкон вышла группа людей.

Гул толпы приветствием поднялся снизу.

Человек без шапки вышел вперед к перилам и стал говорить. Гул толпы покрывал слова:

— Мы сейчас слишком слабы... Наши товарищи в палате арестованы... С часу на час мы ждем того же... Но не отказывайтесь от борьбы, товарищи... Смените нас... Помните... всегда... побеждает солидарность масс...

Рыданья женщин, вместо привычных аплодисментов, глухо прорывались в толпе.

Неужели и здесь бессильны? Кто же тогда сможет помочь? Кто освободит мужей, запертых в казармах?

На край балкона прыжком вскочил другой человек, протянув к толпе руку. Зеленая, защитная гимнастерка плотно облегла широкую фигуру. Распахнутый ворот открывал бронзовый загар шеи. Он начал говорить, точно бросая в толпу короткие слова на чужом языке...

Толпа затихла, прислушиваясь, пытаясь понять смысл чужих слов.

И, связавшись сотней напряженных глаз с каждым в толпе, человек в зеленом вдруг рванулся вперед и поднял руку, сжатую в крепкий кулак, бросил в море голов, покрывающих улицу, во всю силу легких близкое и понятное всем: «Rot Front».

— Красный фронт! — прокатилось по толпе, смывая слезы.

— Красный фронт! — Лес сжатых кулаков поднялся над толпой, силой жеста рождая веру.

— Красный фронт! — Корявые искривленные пальцы, давно в покорной работе отвыкшие сгибаться в кулак, складывались вместе, готовясь к удару, протягиваясь вперед в грозном предостережении.

Вперед, где на балконе зеленым квадратом плечей, потрясая сжатым кулаком, метался оратор, опять бросая вниз на чужом языке понятные слова.

И толпа внизу гулким ревом отвечала на каждую фразу.

— Единому рабочему фронту, красным фронтовикам Германии — ур-а!

Немцу, «проклятому бошу», в первый день войны отцы и жены французских мобилизованных кричали «ура»!..

Красным фронтовикам Германии—ура!

*

Кто первый услышал выстрелы, установить было трудно. Жервье только почувствовал, как толпа, точно упругое тело, сжалась и рванулась в сторону, увлекая его за собой. Истерические вопли женщин зазвенели в ушах...

На балконе заметались люди, пытаясь остановить бегущих.

Кто-то хрипло кричал в блестящий рупор, наклоняясь вниз:

— Спокойно, товарищи, спокойно!..

Но в это время новый сухой треск, точно в воздухе разодрали кусок коленкора, резанул по толпе и быстро в разброд, лопаясь пустыми пузырями, посыпался горох револьверной стрельбы.

Изумленно-испуганный вопль вырвался из груди толпы:

— Стреляют!.. Стреляют!..

И в диком надсадном крике разнеслось:

— Спасайтесь, товарищи!..

Сильный толчок выбил землю из-под ног Жервье. Толпа метнула его в сторону, стащила вправо, бурным выплеском прижала опять к стене.

Почувствовав под ногами ступени, Жервье ухватился за подоконник.

Толпа схлынула, чуть не смыв его снова.

Теперь, на полтуловища выше всех, он мог свободно видеть происходящее. Толпа металась по улице, как в ловушке, окруженная со всех сторон.

Слева из переулка бежали люди в черных рубашках, вооруженные дубинками, дико размахивая ими над головой.

Справа от площади шеренга полисменов оттеснила толпу от муниципалитета в переулок. Под их прикрытием люди в черных рубашках ломились в здание, разбивая по дороге рамы и двери.

Стиснутые в середине, люди метались, давя друг друга, в страхе забиваясь в под'езды и подворотни. Цепь полисменов наступала, закрывая узкую воронку улицы. Между стеной и цепью осталась маленькая щель, которая сейчас должна была закрыться.

Медлить было нельзя. Жервье соскочил вниз и кинулся в свободный проход. Пять-шесть человек толпы, ища спасения, бросились за ним.

Откуда-то рядом оказалась молодая женщина, прижимавшая к груди ребенка. Сзади, тяжело дыша, наседая на пятки, бежал старик.

Заметив прорыв, крайние полисмены бросились навстречу. Резиновые палки замелькали в воздухе, глухо барабаня по спинам. Но было уже поздно. Жервье проскочил за две секунды до того, как сомкнулась цепь, свернул в переулок и, напрягая силы, побежал от свалки так, как не бегал никогда в жизни.

Три человека с одного корабля

Два часа спустя Жервье, испуганный легкой возможностью попасть в «государственные преступники», явился в казарму за назначением, и вечером того же дня поезд выкинул его на платформу пригородной станции Виль-а-Курбе, где стояла авиочасть, в которую Жервье был назначен.

Станция была маленькая, тихая, ничем не указывавшая, что здесь сосредоточены крупные воздушные силы.

Только ряд огромных, вытянувшихся в отдалении зданий, похожих на крытые вокзалы, отличал городок от других, подобных ему. Это были эллинги, в которых стояли гиганты французского военного флота.

Через пятнадцать минут по приезде Жервье уже сдал документы в канцелярии дивизиона и получил предписание явиться утром в распоряжение командира линейного цеппелина «Эгалите», на который был назначен механиком.

Пока же последнюю ночь он мог оставаться свободным гражданином. Сложив свои вещи в комендатуре, Жервье пошел побродить по городу. Город — это звучит гордо. На самом деле это был обыкновенный поселок, которых много под разросшимся Парижем. Кокетливые улицы, засаженные зеленью, сходились к центральной площади, на которой мерцали огоньки кино и единственного ресторана. Других достопримечательностей не было.

Реклама кино не соблазнила Жервье, и он предпочел ресторан. Здесь, в зале, уже чувствовалось оживление войны. Крохотное помещение ресторана было переполнено до отказа разношерстной публикой, еще не обезличенной военной формой, сглаживающей социальное положение. Резко выделялись военные мундиры, еще не обтянувшиеся на фигурах, крестьянские костюмы, кепи рабочих и фетровые шляпы интеллигентов.

Сразу было видно, что большинство здесь призванные, только что с поездов, с разных концов страны.

Жервье с трудом отыскал стул. Соседями оказались: круглолицый, уже пожилой, человек в деревенском костюме и молодой бледный юноша в ультрамодном пальто.

За рюмкой вермута люди сходятся быстро. Не прошло и пяти минут, как все трое разговорились, как старые знакомые. Круглолицый, оказавшийся фермером из Бретани, овладел разговором.

— Как не во-время эта война! Наша ферма осталась совсем без работников,— с грубоватым деревенским простодушием жаловался он. — Я не понимаю правительства. Ведь нам еще войны никто не об'являл. Неужели министерство не могло подождать до уборки урожая?

Молодой человек в модном пальто, снисходительно улыбаясь, ответил крестьянину:

— Когда война об'явлена, поздно делать мобилизацию. Средства сообщения выросли колоссально. Теперь достаточно нескольких дней, и враги уже над Парижем.

— Ну, это вряд ли возможно, — усомнился фермер.

— Вполне возможно. Не забывайте, что американские пловучие базы могут в четыре дня переплыть океан. Каждая из них несет до 60 больших аэропланов и имеет мачты для цеппелинов. А таких авиоматок у них не один десяток.

За рюмкой люди сходятся быстро.

— Но английский флот не допустит их к берегам Европы, — возразил Жервье.

— Не допустит? — усмехнулся молодой человек. — Английский флот постарается не допустить, да и то только в том случае, если будет нашим союзником. А вы знаете американский размах? Они даже при нашем нейтралитете не постесняются сделать из Франции базу для борьбы с Англией на европейском берегу.

— Я — враг войны, — с волнением произнес Жервье, — но если Америка попытается сделать это, весь народ станет на защиту страны, как один человек.

— Но пока никто не нападает, то что же нам волноваться? — упрямо настаивал фермер.

— Я же говорю, что надо заранее приготовить оружие, иначе будет поздно, — уже немного раздражаясь, ответил модный молодой человек.

Фермер укоризненно покачал головой.

— Слишком опасное средство. Когда оружие в руках, оно всегда может легко выстрелить.

— Нет, этого не бойтесь, — прервал Жервье. — Первыми мы не нападем. Правительство знает, что социалисты не поддержат захватнической войны. А социалисты — это сила. Это весь пролетариат.

— Ну, знаете, есть пролетарии, которые вообще против всякой войны и за свою шкуру, — с презрением в голосе ответил модный молодой человек.—

А во-вторых, нападение иногда является лучшим способом защиты, и не нам с социальными теориями лезть в планы генерального штаба.

Фермер прервал его с нотками глухой ненависти в голосе:

— Вы очень хорошо рассуждаете о нападении, точно это для вас раз плюнуть. А вот я, который был на войне, скажу, что надо много и долго подумать раньше, чем ввязываться в драку.

— Я остался сиротой после войны,— с гордостью ответил Жервье, — и все-таки считаю, что когда нападают на родину, надо, не рассуждая, защищать ее. Внутри мы можем бороться сколько угодно, но против врага мы должны быть едины.

— Совершенно верно, — отозвался молодой человек, медленно потягивая вермут. — Только я считаю, что внутренняя борьба — совершенно напрасная растрата национальных сил. Капиталистический строй создан историей, и не кучке фанатиков перевернуть его в пять минут.

Круглолицый фермер с неприязнью взглянул на щеголеватого соседа.

— Вы так думаете?.. Очевидно экономический строй сложился для вас достаточно благополучно. Разрешите узнать, кто вы?..

— Я назначен старшим штурманом на «Эгалите».

— Я тоже назначен на «Эгалите», только пулеметчиком, — прервал фермер. — Разница в чинах, как видите, порядочная, и с завтрашнего дня я уже не смогу сидеть с вами. Но там, в гражданском мире, вы кем были?..

— Я... у меня... — смешался молодой человек, — я, собственно говоря, служащий. Я работаю у дяди, у него фабрика измерительных авиоприборов.

— Ну, вот оно и понятно, — усмехнулся фермер. — Ну а вы, — обернулся он к Жервье, — как ваш дядя? Наверное он если не фабрику, так уж фабричку имеет.

— Нет, я—пролетарий,—гордо ответил Жервье, — кроме собственных рук, у меня нет никакой другой собственности.

Лицо фермера выразило неподдельное изумление.

— Легкая же у вас была видно жизнь, если вы до сих пор сохранили такие розовые взгляды. На социализм вас видно сагитировала не жизнь, а книга. Мне что-то не верится, что вы прошли через горн войны.

— Да, я могу считать, что был на войне, хотя и не участвовал в ней, — с обидой в голосе произнес Жервье.— Правда, я был совсем ребенком, когда наша деревня попала между линиями фронта, но до сих пор я помню все, что пришлось пережить нам.

— А после в войсках служили? — переспросил фермер.

— Шофером при штабе в Париже.

— Сладкая жизнь — парады и чаевые от дам, — улыбнулся фермер. — Тогда вашим убеждениям грош цена. Ваша восторженность рассеется, как дым, от первого хорошего боя.

— Никогда! — загорелся Жервье. — Даже смерть не уничтожит моей любви к родине.

— Правильно, — поддержал молодой человек, поднимая бокал, — выпьем за патриотизм—это святое чувство, возвышающее человека над материальными целями. А вот вы,—с легким презрением обернулся он к фермеру, — вам, кажется, мало знакомо это чувство?..

— Я не меньше вас люблю родину,— скупо обронил фермер, — и работаю на нее так, как сумей работать все, то ни одного клока на ней не осталось бы невозделанным, но воевать... — Он стал еще серьезнее, говоря глухим голосом.— Воевать я иду без охоты. Это слишком жутко и на энтузиазм меня нехватает.

— Но почему же это для вас так жутко, когда ваш сосед в этом ничего страшного не находит? — недоумевая, пожал плечами молодой человек.

Лицо фермера потемнело.

— Вы слышали, как он воевал, и вспомните сами. Дуомон, Верден, Во! Вы были тогда тоже ребенком, а наверное эти слова самые жуткие из воспоминаний вашего детства, а я там был сам...

20 тысяч снарядов на квадратный километр. Вот если после этого дождя вы скажете, что готовы без колебания итти на войну, то тогда я вам поверю. А я испытал это и имею право говорить то, что говорю. Вот это право...

Фермер быстрым жестом засучил рукав пиджака. Выше кисти вся рука была изуродована темными пятнами и буграми. Он указал на них пальцем.

— Когда немцы бесчисленный раз брали Во, меня оставили с пулеметом защищать то, что когда-то называлось фортом. Мы взорвали фугас и засыпали немецкий огнемет в ста шагах от нас. Бежать им было нельзя. Землей им придавило ноги, и вот они, умирая, жарили нас огнем, испекли двух товарищей и прожгли мне руку, пока я успел продырявить их из пулемета.—Фермер резко тряхнул головой, точно отгоняя воспоминания. — С меня довольно войны.

Молодой человек, помолчав для приличия, поднял бокал.

— Довольно грустных воспоминаний. Старое забыто. Выпьем за новую войну, столь же блестящую и победоносную, как и прошлая!

Соседние столики подхватили тост. Крики смешались со звоном бокалов. Жидкий оркестр, сбиваясь, заиграл «Марсельезу».

На эстраду выбежали две женщины, одна в синем, другая в полосатом костюме, с французским и американским флагами в руках. Начался танец, в котором Франция наступала, а Америка позорно удирала в уголки сцены под улюлюканье подвыпившей публики.

В самом конце номера, когда Америка была почти повержена, из-за кулис вышел конферансье, стараясь придать своему лицу грусть, прошел по сцене и поднял руку, останавливая оркестр.

Музыка смолкла. Сидящие за столиками повернулись к сцене, чувствуя что-то важное.

— Господа! — стараясь сохранить на лице выражение скорби, произнес конферансье. — Только что получено сообщение. Американскими гидропланами потоплены в проливе Па-де-Кале девять пароходов, шедших в Англию, из них четыре под французским флагом. — Конферансье набожно поднял глаза. — Почтим память погибших мучеников!

Сидящие в зале поднялись, как один человек. Секунду стояло молчание. Потом сразу тишина точно треснула, рассыпавшись проклятьями и выкриками. Люди стучали кулаками, роняя посуду, лезли друг к другу, точно сразу готовясь сцепиться с невидимым врагом.

— Гнусность американцев не знает границ. Мы потеряли пять лучших генералов, погибших на наших потопленных американцами кораблях. Значит они давно готовились и подвели к нашим берегам авиобазы, с которых летают истребители. Ладно, долго им не продержаться. Завтра днем наше разведка все равно откроет их.—Конферансье снова поднял руку. — Господа! Месть уже поразила негодяев. Самолеты нашей береговой охраны сбили два американских гидроплана. Слава нашим героям!

Оркестр заиграл туш. Крики восторга потрясли стены.

Покрывая рев, в залу прорывался голос конферансье:

— В честь нашей первой победы администрация распорядилась выдать всем посетителям по бокалу шампанского. Желающие отпраздновать победу торжественней, могут требовать у гарсонов шампанское лучших марок от 20 франков за бутылку.

Где-то уже хлопали откупориваемые пробки. В зале кричали «да здравствует Франция» так, что звенели хрустальные подвески запыленных люстр.

Молодой человек из своей бутылки налил в стаканы соседей.

— Ну что ж? Выпьем за первую кровь? Видите, не мы начали ее проливать.

Взволнованный Жервье, расплескивая, схватил стакан и крикнул высоким, срывающимся голосом в ревущую залу:

— За погибших героев! За Францию! За месть бандитам!

Круглолицый фермер, вздрогнув от его крика, нерешительно потянулся к стакану.

На сцену вышел конферансье.

— Что же? Приходится воевать. Видно не мы начинаем. Не будь я Пьер Фуке, если я теперь, как двадцать лет назад, не сумею всадить ленту льюиса в брюхо бегущей цепи.

Он чокнулся с Жервье и молодым соседом, деловито выпил стакан и, уже ставя его на стол, добавил тихо, почти не слышно, больше для себя:

— Но 20 тысяч снарядов на километр! Это тяжело, вы не знаете, как это ужасно тяжело...

Покупают людей

Линейный цеппелин «Эгалите», газоизмещением в 82 тысячи кубических метров, был выпущен всего год назад с правительственных верфей ля-Бурже и после пробного полета в Южную Африку, выяснившего большие недостатки системы, зачислен в резерв судов французского воздушного флота.

Теперь, в связи с мобилизацией, его вместе с двумя другими кораблями этого типа спешно пополняли командой и приводили в боевую готовность.

Огромный, скупо освещенный эллинг кипел работой и грохотал молотками, когда Жервье на утро после ночной попойки явился для представления командиру.

Работа кипела всюду. Громадное двухсотметровое тело дирижабля со всех сторон, как муравьями, было облеплено людьми. Даже под самым куполом, качаясь на веревочных люльках, копошились фигурки с кистями, перекрашивая гиганта в темносерый, боевой цвет.

Еще выше, под потолком, скрипели вагонетки, тяжело нагруженные баллонами с сжатым газом.

Люди бегали и суетились, занятые своим делом, подгоняемые царившей спешкой. Среди этой сутолоки Жервье с трудом отыскал группу офицеров и пробрался к ней.

Найдя глазами наибольшее число нашивок, вытянулся, стараясь по-военному собрать отвыкшую от строя фигуру.

— Господин капитан! Распоряжением по дивизиону назначен механиком на вверенный вам корабль и прибыл в ваше распоряжение.

Офицер на минуту оторвался от чертежей, небрежно пробежав глазами по фигуре Жервье.

— А, хорошо. Кадровый или мобилизованный? Вижу, что из запаса. Пуговицы не застегнуты. Мундир не сходится, говорите, растолстели. Ну, ничего, здесь скоро похудеете.—И, уже отворачиваясь, кивнул другому офицеру: — Лейтенант де Журден, вот новый механик в ваше распоряжение.

Бледное лицо офицера повернулось к Жервье и осветилось подобием улыбки.

— А, вчерашний знакомый! Очень приятно.

Не дожидаясь ответа, офицер уткнулся в записную книжку.

— Ага, вот вам. Вторая моторная гондола. Мотор Нэпир 1 000 сил. Знако-

мы с нэпирами?—И опять, не дожидаясь ответа, крикнул в пространство: — Су-лейтенант Рабине! Прибыл новый механик. Будьте добры, покажите ему место.

На этот раз подошедший коренастый человек даже ткнул Жервье руку, милостиво бросив в виде приветствия:

— Идите за мной, парень, я покажу вашу нору.

Жервье двинулся за су-лейтенантом. От зашитого в броню носа с блестящей золотом надписью «Эгалите» они пошли вглубь, мимо зеркальной стенки командорской кабины, миновали центральную боевую рубку с грозно торчащими орудиями, прошли мимо двух аэропланов, подвешенных под брюхом гиганта, и наконец остановились около задних кабин, где помещались моторы.

Они находились на корме, в противоположном конце от дверей эллинга, и здесь было почти темно. Электрические лампочки только еще больше разбивали слабый дневной свет.

Су-лейтенант Рабине остановился, указывая на зализанную в круглых линиях и отполированную кабину.

— Ну вот ваше рабочее помещение. Жить вы будете наверху, во втором коридоре. Каюта небольшая, три метра, но вещи сложить хватит. Максимум тридцать кило, — добавил он, — иначе остальное выкинут.

Показав кабину, больше похожую на легкую скорлупу, закрывающую помещенный внутри огромный мотор, Рабине опять вышел наружу и заговорил уже более дружеским тоном.

— Значит эта кабина будет ваша. Правая — механика Бертье. Помощник ваш скоро прибудет. Место у вас спокойное, от начальства далеко, связь только телефоном. Единственный недостаток, в бою довольно опасно. Корабли этого типа слабо защищены с кормы. Под хвостовым оперением всего три пулемета, но зато кто управляет этими пулеметами? Бывший герой Вердена.

Рабине подошел к корме, приподнялся на носках и стукнул в фанерную переборку:

— Эй, дядя, пулеметчик Вердена, выгляни-ка на минутку!

Маленький, чуть заметный люк откинулся внутрь, открыв острое дуло пулемета. В следующую секунду пулемет от'ехал вглубь, а на его месте выглянуло круглое, полное лицо в песочном кепи.

— Дядя Фуке, — произнес Рабине,— вот познакомься, новый механик левой кабины, под твою защиту.

Лицо в люке повернулось к Жервье и расплылось в улыбке.

— Чорт возьми, старина! Я вас не узнал, до того вас изменила военная форма.

— Вы уже знакомы? — удивился Рабине.

— Как же, как же! — заулыбался Фуке. — Еще вчера в ресторанчике вместе выпивали.

— Ну, ладно, — вдруг вспомнив, что он начальник, прервал су-лейтенант. — Довольно болтовни, займитесь делом. Вы, Жервье, проверьте мотор, а вы, Фуке, налаживайте пулеметы. Через час я приду. Поторапливайтесь, помните, что вечером назначен пробный полет.

Но даже и часу Жервье поработать не пришлось. Прошло не больше сорока минут, когда резкий сигнал трубы зазвучал в эллинге. Жервье не успел стянуть парусиновой рабочей куртки, как в дверь раздался стук. Голос Фуке крикнул ему снаружи:

— Поскорее, друг, трубят общий сбор!

Наскоро оправляя мундир, Жервье выскочил из кабины и вместе с Фуке побежал вдоль дирижабля. Команда уже построилась у самого носа. Су-лейтенант Рабине издали жестами звал их, показывая место рядом с собой.

Жервье едва успел стать в ряды, как старший офицер, повернувшись к фронту, отдал команду:

— Смирно! Равнение направо!

В эллинг вошел капитан «Эгалите», сопровождая толстого генерала, командира дивизиона тяжелых кораблей.

Приняв рапорт старшего офицера, генерал обернулся к капитану и, наклоняясь, спросил полушопотом, чтобы никто не слышал:

— Вы уверены, что команда надежна?

— Сами знаете, министерство приняло все меры, — неопределенно пожал плечами капитан. — В связи с задачей, возложенной на дивизион, отбор был очень строгий. Большинство команды — участники войны или же по особой рекомендации.

— Хорошо. Я попытаюсь подействовать на них, — коротко ответил генерал. Он сдернул с руки перчатку, вышел вперед и, отдавая честь фронту, крикнул:

— Здорово, орлы!

— Гав, гав, гав, гав... — гулко будя эхо под железными сводами, ответил строй. Генерал подождал, пока улягутся отзвуки, подошел ближе и начал говорить тише, уже более человеческим голосом.

— Молодые орлы воздушного флота! Мы собрались здесь по первому зову республики для того, чтобы грудью защитить родину от дерзкого посягательства врага. Я скрывать не стану, война неизбежна. Нынче ночью американцы потопили еще 9 французских кораблей, шедших в порты Британии. Наши летчики, охраняя суда, сбили еще три американских гидро. Фактически война началась вчера, и дипломатические сношения должны неизбежно прерваться. Война нам не страшна, я верю, что в союзе с Англией мы победим, но опасно другое. Вы знаете, что дни тяжелых испытаний враги всегда пытаются использовать для своих интриг. Побежденные враждебные державы на востоке давно с завистью смотрят на богатство и славу Франции, с нетерпением ожидая момента, чтобы напасть на нас. Но к счастью у нас есть могущественные друзья, готовые помочь Франции и защитить ее от нападения. Они зорко наблюдают за нашим врагом, но их техническая мощь слабее вражеской, и потому они обратились к нам с просьбой помочь им в этом. Мы всегда готовы помочь друзьям, и военное министерство постановило передать дружественной державе три линейных крейсера типа «Эгалите», как все равно снимаемые с вооружения армии.

Генерал сделал паузу и еще ближе подошел к строю.

— Вы уверены, что команда надежна?

— Теперь моя просьба к вам, друзья. Покупая эти корабли, дружественная держава не обладает техническими силами, способными управлять ими, и потому просила меня обратиться к команде этих крейсеров с предложением временно перейти к ней на службу в качестве инструкторов для обучения новых кадров. Со стороны нашего военного командования никаких препятствий к этому переходу не встречается. Офицерский состав уже из'явил свое согласие. Служба в армии дружеской державы будет рассматриваться как служба в рядах французских войск и в случае боевых действий награждаться как защита родины.

Генерал опять сделал паузу, внимательно всматриваясь в лица, и стал еще ласковее.

— Конечно насиловать мы не будем. Каждый волен отказаться и в случае нежелания будет переведен в часть на территории Франции. Итак, друзья, я жду вашего решения здесь и немедленно.

Генерал смолк. Темная фигура с нашивками сержанта шагнула из рядов.

— Разрешите узнать. Вы упомянули о боевых действиях. С кем могут намечаться боевые действия дружеской нам державы?

Генерал сердито закусил губы.

— Мы не намерены, да и не можем заранее наметить противника. Возможно, вам совсем не придется воевать, а

если придется, то с тем, с кем обязывает вас присяга. С врагами страны.

— Но враг чужой страны может и не быть моим врагом, — упрямо ответил сержант.

Генерал покраснел, злобно покусывая усы.

— Я не намерен вступать в споры. Мне нужно только знать, согласны вы или нет.

— Тогда я не согласен, — громко ответил сержант.

Генерал обернулся к капитану.

— В таком случае этого вычеркните из списков. У меня есть распоряжение: всех нежелающих переводить в пехотные части в Мозамбик, на Мадагаскар.

При этих словах сержант побледнел, вздрогнув, как от удара. Генерал искоса взглянул на него, скользнул взглядом по нашивкам и прибавил:

— Конечно не сержантом — рядовым. Вакансий нет, но зато это же на территории Франции.

Жервье, тоже вышедший из рядов, медленно попятился назад. Генерал с ласковой улыбкой повернулся к нему.

— У вас тоже есть вопросы?

— Я...м...м...м... — страшно выпучив глаза, запнулся Жервье. — Я собственно хотел узнать, какие материальные условия новой службы?

— Двести процентов надбавки к жалованью и по прошествии трех месяцев годовой оклад в награду.

Изумленный шопот пронесся по рядам. Генерал насмешливо улыбнулся.

— Не правда ли, друзья? Не плохо? Думаю, что вряд ли еще кто откажется.

Видя, что строй молчит, повернулся к капитану, опять наклонился и тихо, уже ему одному, шепнул:

— Ну вот видите, вы боялись. Команда сохранена, все в порядке. Мы выгадываем на этом минимум два дня. Теперь распустите ребят и приготовьтесь. Завтра вечером назначим отлет.

За родину и цивилизацию

Неисправности в управлении «Эгалите» задержали эскадру, потому дивизион смог вылететь с аэродрома Виль-а-Курбе только двадцатого.

Отлет был произведен ночью, в строгой тайне, с неосвещенного аэродрома и без огней на кораблях.

Перед отлетом все три команды выстроились около эллинга, и командир дивизиона сказал короткое напутственное слово, первый раз назвав по имени «дружественную державу» и место назначения.

Как многие догадывались раньше, этой державой была Польша, а место назначения — Варшава.

После этого команды заняли свои места. Прозвучал короткий сигнал. Заработали электромоторы. Огромные здания эллингов стали медленно разворачиваться на оси, становясь воротами против ветра, чтобы случайный прорыв не смог разбить о стену выводимые корабли. Маленький трактор, пигмей по сравнению с махиной цеппелина, осторожно потянул «Эгалите» из черной пасти эллинга. Один за другим все три корабля были выведены на аэродром. Еще раз прозвучал сигнал. Последние канаты, связывавшие корабли с землей, упали в траву, и темные сигары корпусов медленно поплыли в воздух...

Моторные кабины. по роду выполняемой работы не требовали большого обзора, а любопытство механиков конструктор очевидно при расчете не учитывал. Поэтому для Жервье все ощущения полета были лишены зрительных впечатлений. Через круглые иллюминаторы кабины только в самом низу проходила узенькая полоска горизонта, на котором светлыми точками блестели огоньки городов.

Но Жервье и не интересовался землей. У мотора было достаточно работы, и не оставалось времени на любование ночным пейзажем. Писк телефона и огоньки сигналов все время требовали различной работы мотора для маневров корабля.

Только, когда эскадра выстроилась и пошла на восток с постоянной скоростью, стало немного свободнее.

Жервье присел на маленькую скамеечку у стены и задумался.

Итак все кончено. Две тысячи метров отделяют его от родной земли. Сомнений в том, может ли он служить или должен отказаться, больше не может быть. Он наемный ландскнехт, солдат чужой армии, обязанный за деньги драться с тем, на кого укажут. Ни любви ни ненависти от него не требуется. Тебе платят — должен служить. Правда, обещают, что Польша будет охранять Францию от нападения с тыла. Иллюзия защиты родины есть. Ну а если Польша пустится в самостоятельную авантюру, не связанную с Францией, тогда что? Коммерческий расчет. Работать как мясник, получая сдельно с каждого трупа? Ведь порвать договор и уехать на родину он уже не может. Родина сама оттолкнула его, отказавшись от горячего желания защищать ее. На душе Жервье было смутно и тяжело. Расставленные в чинном порядке, незыблемо утвержденные годами спокойной жизни, убеждения как-то сдвинулись и смешались под влиянием событий последних дней, и теперь он с трудом разбирался в них, стараясь создать хоть какой-либо порядок. Но ничего не получалось.

Правда, за спешкой напряженной работы ему некогда было думать. Это первые свободные минуты за три дня.

Но и они кончились быстро. Надоедливый телефон запищал над ухом. Жервье, взяв трубку, узнал голос су-лейтенанта Рабине.

— Алло, старик, как у тебя дела? Все в порядке? Тогда сдай мотор на пять минут помощнику и приходи ко мне. Мне надо поговорить с тобой.

— Есть, — коротко ответил Жервье. Итти не хотелось, но он все же встал, обращаясь к помощнику: — Я ухожу, смотрите за мотором. Чуть что, вызовите меня.

Не спеша он поднялся по маленькой лестнице и, откинув люк, вылез во внутренний коридор.

Рабине уже ждал его там.

— Здорово, старик, — неестественно развязно приветствовал он. — Я хотел узнать, как твой мотор. Хорошо работает, не капризничает на новом газе?

— Нет, все в порядке, мотор работает хорошо, — с легким удивлением ответил Жервье.

Рабине перебил его:

— Замечательное изобретение, — както крикливо, оживляясь, заговорил он.— Бензин у нас заменен легкой горючей смесью, накачанной в газгольдеры. Убиваются сразу два зайца. Газ дает под'емную силу, а по мере того как сжигается моторами, на пустое место в отсеки пускается воздух, так что летные качества от перемещения центра тяжести при пустых бензиновых банках тут не меняются. Ты никогда не видел этого устройства? Хочешь посмотреть, как помещаются газгольдеры в отсеках?

Су-лейтенант говорил быстро и путаясь. Жервье чувствовал, что он его вызвал вовсе не для того, чтобы показывать устройство корабля. Однако он покорно пошел за Рабине.

По алюминиевой лестнице они поднялись кверху и вышли в узкий коридор, проходивший очевидно над жилыми каютами команды. Рабине повернул выключатель и зажег свет. Ряд больших круглых, плотно прилегающих крышек шел по обеим сторонам, уходя в неосвещенную глубину. На некоторых из них резко бросались в глаза красные дощечки с черепом и надпись:

Осторожно. Горючий газ.

— Вот, — указал Рабине на одну из них, — ваше топливо. В остальных отсеках—гелий. Он не горит. Когда вы видите на камерах эти дощечки, то можете спать спокойно. При боевой готовности газгольдеры во всех отсеках наполняются гелием. Иначе один снаряд может взорвать все судно.

Рабине прошел по коридору до того места, где тот кончался плотной глухой стенкой.

— Вот конец моим владениям. Из боязни пожара весь корпус разделен четырьмя глухими переборками, так что в своем участке я бог и царь.

Он повернулся от стенки, опять обращаясь к Жервье.

— Видишь эти круги, старина? Это ходы в газовые камеры. Там, внутри, вторая дверь. Надо плотно закрыть за собой одну и только тогда открывать другую. Иначе весь газ утечет. По этим камерам я с ребятами должен лазить во время боя и залатывать дыры, которые нам пробьют враги, но...—Рабине наклонился к Жервье и произнес, подчеркивая каждое слово:—Стоит мне случайно не закрыть плотно хотя бы шести камер, и наша колбаса неизбежно сядет на землю. Особенно если прихлопнуть единственный трап, ведущий сюда. Ведь ломать стену — долгое дело.

Рабине сделал паузу, пристально вглядываясь в лицо Жервье, и рассмеялся, показывая, что он пошутил.

— Конечно только сумасшедшему может притти в голову такая идея, но все-таки как много в теперешней войне зависит от надежности человека.

Помолчав несколько секунд, Рабине потушил свет, и они снова спустились вниз. В нижнем коридоре Рабине наконец решился. Он схватил Жервье за руку и шепнул, наклоняясь близко к уху:

— Слушайте! Мне надо сказать тебе кое-что, только без лишних ушей. Пойдем в кормовое помещение. Если Фуке нет, значит он дрыхнет в своей каюте, и нас никто не услышит.

Кормовое помещение, о котором говорил Рабине, находилось в самом конце коридора и представляло из себя маленькую бронированную каюту, в которой помещались пулеметы и скорострелка, охранявшие рули корабля. Каюта была пуста. Рабине пропустил Жана и плотно захлопнул дверь, став к ней спиной.

— Жервье, ответь мне честно на вопрос: ты член социалистической партии?

Жервье, удивленный вопросом, на секунду запнулся, но быстро взял себя в руки и ответил спокойно:

— Ну хотя бы. Разве это запрещено?

Рабине улыбнулся одними губами.

— У нас на корабле такая публика, что даже признать себя социалистом надо иметь мужество.

Он близко наклонился к Жервье и заговорил совсем тихо:

— Я не из любопытства спрашиваю тебя об этом. Я наблюдал за тобой еще тогда, когда эта толстая каналья разговаривал с нами в эллинге. Я заметил, что его песни тебе не очень понравились, и ты только молчал.

— Ну а что же было делать? — нахмурился Жервье. — Ехать на Мадагаскар, в лапы желтой лихорадки? Уж лучше отслужить три месяца, тем более что в Польше войны может и не быть.

Рабине хитро улыбнулся.

— А зачем же тогда Польша так спешно требует цеппелины? Для защиты? Странно. От какого «нападающего» врага могут защитить махины, почти не имеющие орудий, но могущие сбросить на землю тысячи кило бомб? Нет, дорогой мой, нас наняли для нападения и нападения очень спешного.

— Но что же тогда делать? Мне вовсе не хочется воевать за Польшу,—растерянно улыбнулся Жервье.

Рука Рабине осторожно коснулась его локтя.

— Делать есть что. Я и вызвал тебя поговорить об этом. Нам надо организоваться и постараться увильнуть от этого грязного дела. Это можно сделать, если бы команда у нас не была такая аховая. Нарочно подбирали маменькиных сынков и шкурников, готовых за десять су продать родного отца. Но все-таки попали некоторые ребята, с которыми можно рискнуть поговорить.

— А кого мы можем привлечь еще, чтобы подать протест?—радостно встрепенулся Жервье.

— Протестами ничего не сделать, — резко оборвал Рабине. — Надо действовать решительнее.

— Но как же ты думаешь действовать?

— Как — это мы решим потом, — уверенно бросил Рабине. — Главное — это организоваться. Я еще на земле хотел поговорить с тобой, но не мог...

Сухой щелчок пружины прервал его фразу. Люк, ведущий на наружную площадку, откинулся. Чьи-то ноги в кованых сапогах свесились, нащупывая сту-

пени. Заговорщики напряженно следили, как из люка выползала человеческая фигура. Наконец ноги коснулись пола. Человек встал и повернулся.

Знакомое песочное кепи бросилось в глаза, но лицо, круглое, добродушное лицо пулеметчика Фуке было почти неузнаваемо. Оно горело, искаженное гневом, страшное, без обычной улыбки.

Он быстрым движением захлопнул люк, сделал шаг вперед и, точно пронзая приятелей взглядом свирепых глаз, прошипел в наступившую тишину:

— Вот что, ребятки. Коли беретесь за дело, так умейте делать чисто. Иначе не избегнуть вам веревки за глупость.

Потом лицо его начало меняться. Хорошая, ласковая улыбка зажглась в глазах, вытесняя свирепость. Фуке подошел ближе, наклоняясь к сидящим:

— Вы не малые ребята. Надо быть осторожными, старики. Ваше счастье, что на площадке был я один.

Сын нового отечества

Без происшествий пролетев под покровом ночной темноты через Германию, эскадра утром следующего дня благополучно спустилась на польском аэродроме, в пяти километрах от Варшавы. Аэродром был маленький, плохо оборудованный, не приспособленный к приему больших цеппелинов. Два корабля пришвартовали к причальным мачтам, а «Эгалите» пришлось завести в деревянный, наскоро сколоченный сарай, очевидно из польской гордости носивший название эллинга.

Вечером этого же дня команде было выдано польское обмундирование, и дивизион тяжелых кораблей окончательно переменил свое подданство.

Однако в город команды не отпускались. Приходилось ютиться в маленьких тесных каютах, не приспособленных под жилье; для прогулок предоставлялась только площадка аэродрома, обнесенная густой колючей изгородью. Но и это было уже много и позволяло уединяться для разговоров, не требующих лишних ушей.

Из люка выползала человеческая фигура.

Здесь у железной изгороди, в дальнем, мало посещаемом углу аэродрома, поэтому и состоялось первое по спуске на землю общее собрание заговорщиков, руководимое су-лейтенантом Рабине.

Для отвода глаз перед приятелями на газете были разложены колбаса, сыр, хлеб, кружка вина и прочая снедь, дававшая вид завтрака на свежем воздухе.

Рядом валялись квадратные фуражки, и блестящие орлы над большим козырьком, топорщили на них крылья, широко разинув острые клювы.

Рабине говорил, размахивая кулаком в такт словам:

— Нам надо привлечь механика второй гондолы Лаваля. Хоть у него нет крепких убеждений, но он сильно боится войны и пойдет на всякое дело, дающее больше шансов на спасение, чем воздушная драка. Наша ближайшая задача — обработать его. Тогда можно считать, что четверть корабля в нашем распоряжении.

— Ну, а что мы будем делать с этой четвертью? — спросил Фуке. — Об'явим на ней республику?

— Нет, мы постараемся набрать три четверти и тогда пред'явим ультиматум. Под угрозой восстания нас должны будут отправить на родину.

Здесь состоялось общее собрание заговорщиков.

— И заставят драться с американцами? — усмехнулся Фуке.

— Боже мой, да я ведь только и хочу не быть наемным ландскнехтом! — воскликнул Жервье.

Рабине, оборвав речь, чуть насмешливо посмотрел на него.

— Ну, кто чего хочет — это дело личное. У всякого из нас своя цель, об'единившая нас вместе. Вам например чего хочется, Фуке?

— Я хочу поскорее вернуться к себе на ферму и без продырявленной шкуры,— грубовато ответил Фуке. — А вы из-за чего волнуетесь, господин су-лейтенант?

Рабине пытливо посмотрел на собеседников, усмехнулся и молча вытащил из кармана маленький красный билет с перекрещенным серпом и молотом.

— Так вы... ты коммунист? — сразу слились два голоса.

Рабине быстро спрятал билет обратно.

— Да, ребята; наша цель — помешать всякой национальной резне.

— Но как вам удалось попасть на «Эгалите»? — в волнении, переходя на «вы», изумился Жервье.

Рабине ответил вопросом:

— А если в генштабе есть люди, сочувствующие нам? Могут они послать, рискуя даже собой, несколько человек на корабли, летящие в Польшу?

— Так значит... — воскликнул Жервье, вдруг осененный страшной мыслью,— мы участвуем в коммунистическом заговоре?

Рабине скупо усмехнулся.

— Если тебя так интересует политическая этикетка, скажи вернее: мы участвуем в коалиционном заговоре для достижения общей цели — отправки на родину с наименьшими репрессиями.

— Нет, все-таки так нельзя, — заволновался Жервье. — Я не могу верить красным, я не бездомный и не бродяга, чтобы итти за коммунистами.

— Что же? Тогда иди за начальством, — заметно сдерживая волнение, предложил Рабине.

— Брось, старик,—вмешался Фуке.— Не все ли равно? Я не хочу носить этот мундир, и я хочу на родину, а кто нас туда поведет — социалисты, коммунисты или сам чорт, не все ли равно?

Жервье встал, отыскивая фуражку.

— Нет, я не могу. Вы не бойтесь, Рабине, что я вас выдам, но я не могу.

Рабине тоже встал.

— Я не боюсь, Жервье. Ты вернешься сам. Иного выхода нет, мы должны быть вместе.

Больше он не сказал ни слова. Через аэродром все трое шли молча. Только у самого ангара удивленное восклицание вырвалось из груди Фуке. Нос «Эгалите» торчал из сарая, но привычной золотой надписи уже не было. На место ободранных букв группа рабочих прилаживала широкую доску с красной надписью: «Данциг». Другая группа, на командорской рубке, укрепляла тощего, точно не кормленного, общипанного, но весьма заносчивого орла, такого же, как был у них на пуговицах мундира.

Все трое изумленно остановились, наблюдая работу.

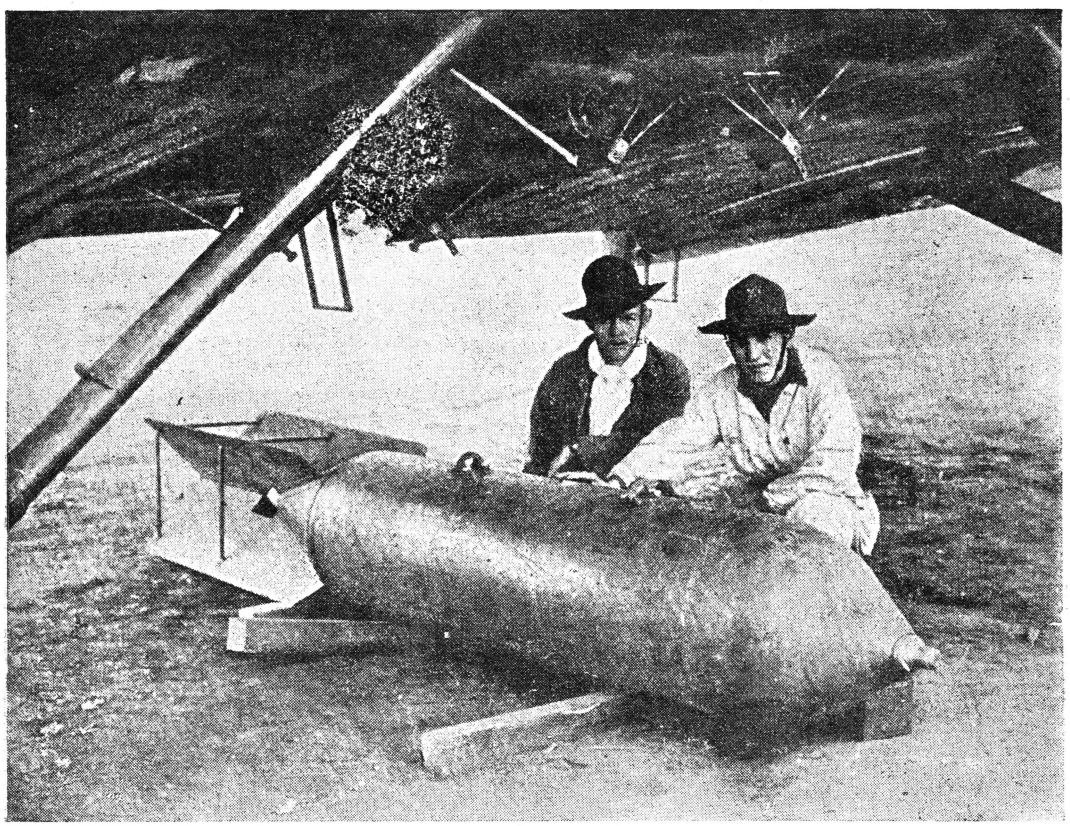
Су-лейтенант Рабине повернулся к Жервье.

— Вы патриот, Жервье. Отдайте же честь новым эмблемам, которым должны служить.

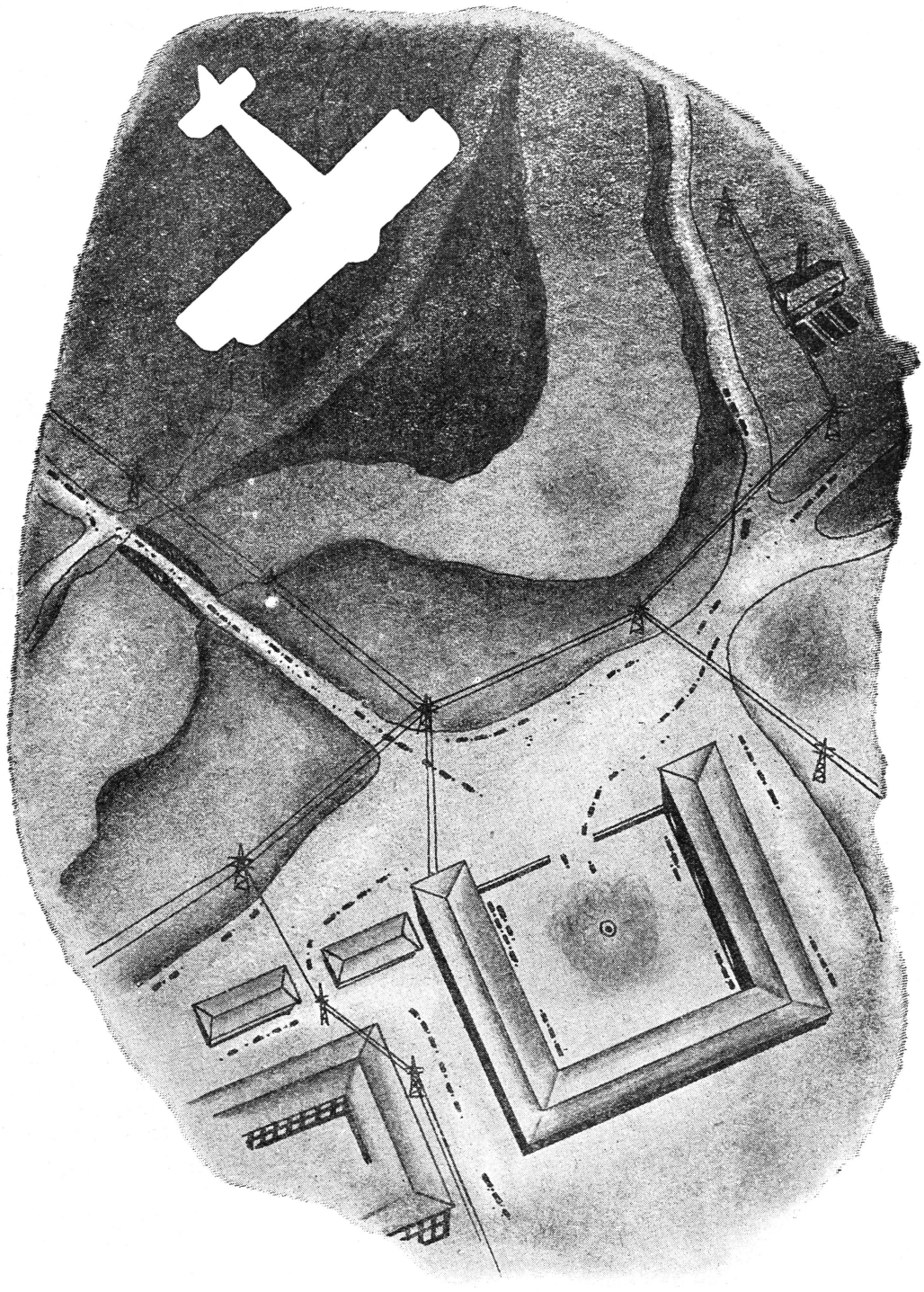
Жервье не ответил. Подручный мотористов выскочил из кабины, с веселым криком бросаясь навстречу.

— Ура! С радостью! Можете получить у казначея по триста марок и выметаться на три дня в город.

(Продолжение в следующей книжке).



Аэробомба американского военного воздушного флота несущая 800 кило взрывчатых веществ, предназначенная для бомбардировки городов и окопов противника.



Среди темнозеленой площади показались своего рода оазисы.

НА ВОЗДУШНЫХ СТОЛБАХ

Рассказ А. РОМА
Иллюстрации М. ГЕТМАНСКОГО

Мы летели довольно низко над пересеченной местностью, и прекрасный пассажирский аэроплан порядочно покачивало. Мой сосед, журналист из Вены, Эрвин Лик, крепко «пришитый» к креслу широким ремнем, морщился, разглаживая географическую карту, которая ежеминутно сползала с его колен.

— Новый Мерв. Новый Мерв... Но где же он находится? — спрашивал меня Лик, внимательно разглядывая карту.

Я бросил взгляд на эту карту и рассмеялся. Она имела довольно крупный масштаб, но была издана в 1913 г.

— Вы не найдете его на этой карте. Вот прилетим, увидите!—ответил я.

Лик вздохнул, с безнадежным видом сложил карту и сказал:

— Трудно знать географию СССР. Это совершенно новая страна. Новые названия, новые города, новые каналы, новые пути сообщения, все новое. Вы не пощадили даже рек и морей и перелицевали их на свой вкус. Кроме шуток, иностранцу теперь у вас легче заблудиться, чем в Африке.

— Мы только выполнили обещание «построить новый мир», — ответил я.

— О да-да! «Мы новый мир построим», как у вас поется,—отозвался он и отвернулся к окну.

Под нами проплывали бесконечные поля, перерезанные дорогами, новые «сельские города» совхозов, гнезда заводов и фабрик, окруженные домами-коммунами и парками. Лик внимательно смотрел. Я наблюдал за выражением его лица. Он, видимо, был поражен, но как истый журналист старался не показать вида.

Однако его профессиональной сдержанности нехватило до конца пути.

На границе пустыни Кара-Кум Лик опять раскрыл карту, ткнул пальцем в большую плешину из серых точек, обозначавшую мертвый уголок земли, и воскликнул:

— Здесь пустыня, а здесь что? — и он кивнул в сторону окна, сквозь которое были видны уходящие до самого горизонта хлопковые поля, орошенные сложной системой каналов. Там, где каналов не было, виднелись вышки искусственного дождевания. Над некоторыми из них сгущались туки, готовые пролиться «по заказу» дождем. На земле не было больше пустыни. Лик бросил карту на пол.

— Этой карте место в музее! — проворчал он не то сердито, не то восторженно.

Но пустыня, превращенная в цветущие плантации, была не последним сюрпризом «нового мира».

Лик долго молча смотрел в окно, потом, не поворачиваясь ко мне, как бы рассуждая сам с собой, продолжал:

— Я видел Кара-Кумы давно, до войны. Печальное зрелище. Серые, желтые, красные песчаные барханы, кое-где тощие кустарники, никому не нужные, забытые богом и людьми...

— ...из которых мы теперь добываем прекрасный каучук!—вставил я.

— ...Кустарники, как-будто окоченевшие от сухости и зноя. Синее раскаленное небо над головой. И один только сухой, мертвенный звук песка, пересыпаемого ветром с места на место. Бесплодная работа стихий. Ни зверя, ни птицы. Только кое-где белеют верблюжьи кости — месть пустыни живому, вторгнувшемуся в смертельные пределы песчаного безмолвия... Одни скорпионы, сухие, как песок, да ядовитые пауки жили здесь, угрожая ядом, жгучим, как палящие лучи солнца... Казалось, это начало конца мира. Думалось: насекомые —древнейшие обитатели земли —останутся и последними ее жителями, когда весь земной шар превратится в такую же мертвую песчаную пустыню... Подумать только, одна лишь пустыня между Каспийским морем

и Аму-Дарьей занимала пространство в четыреста пятьдесят тысяч квадратных километров!.. Какие страшные места омертвения на коже земли!... И вот теперь... — он не договорил и тряхнул головою.

Я не мешал моему спутнику предаваться размышлениям, пока новое зрелище не привлекло его внимания.

Среди темнозеленой площади, засеянной хлопком, показались большие белые круги, своего рода оазисы, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга в шахматном порядке. Между этими островками летало множество аэропланов, освещенных заходящими лучами солнца. Это было изумительно красивое зрелище. Аэропланы поднимались с белых кругов, летали по косой или прямой линии, от круга к кругу, снижались.

Залюбовавшись крылатой стаей, мы не заметили, как наш аэроплан начал снижаться. Под нами, как-будто летя навстречу, виднелся большой, хорошо оборудованный аэродром.

— Неужели прилетели? — спросил Лик. — Но ведь вы говорили, что аэродром должен находиться у самого Нового Мерва, а между тем я не вижу признака города.

— И не увидите!—шутливо ответил я.

Перед нами лежала большая асфальтированная площадь, над которой местами возвышались невысокие трубы и дискообразные блестящие поверхности на металлических стержнях.

— Новая фабрика? Завод? Солнечная станция? — спрашивал Лик в недоумении. — Город должен находиться тут поблизости, но где же он? Провалился сквозь землю?..

Когда один из автомобилей повез нас по асфальтовой площади, Лик обратил внимание на люки, огороженные перилами. В эти люки спускались люди и поднимались оттуда на поверхность.

— Неужели я случайно отгадал, и город действительно находится под землей?—спросил Лик. От его манеры ничему не удивляться не осталось и следа.

Я дал адрес секретаря хлопкового совхоза, товарища Муссе, к которому у меня было поручение из Москвы. Шофер остановился у одного из люков со спускающейся лестницей под землю. Я предложил Лику остановиться вместе со мною у Муссе.

Мы сошли с автомобиля и, захватив свой легкий багаж, зашагали по ступенькам, освещенным солнечным светом, отраженным от зеркал.

— Так вот для чего нужны блестящие диски! — сказал Лик.

Я сошел со своим спутником вниз до площадки, от которой расходились коридоры, и спросил проходящего человека, где живет Муссе.

— Третий этаж, сто семнадцать,—ответил он на ходу.

— Здесь этажи считают сверху вниз,— об'яснил я Лику.

И мы спустились двумя этажами ниже. У дверей с прибитым вверху номером 117 я постучал.

Хозяин оказался дома, но он был болен. Загорелый, худощавый, мускулистый, с черными усами и небольшой бородой, он ходил по комнате в бухарском халате и поеживался. Его знобило. Нас он встретил очень радушно.

— Здравствуйте, товарищ Фомин! Я уже был извещен о вашем приезде радиограммой. Очень рад вас видеть. Как долетели? Хорошо? А вы поглядеть на пустыню приехали? — обратился он к Лику. — Все покажу, дайте срок. Малярия проклятая крутит!

— Здесь заразились? — спросил Лик.

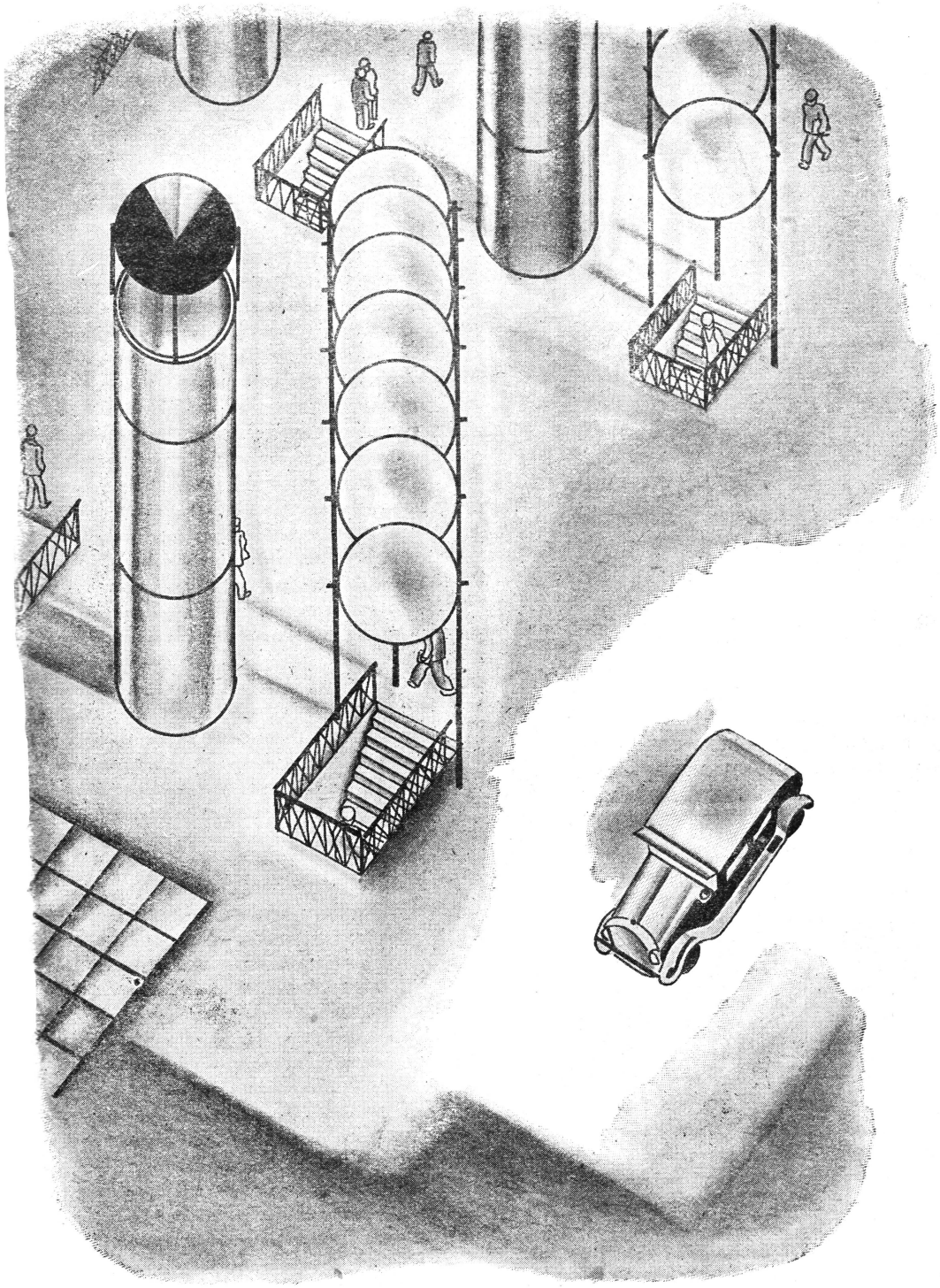
Муссе даже обиделся.

— Здесь так же невозможно заразиться малярией, как на северном полюсе. Здесь мы давно покончили с анофелесом [1]. В командировке заразился. Летал в еще дикие, неосвоенные места разбивать новые поля для хлопка.

Лик посмотрел на свет, льющийся через большое окно вверху, на потолке. Муссе поймал этот взгляд.

— Вас удивляет наше подземное жилище? А между тем, надо удивляться, как людям не пришла в голову такая простая мысль. В строительстве, особенно жилищном, необходимо применяться к местным условиям. Подземные жилища очень удобны и для юга и для крайнего

[1] Анофелес—комар, разносящий малярию



Перед нами лежала большая асфальтированная площадь.

севера. Раньше здесь строились дома такие же, как в Москве, как в Европе: каменные ящики, открытые со всех сторон жгучим лучам солнца. А это нельзя. Это нехорошо. Такие дома накалялись, как жаровня, и в них было почти невозможно от жары и духоты днем работать. Работа страдала. Темпы страдали. Люди страдали. А в земле прохладнее и температура ровнее. Вентиляция идеальная. Свет проникает через рефлекторы. Есть и электрическое освещение с лампами, пропускающими ультрафиолетовые лучи. Это прекрасное здоровое жилище. В верхних этажах—канцелярии. Работать хорошо, не жарко.

— А скажите, почему у вас такое огромное количество аэродромов и когда вы успели настроить столько самолетов? — спросил Лик.

— Это не самолеты, то есть самолеты, но без моторов. Планеры, если хотите.

— У вас так развит планеризм?

— Не планеризм, а безмоторное летание. Мы на наших планерах перевозим и почту, и пассажиров, и даже грузы. Самый дешевый способ сообщения. — И, кутаясь в полы халата, Муссе продолжал:— Вы знаете, какие успехи сделал планеризм за последнее время? И он обязан этими успехами изучению воздушных течений. Когда-то планер слетал свободным спуском с какого-либо холма, и этим дело ограничивалось. Планерист держался в воздухе несколько минут, в редких случаях, при подходящем ветре полчаса-час. Во время этих полетов наши планеристы начали изучать восходящие струи воздуха. Оказалось, что их существует немало. Ветер, встречая холм, поднимается вверх. Это раз. Затем грозовая туча несет под собою как бы клубок холодного воздуха. Этот «клубок» поднимает вверх встречный теплый воздух, который таким образом перепрыгивает через грозовую тучу. Вот вам два. Кучевые облака имеют под собою также восходящие потоки воздуха. Наконец открытые места, окруженные растительностью, нагреваются больше и как бы испускают вверх воздушные столбы. Это давно было замечено и летчиками аэропланов: над лесом всегда воздух падает вниз, получается то, что называется воздушной ямой, столь опасной для летчиков, если они не забрали достаточной высоты, а на открытых местах воздух идет вверх, образуя воздушный бугор. Все это и создает «неровности» воздушного пути, вызывающие у пассажиров приступы морской болезни.

— Это мне хорошо известно,—кивнул Лик головой.

— Ну, вот, остальное понятно. Наблюдательные люди давно обратили внимание на парящий полет орлов. Распластавшись в воздухе, не двигая крыльями, они могут парить часами, выглядывая добычу. Что их держит? Восходящие токи воздуха. Этот опыт оставалось применить к планерам.

— Значит ваши круглые площадки, которые мы видели...

— Это основания «воздушных столбов», восходящих течений, которые поднимают вверх наши планеры. Аппарат запускается с одной площадки, забирает высоту и летит планирующим спуском до следующего «воздушного столба», который вновь поднимает его, и так далее. Шахматный порядок воздушных столбов дает возможность избрать любое направление. Все это очень просто.

— И тем не менее даже у нас за границей до сих пор не существует постоянного безмоторного воздушного сообщения!

— Даже у вас за границей,—несколько обидчиво повторил Муссе. В том-то и дело, что ваша заграница никогда не в силах будет создать такое сообщение, по крайней мере пока там существует частная собственность. Земля там разбита на мелкие участки, да и тесно у вас. Этот простой, но целесообразный способ передвижения по воздуху мог быть создан только у нас в СССР с его обобществленной землей и плановым хозяйством. Многое недоступно для капиталистической заграницы... Сегодня мне нездоровится, а завтра я все покажу вам.

Муссе сославшись на нездоровье, скоро ушел в спальню, предоставив Лику на досуге размышлять обо всех выгодах безмоторно-планового хозяйства вообще и безмоторного летания в частности.

На другой день Муссе разбудил меня на заре. Он сообщил, что ночью получил радио: его срочно вызывают в самый южный уголок совхоза, у афганской границы. Так как дело, по которому его вызывали, интересовало и меня, я решил лететь вместе с Муссе.

— А с Ликом как быть? — спросил я его.

— Мой помощник все покажет ему,— ответил Муссе и охнул. Я посмотрел на Муссе. Он выглядел совсем скверно, и я предложил отложить полет.

— Нельзя. Дело неотложное. Вы умеете управлять планерами и аэропланами?

Со стыдом я должен был признаться, что не умею.

— Скверно... А я едва ли справлюсь сегодня с этим делом... На ногах еле стою. Придется взять с собою Мемета Мухаматжи. А не хотелось бы... — И, помолчав, Муссе добавил: — Не нравится мне этот Мемет. Что делать, на границе поневоле становишься подозрительным. За нами следят сотни враждебных глаз. Не столько афганских, сколько английских. Боятся англичане за свою Индию... Ну, ничего, — заключил Муссе, как бы успокаивая самого себя.— Вы будете со мною. Мухаматжи, я так предполагаю, афганец, хотя и выдает себя за уроженца здешних мест. Он служит у нас в совхозе. Сегодня у него выходной день, он не откажется. Мы будем в четыре глаза наблюдать за ним. А заменить некем — все на работе...

Через час мы с Муссе были на взлетной площадке.

— Может быть все-таки отложить полет?

— Невозможно. Без меня там вся работа станет.

Муссе позвонил по телефону и вызвал Мемета.

Быть может от того, что я был уже предубежден против этого человека, но Мемет мне не понравился. У него были беспокойные, ищущие и шмыгающие глаза и лукавая, слишком любезная улыбка. Он был суетлив и часто оглядывался назад, словно удостоверяясь, что за ним никто не наблюдает. По всему видно, что неглуп, а еще больше хитер. Предложение Муссе заметно обрадовало его, хотя он и поспешил сдержать свою радость.

— С удовольствием, дорогой товарищ, — сказал он певучим голосом. — С большим моим удовольствием. Мне только надо устроить мои... домашние дела, если позволите. Это займет не более часа. Через час я буду на площадке для взлета. — И, отвесив поклон, он вышел.

Муссе сообщил по телефону своему помощнику, чтобы тот взял под свое покровительство Лика.

Ровно через час мы с Муссе были на взлетной площадке. Мемет запоздал. Зато неожиданно явился Лик. Муссе совсем расхворался, но крепился. Он пояснил Лику, как запускают планеры.

— У нас это теперь механизировано. Вот смотрите, сейчас полетит один планер. Они у нас почти все бипланы с довольно большой грузопод'емностью. Видите скат, выходящий на площадку? Отсюда и запускают.

Пока Муссе говорил, из ангара вывели большой планер и подвезли к площадке. Сверху спускался тонкий трос, к которому и прикрепили планер. На площадке один рабочий повернул рычаг, и планер был легко втащен наверх. Трос отцепили, вращающаяся круглая площадка повернула планер головной частью к скату. Все это заняло не больше минуты. Два летчика уселись в кабину планера. Тот же рабочий, который втащил планер, прикрепил его хвост к тросу, на этот раз резиновому. Два других резиновых троса, расходящиеся в стороны, были прицеплены к носовой части аппарата. Затем по сигналу задний резиновый трос был отцеплен, а передние рванули планер вперед и механически отцепились. Планер вылетел, словно камень из пращи. Летчик сделал вираж, и планер, поднимаемый теплым восходящим воздушным течением, начал спиральными кругами забирать высоту. Поднявшись метров на пятьсот, летчик опять повернул руль, и на этот раз планер направился по прямой линии к следующему воздушному столбу, медленно снижаясь.

— Полетели! — сказал Муссе.

Белый автомобиль подкатил к площадке, и из него вышел Мемет, несколько взволнованный, но, как всегда, любезно улыбающийся.

— Простите, что немного задержался, — сказал он. — Надо было устроить кое-какие домашние дела.

Мы уселись в планер, попрощались с Ликом и вкатились на верхнюю площадку. Бедный Муссе едва держался на ногах, он почти упал в кресло для пассажиров и закрыл глаза. Мемет уселся у руля. Нас рвануло. Муссе качнулся головой вперед, я ухватился за ручки кресла. Мы полетели. Лик махал шляпой.

— До завтра! — крикнул я ему.

Мемет видимо был неплохим пилотом. Он ловко управлял, и мы поднимались вверх с гораздо большей быстротой, чем предыдущий планер. Мемет взял направление на юго-восток.

Я испытывал новое и очень приятное ощущение. Здесь не было бича пассажирских аэропланов — ужасающего грохота моторов. Тишина стояла такая, как-будто мы летели на аэростате, молчаливо несущемся по воле ветра. Кабина была открытая. Планер обладал значительно меньшей скоростью, чем аэропланы, и поэтому встречный ветер не очень беспокоил меня. Верхние крылья защищали от знойных лучей. Приятное путешествие. Здесь можно было даже курить, не боясь взрыва, а сгореть планер не мог: он был весь металлический. Можно было разговаривать, хотя шопотом. Благодаря ровному рельефу местности на нашем пути не бы-

ло ни воздушных ям, ни «бугров». Мы летели плавно, незаметно снижаясь.

— Вот настоящее путешествие для успокоения нервов, — сказал я, обращаясь к Муссе. Он открыл глаза, воспаленные и мутные, что-то промычал в ответ и еще ниже склонил голову.

«Однако с ним совсем скверно», подумал я. Мемет пел однообразную коротенькую восточную песню. Грустный мотив он умудрялся петь как-то по-веселому. Видимо он был в отличном настроении.

Внизу, насколько хватал глаз, расстилались бесконечные хлопковые поля — темнозеленый ковер с узором дорог блестящих арыков и белых кругов. Там и сям, как ласточки, реяли планеры. На воздушных столбах они встречались, пролетая друг над другом, и летчики обменивались приветствиями, — совсем как рыбаки на море. Снижаясь перед воздушным столбом, мы слышали крики и песни работавших на полях людей.

Постепенно рельеф местности изменился. Появились небольшие холмы. Сплошные хлопковые поля начали перемежаться с тучными лугами, на которых паслись стада тонкорунных овец. С высоты они казались белоснежным прибоем, медленно катящимся по зеленой глади океана.

На безоблачном небе появились кучевые облака, тянувшие на юг. Я заметил, что Мемет часто поглядывает на облака, не прекращая петь свою грустно-веселую песенку. Группа довольно густых облаков привлекала его особенное внимание. И вдруг, вместо того чтобы направить планер к воздушному столбу, Мемет свернул с прямой линии, и мы полетели к кучевому облаку, медленно несущемуся впереди нас. Что бы могло это значить? Беспокоиться впрочем пока было не о чем. Мемет — надежный пилот и хорошо знает дорогу. Быть может мы приближались к цели нашего путешествия, и нам надо было свернуть в сторону. Я посмотрел вопросительно на Муссе. Он спал или лежал в забытье. Между тем наш планер уже догнал медленно летевшую группу кучевых облаков и теперь летел под ними. Я заметил, что планер начинает постепенно забирать высоту. Мы летели «на хвосте тучи». Мне вспомнились об'яснения Муссе: планеристы научились использовать восходящие токи воздуха под кучевыми облаками. Но в этой местности облака вообще редкость, и на них нельзя рассчитывать как на надежный «способ передвижения». Что же заставило Мемета воспользоваться неожиданными услугами облаков?.. В недоумении я посмотрел вниз и удивился еще больше. Хлопковые поля и пастбища кончились. Мы летели над бесплодной пустыней. Нигде не видно было ни «под'емных» кругов, ни аэродромов, ни даже жилья... А планер продолжал итти вслед за облаками, прямо на восток.

И вдруг одна мысль заставила меня вздрогнуть. Мы находились недалеко от афганской границы. Что, если подозрения Муссе оправдаются? Быть может Мемет — английский шпион и теперь решил, воспользовавшись случаем, перелететь границу и снизиться на территории Афганистана... Я решил разбудить Муссе, он и сам вдруг начал проявлять признаки беспокойства. Быть может у этого человека, привыкшего к полетам, уже развился инстинкт пространства, как у почтовых голубей, и он заметил изменение курса... Муссе открыл глаза, силясь выйти из оцепенения.

— Что это?.. Где мы? — тихо спросил он.

— Не знаю, летим на юг. Хлопковые поля кончились. Внизу пустыня,—отвечал я тихо и, еще больше понизив голос, продолжал: — Мне кажется, происходит что-то неладное, Муссе. Мы летим на буксире облаков....

Страшным усилием воли Муссе заставил себя разорвать цепкие путы болезненного, полубредового состояния. Он посмотрел на меня почти совершенно сознательно, с трудом приподнялся и заглянул вниз.

— Предатель... — прошептал он. — Мемет хочет улизнуть за границу, пользуясь подходящим случаем... — Муссе опустил голову, но я видел, это не от слабости: он размышлял. Потом так же тихо, наклонив голову к моему уху, он прошептал: — Надо во что бы то ни

стало помешать этому. Ах, если бы вы умели управлять планером... я бы пустил пулю в затылок этому злодею, мы снизились бы, и все было бы кончено. Но к сожалению я не в силах двинуть рукой, а вы пожалуй снизите так, что все будет кончено не только для него, но и для нас... Впрочем лучше это, чем допустить перелет границы... Там его могут ждать сообщники, а у Мемета могут быть документы...

Мы опять помолчали. Муссе с тоскою посмотрел на тучу. Она немного поредела, но продолжала нестись к афганской границе.

— Вывезет ведь пожалуй... — шептал Муссе.

А Мемет продолжал тянуть свою песенку, и в его пении слышались торжествующие нотки. Надо было что-нибудь предпринимать.

— Куда мы летим, товарищ Мухаматжи? — спросил я его невинным тоном любознательного туриста.

— Как видите, на юг, — ответил он непринужденно. — Пользуясь редким случаем изучить воздушные течения вблизи облаков, мы немного уклонились от нашего пути.

— А как мы вернемся назад? Будем ждать попутного облака?

Он сделал вид, что не расслышал моего вопроса и вновь запел громче прежнего.

— Мемет! — сказал Муссе слабым, но повелительным голосом. — Я приказываю тебе немедленно повернуть руль на север и снижаться.

— Ну, один раз можно и не послушаться твоих приказаний,—ответил Мухаматжи.

Наклонившись к моему уху, Муссе прошептал:

— Вот уже виднеется афганская граница. Надо действовать решительно, если бы даже нам пришлось погибнуть.

Я кивнул головой, поднялся, схватил Мемета за плечи и рванул назад. Планер покачнулся, но продолжал лететь, — он был хорошо сконструирован. Мемет упал, поднялся, повернулся ко мне лицом. Его любезная улыбка исчезла бесследно. Глаза горели жгучею ненавистью. Он попытался схватить меня за горло, а я тщетно старался извлечь из кармана револьвер. Между нами завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Планер покачивался, но продолжал итти к границе. Неожиданно в руке Мемета я увидел нож. Мемет взмахнул рукой, намереваясь ударить меня в грудь, но я отвел его руку и удар пришелся по правому плечу. Он всадил нож по рукоятку и тотчас вынул, чтобы нанести новый удар и дать выход крови, — он знал, что при потере крови я скорее обессилею. Кровь хлынула из раны и залила мне весь костюм. Рука повисла бессильно. Я упал на колени и чувствовал, что голова моя кружится, а надо мной уже был занесен нож для нового, решительного удара. В одно короткое мгновение я понял, что это конец. Раздался выстрел Муссе. Пуля пробила Мемету шею. Он зашипел, как полураздавленная змея, и грохнулся рядом со мной. Его злость была так велика, что, и раненный, он не оставлял борьбы. Он силился поднять руку и полоснуть меня ножом, но был слишком слаб, и нож только скользил по моему костюму. Мемет хрипел, плевал кровью и судорожно ворочался, Потом он как-будто затих. На планер слетела зловещая тишина.

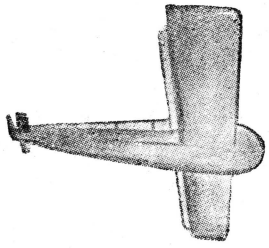
Планер, никем не управляемый, продолжал лететь, унося к неведомой цели странный экипаж — одного беспомощного больного и двух окровавленных людей. Я зажал рукою рану, Мемет последовал моему примеру. Его рана была опасней моей, но он был на редкость сильный человек и притом видимо привыкший к кровавым переделкам.

Несколько минут мы летели молча. Потом Мемет с трудом приподнялся и заглянул вниз. Он усмехнулся и с торжествующим злорадством сказал:

— А все-таки это облако скоро будет афганским.

Я понял его: вместе с облаком и мы окажемся на афганской территории. Я тоже заглянул вниз и потом на облако, ничего не отвечая Мемету. Да, граница была недалеко. Я видал наших пограничников, но они ничем не могли помочь нам... А по ту сторону границы гарцовал небольшой конный отряд афганцев.

Мемет всадил нож.



— Попробуйте... повернуть руль... я скажу, как это делать... — услышал я слабый голос Муссе.

Я начал приподниматься, но Мемет предупредил мое движение и навалился на меня всем телом. На это у него хватило сил. Я был бессилен двинуться. Положение наше казалось безвыходным. Но человек никогда не теряет надежды. Лежа под Меметом, я видел роковые кучевые облака. Они как-будто начали редеть.

— Они изменили направление и летят на юго-восток, — услышал я голос Муссе.

Теперь все зависело от облака: куда оно поведет нас. Слова Муссе заставили Мемета переменить позу. Он немного освободил мое полупридушенное тело и посмотрел вниз и на небо, приподнявшись над краем загородки. Положение дел ему видимо не нравилось. Он со злостью плюнул вниз сгустком крови.

— Теперь мы идем вдоль самой границы, но по нашей территории, — продолжал информировать меня Муссе.

Я мог смотреть только на облако. Нет, глаза не обманывали меня. Оно становилось все реже, воздушней, таяло на моих глазах.

— Мы уже не идем на буксире облака! — воскликнул Муссе. — Оно рассеялось. Мы планируем.

Услышав это, афганец вдруг рванулся всем телом к рулю. Но я понял его намерение и здоровой рукой уцепился за него. Однако он был все еще сильнее меня. Ему удалось повернуть руль, и планер круто повернул на юг. В это время я услышал второй выстрел. На темени Мемета образовалась круглая дыра, из который тотчас хлынула кровь. Муссе прикончил его. Но положение наше было все еще рискованным. До границы оставалась какая-нибудь сотня метров, а мы были на значительной высоте. Планируя, мы могли перелететь границу.

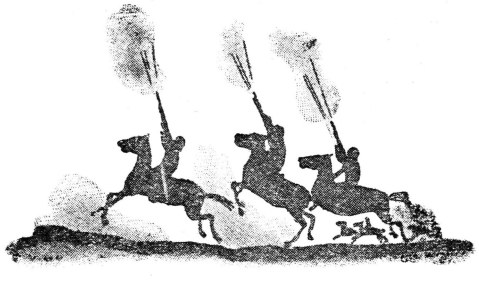
— Фомин, соберите все силы и поверните руль в обратную сторону! — прокричал Муссе.

Он даже приподнялся, но тотчас упал и кажется потерял сознание. Я выполнил приказание, как смог. Но для меня это напряжение было не по силам. Я тоже потерял на мгновение сознание и очнулся только от сильного толчка. Не знаю, как мы спланировали, но когда я открыл глаза, передо мною было лицо нашего пограничника.

«Спасены», подумал я и опять впал в обморочное состояние.

Наконец я окончательно пришел в себя. Оказалось, что мы упали у самой границы. Наш отряд был меньше афганского, и афганцы делали отчаянную попытку уложить всех нас на месте, но атака была отбита. Я даже не слыхал выстрелов. Когда я пришел в себя, афганский отряд уже скрывался вдали. Я лежал на траве, перевязанный и обмытый. Рядом со мной лежал Муссе.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал он. — У Мемета на груди нашли кожаный мешочек, в котором находились документы о количестве наших пограничных войск и кое-что о наших совхозах. Эти документы конечно предназначались для англичан, так как были написаны на английском языке... Они боятся за свою Индию, — добавил Муссе, помолчав. — Ведь только небольшая кишка афганской территории отделяет наш Союз от Индии. Поэтому-то англичане и проявляют такой повышенный ин-



терес к нашей афганской границе. Но на этот раз они остались с носом... Скоро за нами приедет автомобиль. И знаете, Фомин, эта встряска пошла мне на пользу. Лихорадка оставила меня, я только чувствую некоторую слабость. Я уже хочу встать. А ваше самочувствие?

Я посмотрел на труп Мемета и ответил:

— Отлично. Но я не хотел бы больше летать на хвосте тучи. Это очень капризный вожак.

ОТ РЕДАКЦИИ

Рассказ А. Рома — фантастика, но такая фантастика, которая скоро может быть превращена в действительность. Планеризм в последнее время делает быстрые успехи, о которых еще недавно трудно было и мечтать. И не будет ничего удивительного, если планеризм, являющийся в настоящее время лишь средством тренировки летчика и испытания летных качеств разных летательных конструкций, со временем превратится в новый вид безмоторного воздушного транспорта. Планеризм уже в настоящее время знает такие рекорды: четырнадцатичасовой полет в 150 километров по прямой линии на высоте до 3 500 метров. Такие успехи стали возможными только в результате тщательного изучения воздушных течений, главным образом восходящих. Не так давно Кронфельд в Германии продержался на планере 14 часов, покрыв 150 километров, при чем в своем полете он использовал почти все средства воздушных восходящих течений, создаваемых и неровностями почвы и облаками. Он, как Муссе, «прицепился» к облаку, когда оно рассеялось, воспользовался восходящим течением над холмом, затем восходящим течением другого кучевого облака, которое и «доставило» его обратно.

Рекорд Кронфельда не случаен только в том смысле, что он явился результатом глубокого изучения воздушной стихии. Но поскольку случайно само появление облаков и направление их полета, на таком «облачном буксире» разумеется невозможно построить регулярное безмоторное воздушное сообщение. Иное дело — постоянные «воздушные столбы». При их наличии нет никаких причин считать невозможным безмоторные полеты на определенном пространстве, по крайней мере летом, в солнечные дни. Однако устроить такие воздушные столбы за границей едва ли представляется возможность. Этому мешает и теснота и частная собственность на землю.

Что касается СССР, то у нас имеются все данные для устройства воздушных столбов. Создать искусственно такие постоянные воздушные столбы является оригинальной идеей автора рассказа. Эти столбы можно «установить» и над нашими большими лесными массивами и над культурными землями на нашем горячем юго-востоке. Для советских планеристов было бы очень интересно устроить в виде опыта хотя бы несколько таких воздушных столбов в подходящей местности, между которыми и установить регулярное безмоторное воздушное сообщение. Направить внимание наших планеристов в эту сторону и составляет задачу автора рассказа.

До сих пор излюбленным местом для планерных состязаний у нас был Коктебель, рельеф местности которого очень подходящ для «планирующих» спусков. Иногда случайно, пользуясь подходящими течениями, коктебельские планеристы совершают довольно продолжительные полеты не только по прямой, но и по кривой линии. Однако сама случайность этих «подходящих» воздушных течений ограничивает возможности.

Почему бы нашим планеристам не подыскать места, где имеются уже готовые воздушные столбы, — а такие места безусловно найдутся, — затем можно перейти и к созданию искусственных. Отсюда один шаг до того, чтобы перевести планерную «тренировку» в один из способов воздушного передвижения.

Товарищи планеристы, слово за вами!

Чертежи к этому рассказу смотри на стр. 76.

ВОКРУГ ЕВ

1. Сторожевая собака

«Нам — советским торговым морякам — запрещено агитировать. Мы, понимаете ли, не можем вмешиваться в их внутренние дела.

И моряки не агитируют».

Но разве одно появление в иностранном порту красного вымпела—не агитация?

Разве образцовое поведение «страшного большевика» на берегу, его товарищеское отношение к отверженным цветным: неграм, китайцам, разве это не лучшая агитация за советские идеи?

Сейчас еще мало красных вымпелов в иностранных портах, но завтра их будет больше. И может быть скоро и на некоторых не советских судах зареют красные флаги.

Мы огибали Европу и—проторенными путями древних мореплавателей — все время спускались на юг.

Скоро мы минуем геркулесовы столбы, простимся с югом, с жарким Средиземным морем и пойдем вверх, на норд, по широким просторам Атлантики.

А пока...

На берегу, на мачте, у подошвы Волчьего утеса неожиданно, как резкий окрик часового, взвивается сигнал:

— Кто идет?

Мы быстро поднимаем четыре разноцветных флага — наш скромный ответ:

— Идет пароход Советского союза

Береговая мачта поднимает другие сигналы:

— Куда идете?

И мы опять послушно отвечаем:

— В Лондон.

И прошлый раз, когда мы проходили этим местом темной ночью, на нас неожиданно посыпался с берега дождь электрических вспышек и искр. Опять эта сторожевая собака любопытствовала:

— Кто идет?

И опять вспышками электрических искр мы ответили:

— «Курск» — пароход Советского союза.

Здесь, в этом узком проливе, движение как на хорошей людной улице.

День и ночь, круглые сутки идут пароходы на север и юг, и день и ночь, круглые сутки неустанно спрашивает береговая мачта: кто идет, куда идете?

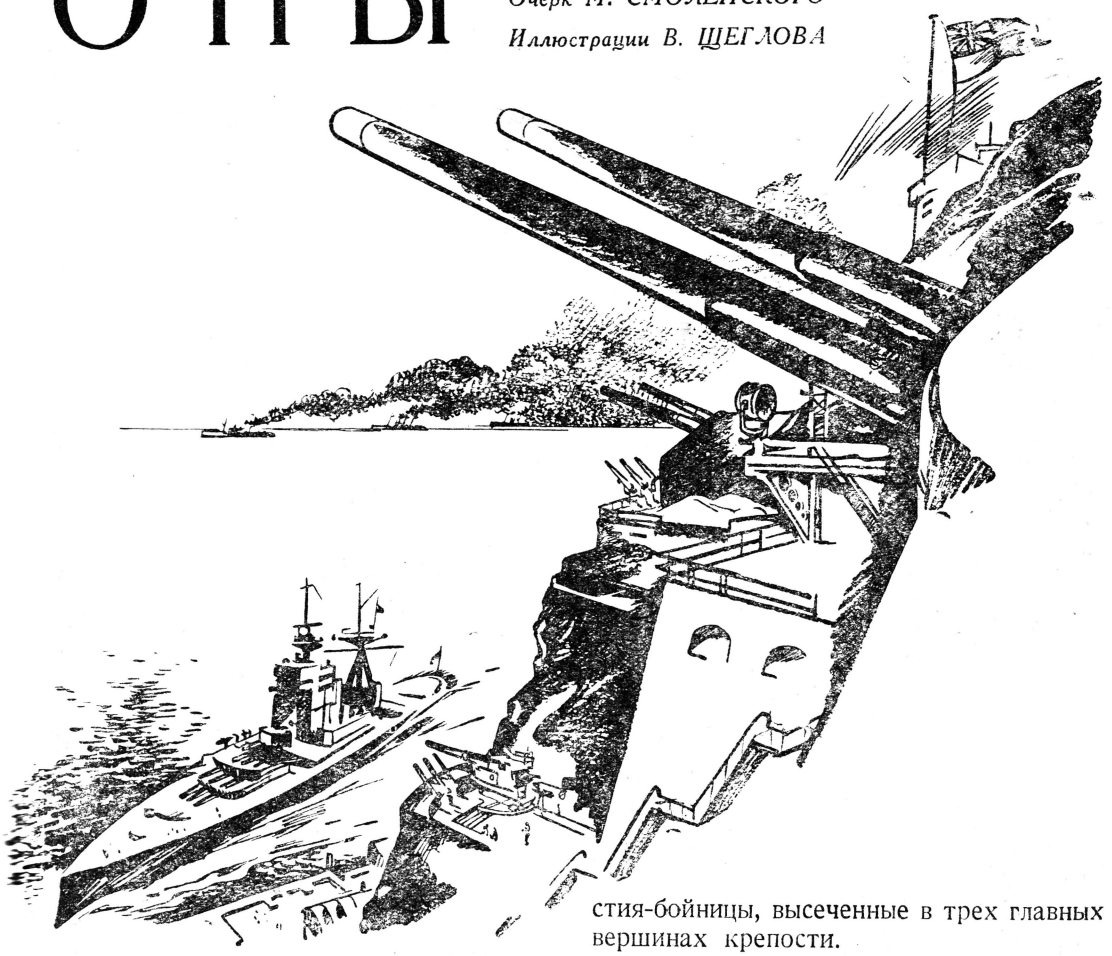
Это сторожевой пес Великобритании господствует над узким проливом. Это он цементированными фортами, бесчисленными бойницами, резкими окриками часовых грозит миру Европы и Африки. Это дула его орудий восстают из облаков, набегающих на вершины гигантских скал. Это дула его орудий грозят зеленым испанским деревушкам, близким африканским берегам и всем проходящим судам. Британия — владычица морей— захватила контрольную вышку мира.

Мы шли из Одессы в Лондон с грузом дубовой клепки и восьмой день уже пересекали Средиземное море. И вдруг на конце перешейка совершенно неожиданно встала из воды гигантская скала. Это — Гибралтар, знаменитая английская крепость, вооруженная по последнему слову техники. Она открывает узкий Гибралтарский пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном. Мимо нее нельзя пройти ни туда, ни обратно. Проход суживается. Из беспредельных просторов Средиземного моря по левому борту появляются неясные очертания гористых африканских берегов. По носу судна на горизонте белеет большая плешь. Мы подходим ближе и, зачарованные, не можем оторваться от неожиданного зрелища. Весь восточный скат громадной скалы словно срезан тончайшим ножом. Он отполирован, зацементирован. Мы различаем восемь неровных квадратов и по каждому цементному квадрату бегут снизу вверх рельсы. Они

РОПЫ

Очерк М. СМОЛЕНСКОГО

Иллюстрации В. ЩЕГЛОВА

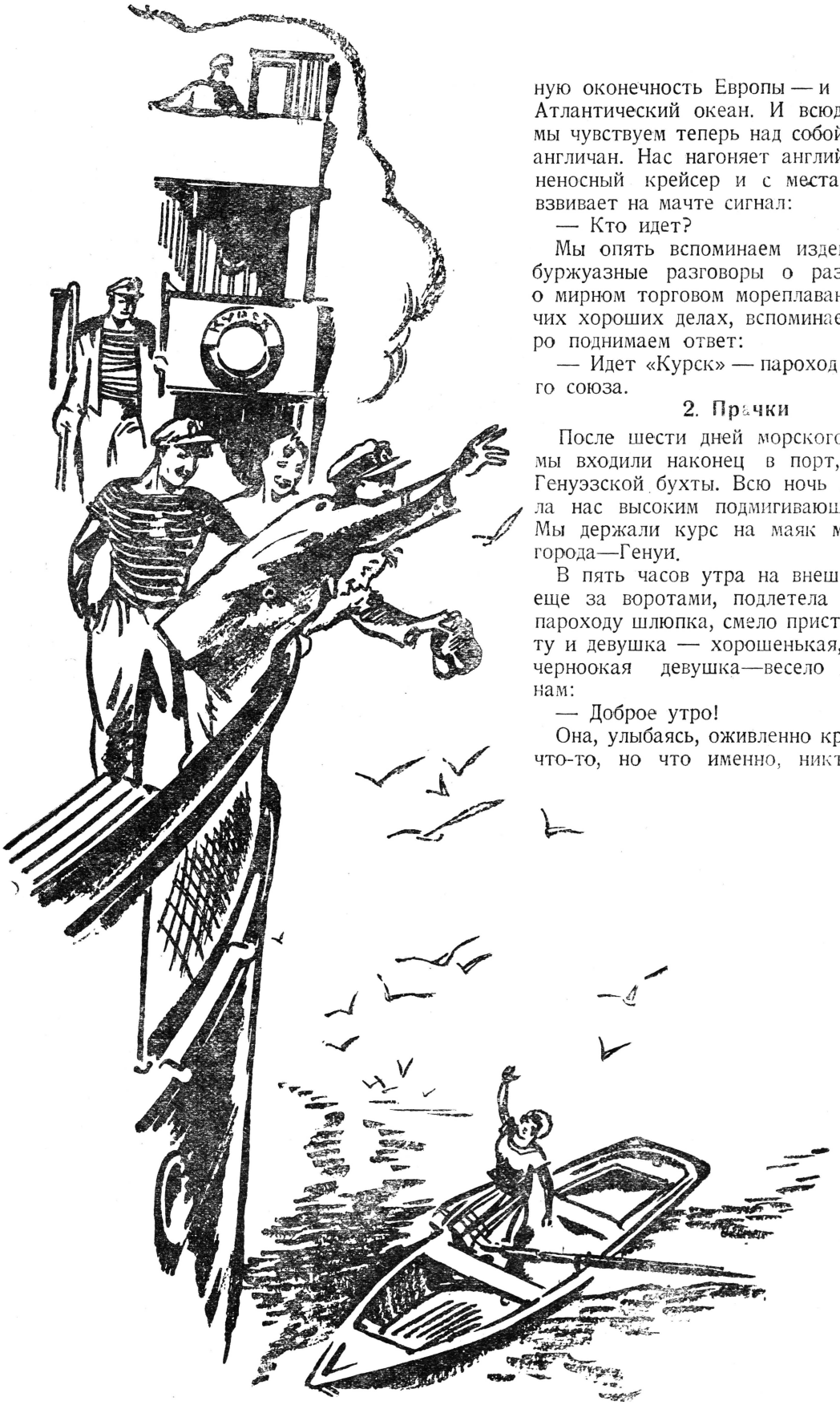


скрываются в выдолбленных в скале нишах. Это — дороги к артиллерийским складам, к бесчисленным убежищам и ходам, которыми изрыта Гибралтарская крепость. Мы отчетливо видим дула многочисленных орудий. Они направлены в сторону Испании — в долины, в поля, в деревушки. Западный скат Гибралтара показывает нам многочисленные уступы, дула орудий на взбегающих вверх террасах, многочисленные казармы и великолепно оборудованные, все в зелени, домики-коттеджи. Здесь живут английские офицеры — властители пролива. Лишь по берегам у подошвы скалы видны высоко возведенные искусственные стены, а дальше, выше—бесконечные отверстия-бойницы, высеченные в трех главных вершинах крепости.

Внизу — дымящиеся трубы заводов, бухта с гаванью военных судов. Два самолета показываются над морем. Они делают круг над проливом и уходят на юг, к берегам Африки.

На остроконечном утесе, выдающемся в море, стоит маяк. Это мыс Европа, забронированный, зацементированный, вооруженный. Он как бы издевается над всеми разговорами и буржуазными росказнями о европейском разоружении, о мире, о братстве народов. Пока там разговаривают, здесь лихорадочно вооружаются, постоянно переоборудуют крепость новейшими орудиями и судами.

Мы проходим узким проливом Гибралтара, огибаем мыс Тарифа—самую юж-



ную оконечность Европы — и выходим в Атлантический океан. И всюду и везде мы чувствуем теперь над собой контроль англичан. Нас нагоняет английский броненосный крейсер и с места в карьер взвивает на мачте сигнал:

— Кто идет?

Мы опять вспоминаем издевательские буржуазные разговоры о разоружении, о мирном торговом мореплавании и прочих хороших делах, вспоминаем и быстро поднимаем ответ:

— Идет «Курск» — пароход Советского союза.

2. Прачки

После шести дней морского перехода мы входили наконец в порт, в ворота Генуэзской бухты. Всю ночь Генуя звала нас высоким подмигивающим огнем. Мы держали курс на маяк мраморного города—Генуи.

В пять часов утра на внешнем рейде, еще за воротами, подлетела к нашему пароходу шлюпка, смело пристала к борту и девушка — хорошенькая, кудрявая, черноокая девушка—весело крикнула нам:

— Доброе утро!

Она, улыбаясь, оживленно кричала еще что-то, но что именно, никто не мог

понять, не зная итальянского языка. Мы разводили в недоумении руками, делали непонимающие лица и тогда девушка вынула из-под скамейки несколько бамбуковых палок.

Она быстро вложила их одну в другую — получился длинный шест—и, на тонкий конец его, в расщелину, быстро вложила несколько белых бумажек.

Мы поймали их на борту парохода — нетерпеливые, заинтригованные развернули первую бумажку и... удивленно увидели в левом верхнем углу четкий отпечаток серпа и молота. А по белому полю бумаги отечественным нашим «ундервудом» было отпечатано:

«Удо-сто-ве-ре-ни-е.

Выдано настоящее удостоверение генуэзской прачке Марие Сцилла в том, что она стирала белье команде парохода «Днепр» и работу свою выполнила добросовестно.

Капитан парохода (подпись)».

Капитаны «Большевика» и других советских пароходов удостоверяли то же самое.

Ну кто из нас мог предполагать, что голод, погоня за куском хлеба выгнали эту девушку в такую рань навстречу советскому пароходу?

Потом, уже в самой генуэзской бухте, встретили нас еще несколько шлюпок. Там были преимущественно старухи. Просящими глазами умоляли они нас дать им работу:

«Стирать, стирать», показывали они руками.

Но мы сговорились уже с Марией Сцилла. Она — молодая—опередила этих старух, встретила нас далеко в море и она сегодня торжествовала: матросские тельники, кочегарская роба, верхние рубашки десятками штук переходили в ее шлюпку. Она стирала баснословно дешево — конкуренция, голод! Она брала по 2 итальянских лиры за смену белья — 16 копеек на наши деньги.

Мы осматривали потом мраморный город Геную. Мы бродили по знаменитому генуэзскому кладбищу, по всемирно известной Камбо-санта. Ангелы из белого мрамора тихо спускались над могилами; мраморные коридоры хранили в своих нишах тысячи покойников. Богатые красивые памятники, все из белого мрамора, запыленные, грязноватые, стояли над бесчисленными могилами.

Культ смерти, роскошь, показное богатство господствуют на кладбище.

Старые генуэзские улички шириной в наш тротуар. По улицам этим не ездят, там не проедешь—узко очень, по улицам только ходят. Шестиэтажные высокие, плоские, как спичечные коробки, дома стоят с обеих сторон таких улиц. Окна домов закрыты ставнями, бесчисленное количество веревок протянуто через улицы и на веревках—белье, белье, белье.

Мы узнали наши матросские тельники: в одном из подвалов жила здесь Мария Сцилла. Свет с трудом проникает в такие улички, они грязны и запылены. Оборванные дети бегают за нами и просят милостыню.

Сумрачно, мрачно — мраморная Генуя показывает нам фашистское свое лицо. А на главной улице — Улице 20 сентября — чудесная архитектура высоких домов, богатые витрины магазинов и... везде и всюду опереточные фигуры фашистов. Они наряжены пестро: дикие какие-то перья торчат из зеленых шляп альпийских стрелков, черные с красным треуголки — у войск королевской гвардии, широкие шляпы-ковбойки, черные с галстуком рубашки — у «молодцов» фашистской милиции.

В пивных—портреты «бона Муссолини», а на улицах — нищие, нищие без конца. Ни в одном порту мы не видели столько нищих, как в Генуе.

Мария Сцилла горячо благодарила нас за работу. Мы накормили ее обильным советским обедом, давно она так вкусно и сытно не ела, и выдали ей бумажку:

«Удостоверение... Мария Сцилла... стирала... добросовестно... хорошо...»

3. «Романтика моря»

Прошлый раз, когда мы проходили этим местом, капитан остановил пароход. Мы застопорили машину, спустили шлюпку и наш обычно скупой повар с несказанной щедростью наполнил шлюпку продуктами. В тихом солнечном дне доне-

слись до нас с берега звенящие звуки колокола. То Робинзон Крузо и друг его Пятница отбивали удары склянок.

Не смейтесь, пожалуйста, я не ошибся. Да, да! Ро-бин-зон Кру-зо и друг его Пят-ни-ца. Именно они отбивали склянки. Товарищи Брунц и Любавин спустились в шлюпку и повезли продукты на берег, а мы искали глазами отшельников.

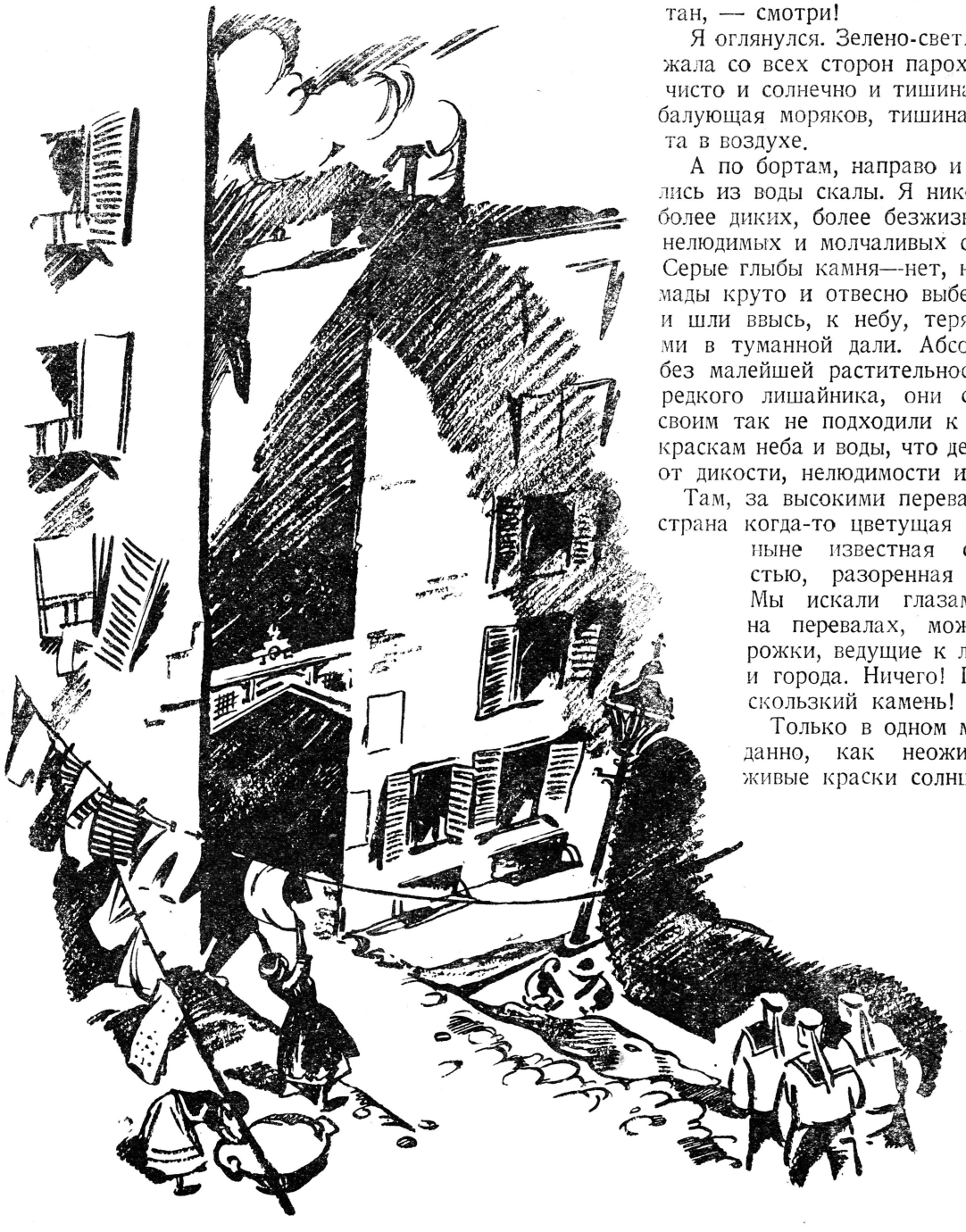
— Паршивое место, — сказал капитан, — смотри!

Я оглянулся. Зелено-светлая вода окружала со всех сторон пароход, небо было чисто и солнечно и тишина, столь редко балующая моряков, тишина была разлита в воздухе.

А по бортам, направо и налево, высились из воды скалы. Я никогда не видел более диких, более безжизненных, более нелюдимых и молчаливых скал, чем эти. Серые глыбы камня—нет, не глыбы, громады круто и отвесно выбегали из воды и шли ввысь, к небу, теряясь вершинами в туманной дали. Абсолютно голые; без малейшей растительности, даже без редкого лишайника, они серым цветом своим так не подходили к окружающим краскам неба и воды, что делалось жутко от дикости, нелюдимости и одиночества.

Там, за высокими перевалами, лежала страна когда-то цветущая и богатая — ныне известная своей бедностью, разоренная и голодная. Мы искали глазами тропинки на перевалах, может быть дорожки, ведущие к людям, в села и города. Ничего! Голый, серый скользкий камень!

Только в одном месте неожиданно, как неожиданно ярки живые краски солнца над мерт-



вым, безжизненно серым камнем, на обрыве, над морем, на маленькой площадке мы увидели: низенькая, бедная, сложенная из серого камня хижина и зелень. Зелень на камнях. На маленьком-маленьком клочке было разделано поле. Отсюда-то неслись к нам звенящие звуки колокола.

Через полчаса вернулись Любавин и Брунц. Шлюпка была пуста — продукты перешли в хижину нового Робинзона.

— Совсем постарел капитан, — сказал Любавин,—седая борода чуть не до пояса, а боцман... еле дышит. Сдают, сдают наши старички.

Мы приняли шлюпку на борт и штурман нажал ручку машинного телеграфа:

— Полный ход вперед!

— На траверзе мыса Святого ангела,— приказал капитан вахтенному,—дайте три гудка. Надо проститься с капитаном и боцманом.

Мы—молодые, плававшие второй или третий рейс, тесной стеной окружили капитана. Нам были в новинку эти отшельники, легендарные боцман и капитан—Робинзон Крузо и друг его Пятница.

— Вот здесь, о серые эти скалы, — сказал капитан, — двадцать лет тому назад в шторм темной ночью разбился парусник. Он шел из Африки с грузом пробки, возвращаясь домой, в Грецию. И в этом чертовом море налетел, как видите, на серые эти громады. Все погибли. Уцелели как-то боцман и капитан, да через несколько дней нашли на берегу судовой колокол. Все, что осталось от парусника, с восьмидесятью тремя человеками команды. Два сына капитана также погибли. Хозяин парусника хотел отдать капитана под суд. Он обвинял его в неумелом управлении кораблем. Дурак! Разве мог уцелеть в шторм парусник в этих скалистых проливах Эгейского моря?

Капитан и боцман не хотели вернуться на родину. Двадцать лет живут они на этой скале. Новые Робинзоны!

Вы видите, у них есть маленькое поле. И двадцать лет каждый день аккуратно они отбивают в судовой колокол склянки-часы. Все моряки знают об этих отшельниках. И все моряки знают, что никто не гарантирован от шторма и крушения. Вот почему проходящие суда, под чьим бы флагом они ни шли, часто спускают шлюпки и отвозят отшельникам продукты. И мы, советские суда, строго соблюдаем этот порядок.

Их парусник погиб у восточных склонов греческого полуострова Молеа. Паршивые места! Паршивые места!

Мы входили в пролив между островами Китеро и Елафонисос. Редкие деревушки жмутся к их берегам.

По носу парохода открылся маяк мыса Матапан—одной из южных оконечностей Европы. Мы выходили из Греческого архипелага. Впереди лежало Средиземное море.

4. Нам нельзя агитировать

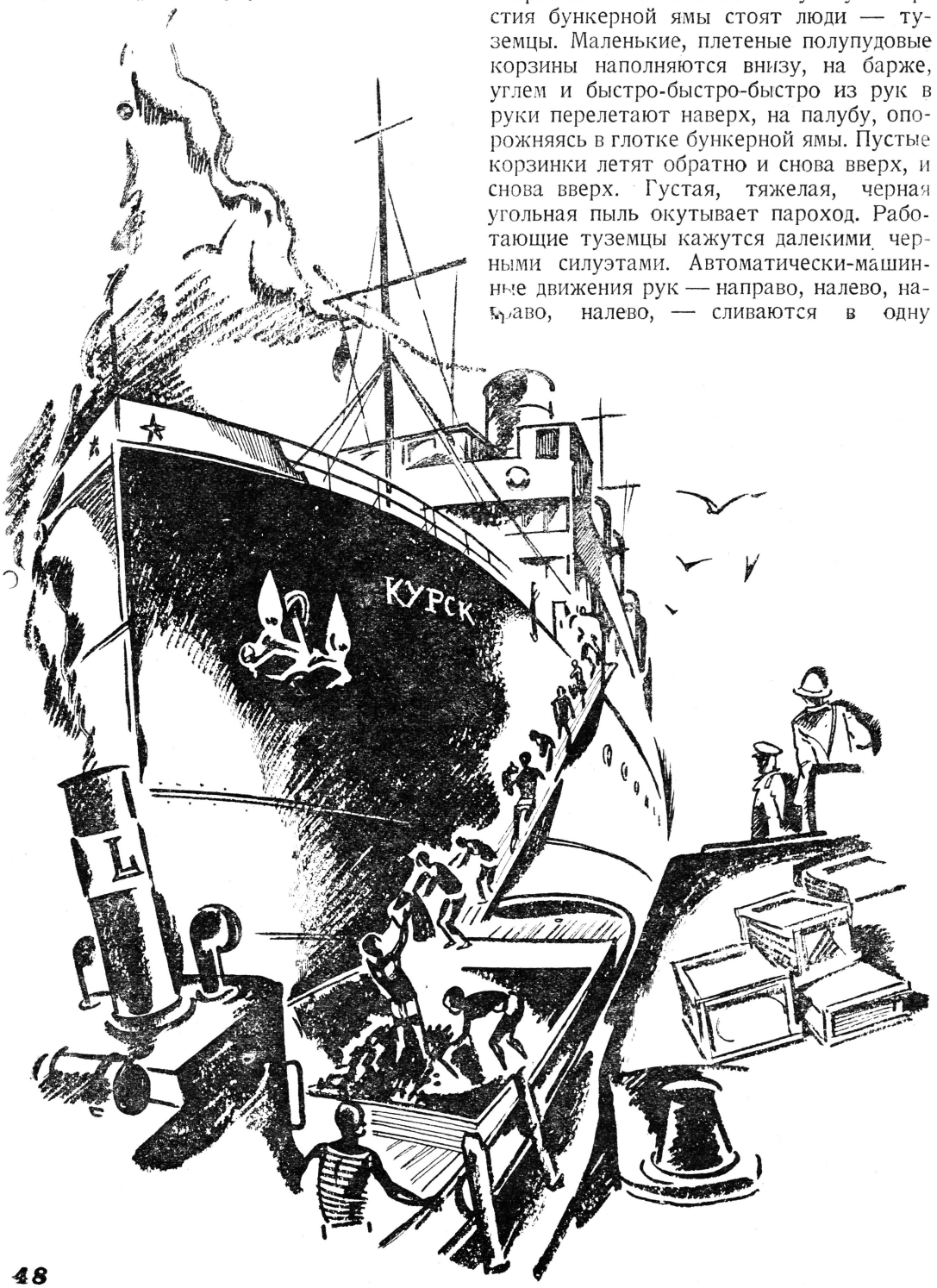
Коля Иванов, взбешенный, подскочил к человеку, схватил за руку, энергично помахал перед его лицом кулаком, широким жестом показал на красное советское знамя и прокричал ему несколько ласковых слов.

Человек не знал русского языка и не понял речи Иванова. Но гневные жесты, красное советское знамя, угрожающий тон нескольких слов — все это было слишком реально и очевидно. Человек отвел руку с бамбуковой палкой, пробормотал какое-то проклятие и нехотя отошел в сторону.

Мы грузились углем в Алжире, бункерные ямы на палубе парохода были открыты и зияли жадными своими глотками.

На берегу многочисленными зелеными террасами взбегал вверх редкий по красоте город, разделенный — как и все колониальные города — на две резко противоположных части — европейскую и туземную. В первой части — зеленые скверы и бульвары, широкие площади и улицы, красивые, высокие, благоустроенные дома. У туземцев — грязь узких улиц, вонь из открытых дверей низеньких домиков, жуткая темень теплых алжирских ночей. У европейцев ночи залиты электричеством улиц, воздух наполнен звенящими звуками фокстрота.

К левому борту нашего парохода присосалось несколько глубоких угольных барж. По фальшборту и ниже до самой воды подвешены на толстых концах три больших деревянных помоста. По обеим сторонам помоста и на палубе у отверстия бункерной ямы стоят люди — туземцы. Маленькие, плетеные полупудовые корзины наполняются внизу, на барже, углем и быстро-быстро-быстро из рук в руки перелетают наверх, на палубу, опорожняясь в глотке бункерной ямы. Пустые корзинки летят обратно и снова вверх, и снова вверх. Густая, тяжелая, черная угольная пыль окутывает пароход. Работающие туземцы кажутся далекими черными силуэтами. Автоматически-машинные движения рук — направо, налево, направо, налево, — сливаются в одну



сплошную, непрерывно движущуюся ленту. Этот изнурительный человеческий конвейер работает без перерыва — час, два, три, четыре... Над туземцами стоит надсмотрщик. Он — европеец. В его руках—толстая бамбуковая палка. Вот он заметил, как тот туземец, крайний слева, выронил из рук полную корзинку угля.

— Р-р-р-аз,—бамбуковая палка легла на спину туземца.

— Д-в-в... — он вторично занес палку, но не успел опустить ее, потому... потому, что Коля Иванов, взбешенный, схватил его за руку и совершенно открыто, ничуть не стесняясь, громко прокричал все, что он думал об этом сукином сыне.

С правого борта уголь грузили лебедками. Их предоставил в распоряжение грузчиков капитан. Он удивил этим немало надсмотрщика и команды соседних испанских судов. Они не могли понять советского этого чудака. Он, видите ли, облегчал труд грузчиков-туземцев, давал им для работы машины, а матросам после предстояло хорошенько очистить лебедку и вновь привести ее в порядок. Зачем? Ведь по всему миру известно, что Алжир, Константинополь— два порта, где человеческий труд дешевле машины и где люди за гроши наполняют углем многотонные бункерные ямы. В Алжире — туземцы, в Константинополе — турки, армяне и греки. Мы слышали и читали о колониальных порядках раньше, но видели их впервые. И потому таким бешенством наполнялось сердце, такая злоба колотилась внутри. Мы видели и ничем не могли помочь — ничем.

Нам — советским торговым морякам— запрещено агитировать. Мы, понимаете ли, не можем вмешиваться в их внутренние дела. Помню, в Марселе, в Интернациональном клубе моряков, дали мы товарищам несколько номеров «Безбожника». Полицейский устроил скандал.

— Как! Опять эти советские моряки. Агитация! Безбожие!

Мы еле успокоили его. Будь ты неладен с такой агитацией! Ты настоящей-то агитации наверное не видел.

И моряки не агитируют. Правда, в Лондоне, на Попларе, на уличках, примыкающих к Вест-Индиа-доку, мы подходим иногда к безработным. Мы берем несколько человек в столовую, кормим и прощаясь говорим:

— Советские моряки.

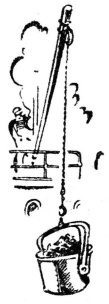
Они долго жмут нам руки и благодарно машут вслед кепками.

Правда, в Риге мы аккуратно подкармливаем на судне безработных, а цветным командам английских судов рассказываем:

— У нас, не в пример вам, восьмичасовой рабочий день, жалование 5 фунтов 16 шиллингов в месяц, стол мясной — пять раз в день, двухнедельный в году отпуск, казенное постельное белье...

Но мы не агитируем. Не можем. Нам запрещено. Нельзя, видите ли, вмешиваться в их внутренние дела.

И поэтому, товарищи, не судите нас слишком строго. Не судите за то, что не избили мы до смерти алжирского белого надсмотрщика.



5 Лондонские доки

Молодых моряков угнетает Бискай. Право, это самое неприятное.

Шторм трепал нас в Северном море и в Балтике. Сирокко налетел на нас у берегов Сицилии в Средиземном море. Но то был шторм, ветер—реальный, ощутимый враг, и с ним боролись напористо и остервенело: найтовили палубный груз, задраивали иллюминаторы, брезентом затягивали зияющие глотки вентиляторов.

Бискайский залив встретил нас мертвой зыбью.

Ясное, прекрасной голубизны, небо. Тихо. Безветренно. И громадные ленивые волны. Мы никогда не видели таких волн. На верхушках их нет белых кружев, они не гонятся одна за другой, не нагоняют друг друга и не играют.

Поверхность океана — туго натянутая пелена. Словно огромное чудовище неистовствует там, под водой,—и вот океан весь в холмах, мифические верблюды волнуются внизу — на дне, что ли? — а здесь, наверху, свешиваются на стороны ленивые их горбы. Корабль кладет по борту, направо—налево, направо—налево.

Аврал. Опять найтовить, задраивать, затягивать. Так же напористо и остервенело опять надо бороться с врагом, но тихо, безветренно ясное небо, все так спокойно и мирно, не видно врага, где враг? И потому так неприятно бороться с невидимым. Уж лучше бы шторм, что ли?

За обедом в кают-компании тарелки— в гнездах укреплений. Ночью на койке никак не заснешь, ибо надо пружинить мускулы, ибо качает тебя как в детской люльке — привалит к стенке и отвалит от нее к краю. Повесить бы по краям детские сеточки, вот сладко уснул бы!

А на палубе скрипят раздражающе тросы и небо—звездное, тихое, ясное, безветренное.

Мертвая зыбь.

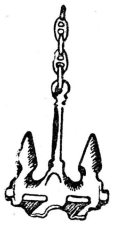
Идем без берегов.

Бискайский залив.

Облегчение приходит в Ла-Манше. Корабль перестало класть и мы можем растянуться на койке. Ла-Манш встречает нас туманом сырым, липким, едким. С мостика вахтенного не видно фок-мачты. С палубы не видны топовые фонари. Туман молочно-грязный хлопьями виснет на одежде. Его сырость можно пощупать руками. Он осязаем.

И все-таки мы рады туману. Чорт с ним, с туманом, лишь бы не мертвая зыбь. Она расстраивает не столько качкой, сколько своей невидимостью и таинственностью.

Ревет сирена у нас, ревут сирены справа, слева, спереди, сзади. В тумане идет перекличка судов. В тумане не видно зеленых и красных бортовых огней. Сегодня мы прокладываем наш путь, прислушиваясь. Вчера мы прокладывали его, приглядываясь, всматриваясь. Вчера были огни — их надо было смотреть. Сегодня сирены — их надо слушать.



В Гревизенде — устье Темзы — в тумане мы вызываем лоцмана. В молочную слякоть тумана взвиваются с мостика ракеты. Неужели их заметят с лоцманской станции? Сомнительно! Однако через полчаса к борту пристает двухпарная шлюпка. По шторм-трапу на палубу взбирается лоцман.

Мы опоздали конечно. Лоцман немного ведет пароход, потом слышны звонки машинного телеграфа—то стопорят машину; с носа, перекрывая туман, орет боцман — есть, отдать! — и грохочет уходящая на дно якорная цепь.

Светает и вместе с ночью уходит туман.

Мы опоздали конечно. Жизнь Темзы-реки известна на многие годы вперед. Ее поведение расписано по секундам. Два раза в сутки прилив — начинается во столько-то часов, минут, секунд. Два раза в сутки отлив. Начинается во столько-то часов, минут, секунд. Точно по секундам, как затмение солнца. Точно по минутам, как вращение земли. Прилив — отлив. Отлив—прилив.

В штурманской рубке—толстая книжка. Жизнь и поведение Темзы расписаны на 365 дней этого года. И каждый день— прилив во столько-то, отлив во столько-то.

Мы опоздали конечно. Мы пришли к отливу. В отлив по Темзе ходить нельзя. В отлив Лондон не принимает судов. С рассветом мы становимся на якорь и терпеливо ждем прилива.

Отлив начинается. Мы видим, как выходит на солнце усеянное ракушками дно Темзы. На нем оседают баржи. Воды Темзы грязные, масляно-нефтяные. Нам кажется странным: Лондон — второй порт мира, величайшая Темза и... чтобы выкупаться, надо ехать на взморье. Многим ли это доступно? Мимо нас снуют парусники. Паруса коричневые, палубы завалены бочками и на парусах фабричные марки: «Портланд-цемент». Впереди и сзади нас — десятки опоздавших судов Все стоят на якоре посреди Темзы.

Оживление начинается с приливом. На мостик вновь взбирается лоцман. У штурвала становится английский рулевой. Якорная цепь наматывается на лебедку и якорь повисает над водой. «Малым вперед» мы идем по Темзе. Потом лоцман стопорит машину, спереди и сзади подходят к нам широкозадые катера, они крепят у себя концы нашего парохода и волочат беспомощный наш корабль по Темзе. Сейчас нас введут в тихую заводь, в один из многочисленных лондон-

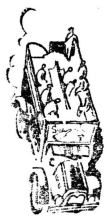
КУРС

ских доков, где никакие отливы не будут угрожать нашему судну неправильной осадкой.

Нам назначено стоять в West India Docks.

Улицы Лондона тянутся вдоль Темзы. Стены многих домов продолжают уровень набережной и окна таких домов висят над водой.

West India Docks находится в западной части Лондона, в Ист-Энде, знаменитом своей нищетой, бедностью, скученностью и грязью. Здесь узкие, грязные, скученные еврейские кварталы Уайтчепеля, здесь Поплар, Олгэйт, Коммершиель, Род — пристанища лондонской бедноты, портовых рабочих, бичкомеров — бедствующих на берегу безработных моряков всех стран мира. Грязное, отвратительное лицо капитализма рельефнее всего можно наблюдать здесь, в Ист-Энде.



Сюда с двумя золотыми гинеями, зашитыми в рукав оборванной куртки, спустился Джек Лондон. Здесь написал он свою книгу «Обреченные» — этот сильнейший обвинительный акт капиталистическому миру.

Ист-Энд—ад трудящегося человечества, вместилище скорби, нищеты, отчаяния и грязи. Обо всем этом мы слышали и читали. Сейчас мы увидим все своими собственными глазами.

По Bridge Road — оживленное движение: пешеходы, велосипедисты, автомобили, бусы — двухэтажные автобусы. Они мчатся по великолепной мостовой, по мостику, перекинутому через канал, и вновь по мостовой. И вот мы — океанский наш корабль — останавливаем все движение на шумной улице Bridge Road. Мы в'езжаем в улицу, в'езжаем в Bridge Road.

Тише, остановитесь, прекратите суету — советский пароход «Курск», красное знамя на корме — выше знамя! — «Курск» пересекает Bridge Road.

Мы, новички, ошеломлены. Небывалое явление: океанский корабль пересекает пешеходную улицу.

Движение на Bridge Road останавливается просто: направо улица запирается маленькими чугунными решетчатыми воротами; налево — движение закрыто отведенным мостом. Канал, разрезающий Bridge Road, открыт. За каналом—тихая заводь, первое большое спокойное озеро West India Docks. Оно находится уже в городе и зажато со всех сторон улицами, домами, складами, бесчисленными металлическими конструкциями под'емных кранов.

Впереди нас суетится катеришко. Стальные тросы нашего парохода прикреплены к чугунным столбам на берегу, вернее на тротуарах. Мы подтягиваем пароход, осторожно наматывая тросы на лебедки.

«Курск»—океанский корабль — стоит в канале посреди шумной лондонской улицы Bridge Road. Направо в беспокойной очереди выстроились автобусы. На вторых этажах их—открытых—сидят на скамеечках пассажиры и рассматривают нас с любопытством. Мы отвечаем им тем же.

Осторожно из канала заходим мы в док, за нами захлопываются ворота-мост и Bridge Road снова начинает суетливую свою жизнь. Бусы рвутся вперед через мост и улица приходит в нормальное свое состояние. Пешеходы, велосипеды, автомобили, автобусы.

Мы, расстроенные, беспомощные, стоим посреди тихого дока. Мы отрезаны от Темзы, от морей, океанов, отрезаны шумной лондонской Bridge Road. Нас вогнали в город и заперли со всех сторон каменными улицами.

6 Кильская улица

Через неделю — у германских берегов. Вошли в канал.

Я смотрю во все глаза и... ничего не понимаю. Почему так спокойны лоцман и капитан? Они не спеша разговаривают между собой и не проявляют ни малейшей тени беспокойства или волнения. А между тем, сейчас произойдет катастрофа. Неизбежность ее ясна и очевидна. Мы обязательно налетим на этот железнодорожный мост и расшибемся вдребезги. Мост находится на уровне штурманской рубки. Мы идем полным ходом вперед и вода, вытесненная громадным нашим па-

роходом, мелкими волнами набрасывается на каменный берег.

Тяжелый железнодорожный мост перекинут с берега на берег. Он лежит на нашем пути, он приближается к нам с быстротой, с неумолимой силой. И вдруг... мост на наших глазах раскалывается пополам, как раз на середине. Тихо, без единого звука, без шума, быстро расходится и половинками своими тесно прижимается к берегу.

Кто-то где-то нажал кнопку, перевел рычаг и — путь свободен.

Мы проходим и за нами тотчас же, опять без единого звука, смыкаются две половинки моста. Я смотрю на него удивленно. Мост как мост. Все в порядке. Ничего не случилось.

— Сколько прошли? — спрашивает капитан.

Я знаю коварный этот вопрос. Надо бежать на корму смотреть записи лага. Надо по солнцу и створам определить местоположение судна и в штурманской рубке, с циркулем в руках узнать по карте истинную скорость.

Надо... Ничего подобного. Вахтенный начальник смотрит на берег, находит верстовой столб и рапортует:

— Капитан! Мы прошли 34 километра.

Я удивлен еще более. Почему — километра? Ведь мы измеряем нашу скорость в морских милях, в узлах. Но на берегу, по обеим сторонам, направо и налево расставлены, как на хорошей проезжей дороге, верстовые столбы—маленькие, белые, изящные. Нам незачем узнавать по карте истинную скорость или бежать смотреть записи лага. Все слишком ясно и очевидно без этого — мы прошли 34 километра.

Опять надвигается катастрофа. Опять впереди мост. Наши мачты вышками своими ушли далеко над периламй моста. Мы обязательно зацепимся за мост и обломаем стройные наши фок и грот-мачты. Все ближе, ближе мост, все ниже, ниже мачты. Они как бы приседают, подходя к мосту. Искаженная в начале перспектива становится обычной и... полным ходом вперед мы проходим под мостом.

Не только мы. Здесь так же свободно проходят мощные сверхдредноуты, здесь проходила несколько раз гигантская «Кап-Полония».

Семь мостов легкой, ажурной архитектуры перекинуты через ровные промежутки, с берега на берег. Кружевные стальные столбы тонкими остриями своими упираются в цементные фундаменты. Десятки моторных паромов—маленьких, изящных, аккуратненьких, похожих издали на вынырнувшие из воды подводные лодки, — десятки паромов перевозят с берега на берег лошадей, повозки, автомобили, людей. А под несколькими мостами — большие деревянные помосты. Они подвешены над водой на четырех толстых стальных тросах. Вверху под мостом на рельсах ходит крана, и кран этот перевозит деревянные помосты с одного берега на другой. Это — транспортеры, перебрасывающие велосипедистов и пешеходов.

Прямо не верится. Громадный океанский наш корабль, тот самый, который шел без берега Атлантическим океаном, пересек Черное и Средиземное моря, попал в шторм в Бискайском заливе, громадный океанский наш корабль так же свободно, полным ходом идет вперед по улице.

Только улица эта водяная. Местами она не шире ленинградского проспекта 25 октября. Берега ее пологи. Ни единого холмика, не говоря уже о горах, скалах, лесах. Поля, поля, поля. Зелененькие, чистенькие, нарядные до кокетства деревушки и хутора. Изломанные красные черепичные крыши ниспадают сверху чуть-чуть не до земли. Большие стада скота пасутся на лугах. А берега — вот они, близко, рукой подать, как тротуары с окна трамвая на ленинградском проспекте.

Ночью эта улица на всем своем протяжении освещена сияющими электрическими огнями. По воскресеньям на берегах ее гулянья. Дети завистливыми глазами провожают далекие пароходы и корабли. Дети с завистливыми глазами долго машут вслед шапками и платками, а матросы... матросы завидуют детям. Дети, дети! У каждого есть ведь и сыновья, и дочери. Они видят отцов-моряков несколь-

ко дней в полгода, от одного плавания до другого.

Но в будни и в воскресенье, семь дней в неделю по водяной этой улице — бешеное движение вперед и назад, на запад и на восток. Какие только флаги ни встретите вы здесь: советские и английские, испанские и итальянские, немецкие, финские и даже польские. Идут пароходы с советским лесом в Голландию и в Англию, идут пассажирские суда из Ленинграда в Лондон и из Лондона в Ленинград. Широкие затоны, спокойные и гладкие, как отечественные наши озера, чередуются один за другим. В них, в затонах этих, расходятся встречные суда. В затонах — сваи. К ним может в любое время пришвартоваться любой пароход. А по берегам на всем протяжении этой водяной улицы стоят чугунные низенькие столбы. Все для пароходов, все для пароходов; может быть вам надо пришвартоваться?

Да, улица. Искусственная, как искусственны все улицы мира. Ее длина 99 километров, от Брунсбютеля до Гольтенау, от Северного Немецкого до Балтийского моря. Она соединяет эти два моря и укорачивает путь кораблей на двое суток.

Раньше, до 1908 г., из Северного моря в Балтийское ходили проливами Скагераком, Каттегатом и Зундом, близ берегов Скандинавии. Теперь ходят Кильским каналом, этим одним из самых изумительнейших на земле сооружений.

Мы тоже соединяем сейчас каналом два моря—Каспийское и Черное. Мы возьмем у немцев их опыт, их технику и сделаем наш Волго-Донской канал не хуже Кильского.

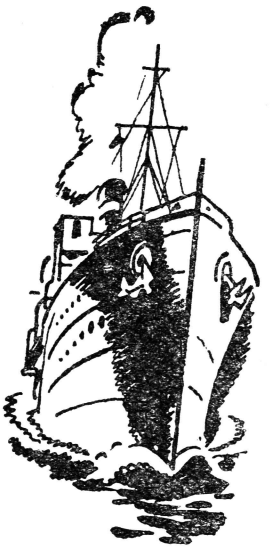
Гольтенау — конечный путь Кильского канала. Мы останавливаемся перед шлюзовыми воротами. Немецкие таможенники осматривают и отпускают наш пароход. Выходим в Балтийское море. Направо, глубоко врезываясь в землю, лежит Кильская бухта. В водах ее стоят остатки военного немецкого флота.

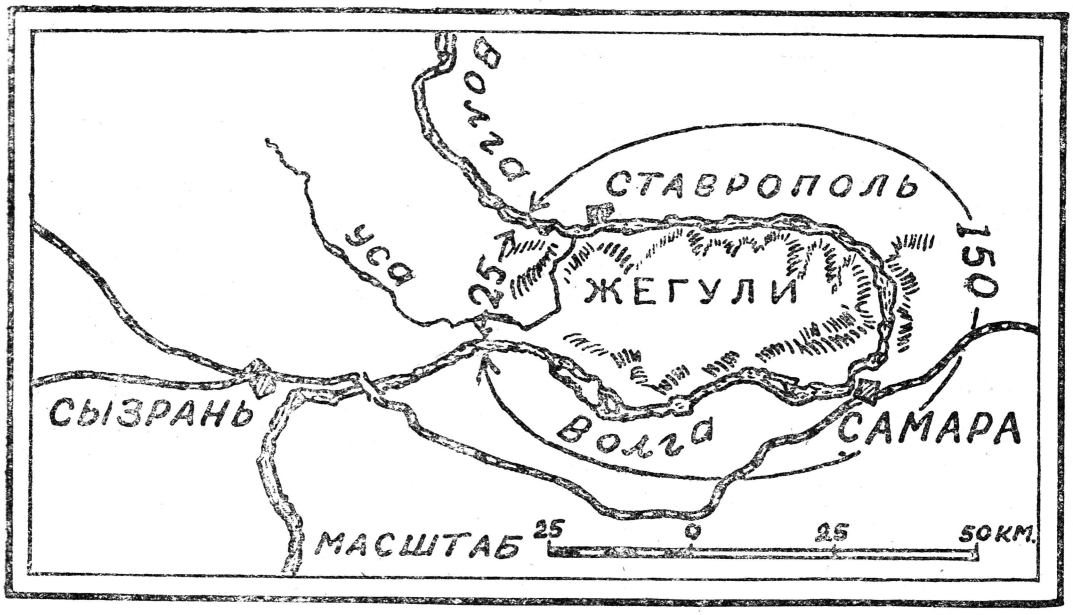
Скорее домой, в Ленинград!

Кочегары поднимают пары, механик прибавляет машине оборотов винта, а вахтенный шутя будоражит команду:

— Смотрите, смотрите! Вон по носу— видите: вышка Исаакиевского собора и золотой шпиль Адмиралтейства.

Домой, домой!





ЗАЧЕРКНУТАЯ ПОДКОВА

Очерк П. ЛОПАТИНА *Иллюстрации В. ГОЛИЦЫНА*

Жигули подшутили над Волгой

Когда около теперешней Казани Волга решительно повернула на юг, взяв курс к водным просторам Каспийского и Черного морей, ей по дороге природа бросила меловые скалы Жигулевских гор. Волга ударилась о них, пройдя Ульяновск, но лобовой атакой не смогла пробиться: плотной стеной стояли Жигули на ее пути. Тогда Волга пошла в обход, резко повернув на восток, но здесь ей снова преградила путь новая гряда Жигулей: горы намеревались поймать Волгу в ловушку. Ударившись о второй меловой хребет, Волга вышла победительницей: она разорвала эту белую стену и через Жигулевские ворота прорвалась к Самаре. Здесь резкий поворот на запад, Сызрань, и снова Волга течет по своему прежнему направлению — на юг, к морю.

Борясь с Жигулями, Волга изогнулась дугой, образуя «волжскую подкову», и эта Самарская лука столетиями была проклятым местом на волжском пути. Не будь этой 150-километровой подковы, прорвись Волга через первый преградивший ей дорогу Жигулевский хребет, она сократила бы свой путь на 125 *км*, лишь 25 *км* разделяют северный и южный концы Самарской луки.

Эти 125 *км* лишнего пути по нелепо изогнувшейся луке стоят сотни миллиардов лишних тонно-километров, десятки тысяч тонн лишнего горючего для пароходов, миллионы бессмысленно потраченных рабочих часов.

Лука оказалась вредителем, столетиями отнимавшим у людей время, энергию и труд.

Если солнечным летним днем высоко взлететь над Самарской лукой и оттуда с высоты сотен метров взглянуть вниз — можно запутаться в водяных петлях.

Темно-синей мощной подковой лежит Самарская лука, но между ее северным и южным концами заметна тонкая водяная полоса. Она соединяет оба конца «волжской подковы», и сверху кажется, что нет водяной дуги, нелепо вытянувшейся к востоку. Вместо нее — водяной круг; лука осталась лукою, но часть Волги прервала Жигули и прямым путем от Ставрополя к Сызрани перерезала жигулевский массив. Сверху кажется, что исправлена шутка Жигулей, что караваны волжских судов уже не путешествуют кружным путем по луке, а пересекают ее кратчайшей дорогой по этой новой водяной полоске.

Но, спустившись пониже, приглядитесь внимательнее, и вы поймете: сверху вы не доглядели 2 *км*. Водяная полоска, перере-

зающая «волжскую подкову» по ее основанию, извилистая речка Уса. Сначала она течет на юго-восток, взяв курс на Сызрань к крайнему южному концу Самарской луки. Но, не доходя всего лишь 2 *км* до Волги, Уса резко поворачивает, наткнувшись на высокую гряду Жигулей правого берега Волги. Теперь Уса меняет свой курс: она течет на север по основанию «волжской подковы» и, найдя узкую лазейку в хребте гор, первый раз отклонивших Волгу на восток, впадает в северный конец Самарской луки.

И сама собой напрашивается мысль: если прорвать этот 2-километровый хребет Жигулей, отклонивший Усу к северу, если углубить эту маленькую речушку и сделать ее судоходной, тогда можно зачеркнуть Самарскую луку, а вместе с нею и миллионные убытки от путешествия по ней громадного потока грузов.

Так возникла первая мысль о ликвидации «волжской подковы».

Перегороженная Волга

Первая пятилетка прошла в изысканиях и составлении проекта. С начала второй пятилетки широко развернулись строительные работы Волгостроя и это величайшее в Европе сооружение было закончено.

Волгу перегородили.

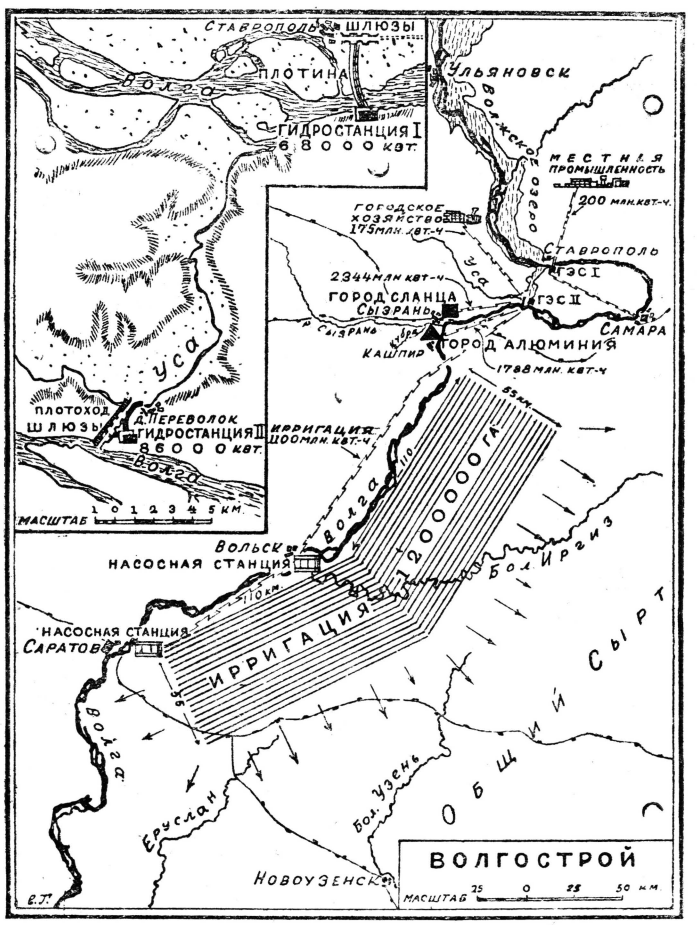
У Жигулевских ворот, недалеко от Девичьей горы, под которой так часто стояли струги и боевые челны Степана Разина, с берега на берег через всю реку встала железобетонная стена плотины. Своим серым телом она прижалась к меловой скале берега и отсюда не различить человека, стоящего на другом конце стены: на 2½ километра вытянулась плотина, смелой дугой перегородившая Волгу.

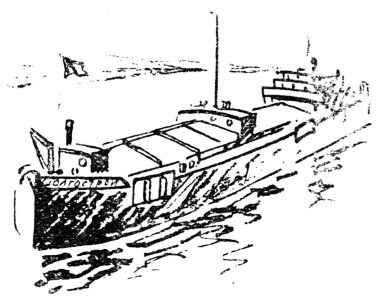
В тот самый час, когда последние металлические щиты были опущены с железобетонных быков плотины и непроницаемая стена высотой в 20 *м* встала поперек Волги, первый раз за свою многовековую жизнь Волга отступила. Ударившись о бетон и железо, она разлилась выше плотины и волжская вода вошла в овраги балки Жигулевских гор и широко покрыла заливные луга, пойманные заросли, прибрежные леса. Бессильно отступая перед плотиной, Волга вымещала свой гнев на берегах и 10 тыс. кв. *км* прибрежных земель скрылись под волжской водой.

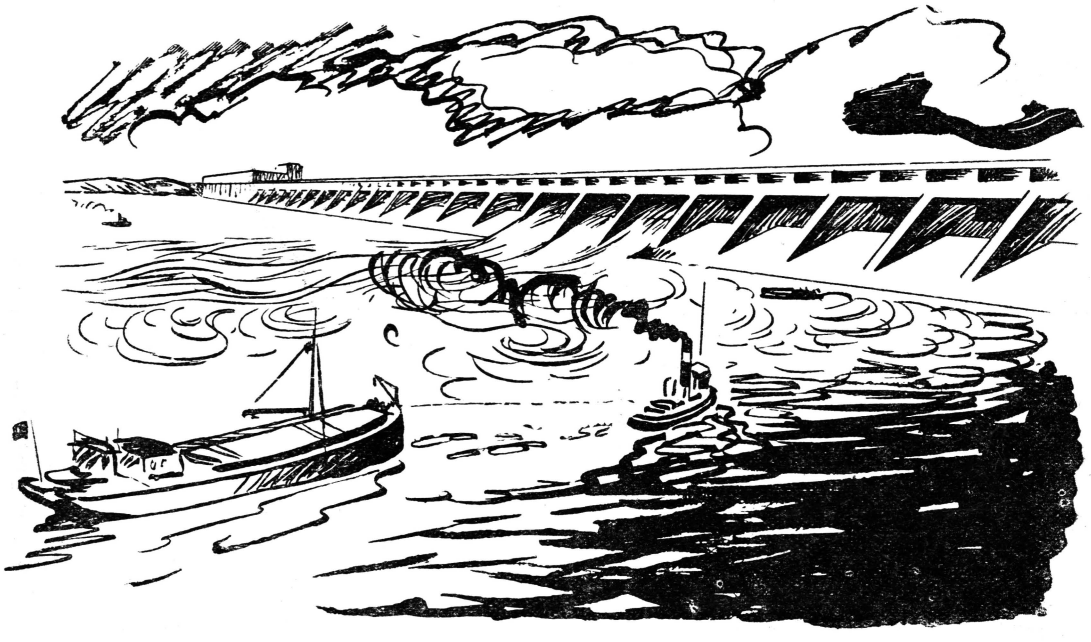
Образовалось широкое волжское озеро.

Оно начиналось у плотины и на 400 *км* шло вверх по Волге, захватив Ставрополь, Ульяновск и далеко заходя вверх за Тетюши.

В своем отступлении от плотины Волга вошла в Усу. Под напором волжских вод Уса набухала, ширилась, выходила из берегов и скоро скромная, маленькая речушка







Железобетонная плотина взяла Волгу в плен

превратилась в озеро, длиною в 25 *км* и шириною в 200 *м*. Еще вчера ее сплошь и рядом можно было переходить вброд — теперь ее глубина достигла 20 *м* и волжские суда с любой осадкой свободно шли по ее широкому фарватеру.

Хребет Жигулей, недавно преграждавший путь Усе к Сызрани, теперь разорван: пять громадных, невиданных по своим размерам шлюзов перерезали жигулевские горы и по ним, свободно спускаясь и поднимаясь по шлюзовым ступеням, идут 100 млн. тонн ежегодного волжского грузооборота. Вместо прежних 150 *км* по Самарской луке, они проходят теперь только 25 *км:* 2 *км* по разорванным Жигулям и 23 *км* по разлившейся Усе, экономя целый день своего пути.

«Волжская подкова» теперь зачеркнута для волжского транзита, и с нею вместе спасены еще вчера безнадежно теряемые каждый год 12 млрд. тонно-километров, сотни тысяч тонн топлива, миллионы рабочих часов.

130 млн. помощников

Железо-бетонная плотина не только перегородила Волгу. Она взяла ее в плен.

Волга оказалась теперь во власти электрической кнопки в небольшой будке управления плотиной и от воли дежурного у этой кнопки зависит отсчитать нужные ему миллионы кубических метров воды и направить их по луке, а остальные отбросить назад в Усу и волжское озеро.

Волга поймана. Она сможет теперь получить свободу, только отработав положенный урок. И по усмотрению все той же кнопки громадные массы волжской воды будут брошены в широкие трубы двух гидростанций.

Первая из них встанет у волжской плотины. Вторая—у шлюзов канала, прорытого через Жигулевский хребет из Усы в Волгу. С силой вырываясь на свободу, Волга приведет в движение 19 генераторов.

9 млрд. киловатт-часов электрической энергии дадут генераторы Волгрэса.

Если заняться очень несложной арифметикой (для одного рабочего выработка мускульной энергии в год равна 72 киловатт-часам), можно найти, что пойманная Волга ежегодно предоставит в наше распоряжение рабочую армию в 130 млн. электрических помощников. Такой щедрой ценой заплатила Волга за свою свободу.

По ажурным мачтам электропередачи ток Волгрэса разойдется по просторам Средневолжского края и совершит хозяйственную революцию в этой богатейшей волжской земле. Он создаст здесь промышленные комбинаты, перед которыми рядовым предприятием покажется сооружаемый сейчас комбинат Днепростроя.

„Город сланца и алюминия"

Сегодня о волжских сланцах почти никто не знает. Ток Волгрэса заставит говорить о нем весь мир.

Около теперешней Сызрани вырастает «город сланца». Могучие шахты, заложенные у с. Кашпир по р. Кубре и Сызранке и у ст. Батраки, подадут сюда, к сланцевому комбинату, миллионы тонн сырья. Ток Волгрэса превратит его в десятки разнообразных и ценных продуктов.

... Газовый завод комбината. Здесь—начало переработки сланца. И здесь же рождение из сланца горючего газа. Целым веером расходятся от газового завода сплошные металлические трубы, бережно спрятанные в земле. Они тянутся на десятки и сотни километров, и большинство их подает сотни миллионов куб. метров газа заводам и фабрикам Средневолжского края: газ из сланца—прекрасное топливо с теплотворной способностью в 10 тыс. калорий. Остальные же лучи металлических труб идут к рабочим городам края, и в них дома и деревья, улицы и небо не испачканы копотью и дымом. Здесь полновластно царствуют электричество и сланцевый газ, который стряпает в газовых плитах и греет в газовых печах.

Тут же, на газовом заводе, перегонка сланца дает сырое масло. Его переработкой занята целая группа химических заводов, и они в своих кубах и цилиндрах, в перегонных батареях и змеевиках превращают его в моторное топливо, в осветительное масло типа керосина, в газовое масло, замещающее моторную нефть, в разнообразные смазочные масла, в парафин и кубный кокс—это основное сырье при изготовлении электродов для электротермических печей.

Ток Волгрэса создает около Сызрани главную базу по изготовлению пищи для сотен тысяч тракторов, работающих в совхозах волжской земли, и освобождает нас от необходимости сложной и дорогой доставки горючего из далекого Баку.

Тут же на газовом заводе в перегонных кубах отделяется от сланца самая ценная составная часть его—аммиачная вода.

Целый фабричный городок занят обработкой этой «воды». Вместе с серным колчеданом далекого Урала и фосфоритами Общего Сырта она дает здесь сотни тысяч тонн удобрений, а особый военный комбинат, особняком стоящий в «городе сланца», получает из аммиачной воды азотную кислоту, которая является основой производства не только текстильных красок, но и почти всех взрывчатых веществ.

Так вырастает из разрезанной луки центр оборонной промышленности Союза, тем более ценный для нас, что он находится в глубоком тылу, на пересечении волжского пути с железнодорожной магистралью Москва—Средняя Азия.

Тут же в районе Сызрани встанет второй промышленный город, рожденный Волгрэсом,—«город алюминия».

Из знойного Закавказья, из его величайших в мире алунитовых залежей Заглика, придут сюда сплошным водным путем по Каспию и Волге миллионы тонн алунита—этого прекрасного алюминевого сырья. Ток Волгрэса расщепит его на составные части: серную кислоту, окись калия и металлический алюминий. Две первые пойдут в группу химических заводов, занятых производством удобрений, а алюминий будет послан к сотням станков авиозаводов, чтобы превратиться в многомоторные пассажирские самолеты, обслуживающие новые воздушные линии Союза.

Так переродит край дешевый электрический ток перерезанной «волжской подковы».

Там, где еще сегодня можно по пальцам сосчитать даже маленькие захудалые заводики, скоро вырастут мировые промышленные комбинаты. Как магнит они притянут к себе богатства отдельных районов Союза: алунит Закавказья, серный колчедан Урала, фосфориты Общего Сырта и сланцы Поволжья. Переварив все это в своих бесчисленных цехах, они разошлют во все концы Союза маршрутные поезда удобрений и цистерны тракторной пищи, краски для текстильных фабрик и взрывчатые вещества для советских арсеналов, газ для топок и эскадрильи самолетов.

Еще сегодня «мужицкий», край заживет бьющей через край индустриальной жизнью.

Лекарство от «божьей кары»

Не все 9 млрд. киловатт-часов электрического тока Волгрэса будут брошены в промышленные комбинаты, в «город сланца и алюминия». Около 2 млрд. киловатт-часов пойдут на поля Поволжья.

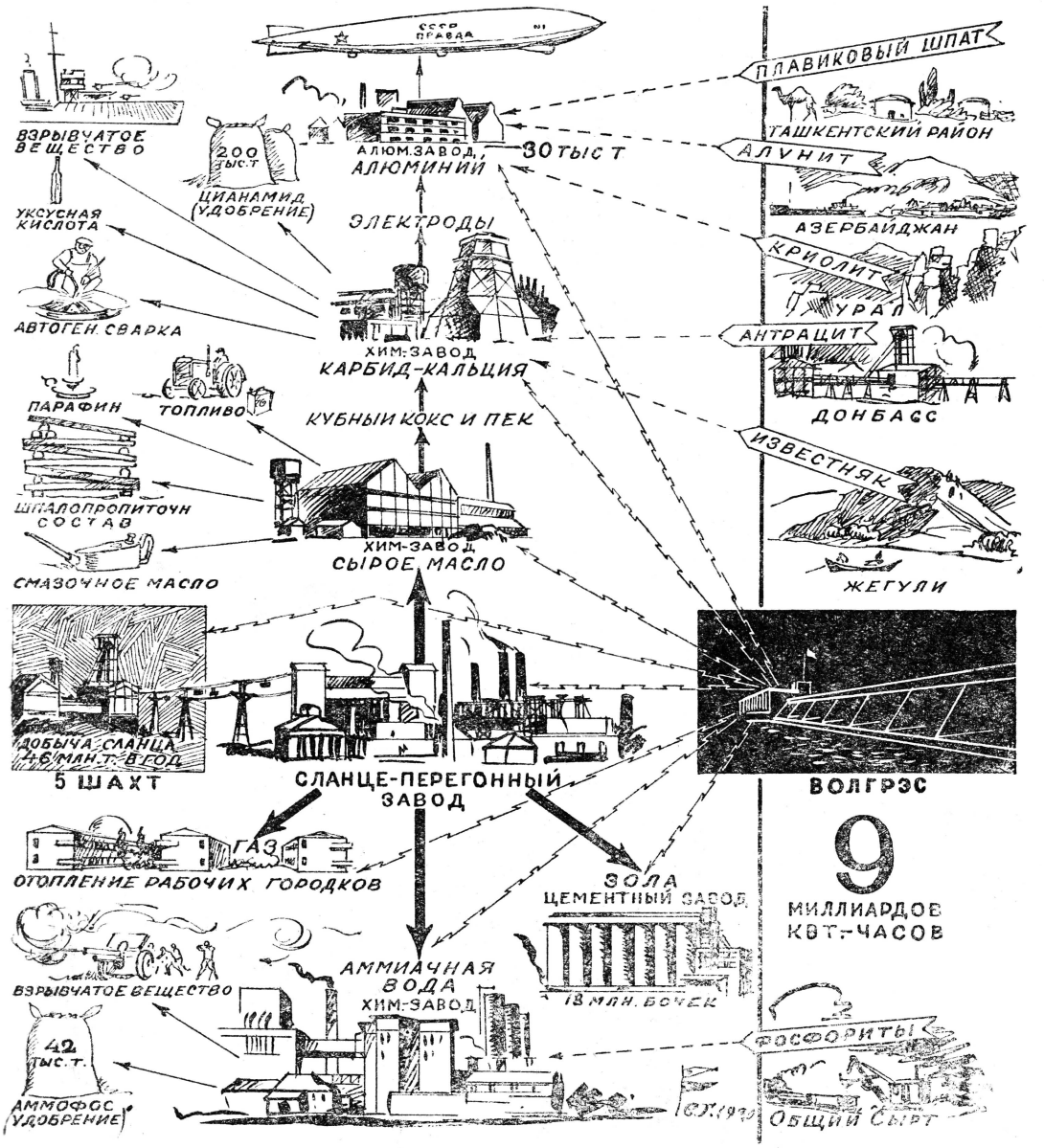
Эти поля хронически больны. Болезнь десятилетиями подтачивает волжскую землю и через определенные промежутки времени точно, как-будто по какому-то таинственному неумолимому расписанию, разражается приступами неурожая и голода. И тогда стон стоит над краем.

Солнце выжигает землю. Земля, сухая и твердая, трескается, и темные трещины ее как-будто кричат о смертельной жажде высохшей почвы.

До сих пор мы не знали лекарства от этой болезни. Правда за последние 35 лет 3 миллиарда рублей было израсходовано... но не на борьбу с засухой и недородами, а лишь на помощь пострадавшим от засухи, чтобы каждый десятый из разоренных крестьян мог кое-как стать на ноги и снова дрожать от страха перед новой, нависшей над ним угрозой.

Это лекарство есть. Надо дать Заволжью тракторы и комбайны. Надо накормить поля химическим удобрением. А главное—надо напоить землю, дать ей в жаркие засушливые годы ту влагу, которую слизы-

СХЕМА «ГОРОДА СЛАНЦА И АЛЮМИНИЯ»



вает с волжских полей «язык пустыни». Надо напоить волжские поля волжской водой.

2 млрд. киловатт-часов Волгрэса и будут брошены на эту работу В Саратове и Вольске встанут мощные насосные станции, питающиеся электрическим током. Миллионы ведер воды будут посланы ими в каналы, канавы и канавки оросительной сети Заволжья.

Они затушат «земной пожар» и похоронят наконец ту «божью кару», которая столетиями разоряла волжских крестьян. А главное — в область истории отодвинется ужас засушливых лет, когда сотни и тысячи умирали от голода и армия беспризорных ребят бродила по стране.

*

Так меняет лицо волжской земли пойманная сила перегороженной Волги.

— Вниз! В шахту его спустить, собаку!

БОРЬБА ЗА ЭССЕН

Повесть Г. МАРХВИТЦА *Иллюстрации ВРАНЧАН*

Германия стоит накануне крупных классовых боев. Явное расслоение ее на два грандиозных лагеря — пролетариат и фашистов, — как показали последние выборы в рейхстаг, приближает момент решительной схватки. В эти дни большого политического напряжения невольно припоминается обстановка классовых боев 1920 года, показанная в повести «Борьба за Эссен», которую мы помещаем в несколько сокращенном виде.

Автор повести Г. Мархвитц—молодой пролетарский писатель, друг Советского союза, недавний наш гость и участник с'езда пролетарских писателей в Харькове.

Его повесть, построенная на фактах и живых участниках боев 1920 г. является ярким документом эпохи.

I

Над Эссеном висело туманное, холодное, мартовское небо. Наступили сумерки. Во дворах серой, грязной, закопченной улицы, где жили шахтеры, шумели дети. Толпа мальчишек осыпала друг друга камнями и весело играла в войну.

Барак № 35 шахты «Фридрих-Эрнестина» был одной из самых старых построек на этой улице. Здесь, как и в соседних домах, на темных лестницах раздавались звонкие детские голоса. Из открытых окон первого этажа, где жила семья шахтера Наумана, слышался равномерный плеск воды. Горы грязного белья, простыни, пеленки и прочее лежали в дымящих корытах. Тут же копошился младший сынишка Науманши, круглолицый мальчуган. Он тянул мать за подол и, не переставая, что-то болтал.

— Да, да, детка, играй, играй! — сказала она, не отрываясь от работы.

Во дворе Науман колол щепки, которые потихоньку таскала домой десятилетняя Лиза Науман.

— Вот еще! — весело сказала она, входя во двор с полным передником щепок. — Теперь нам пожалуй хватит на целый год.

Из кухни пахло капустой и картошкой. Дети, игравшие на лестнице, взволновались.

— Мама, — кричали они, — скоро готово? Мы голодны!

— Да, да, — и Науманша швырнула новую кучу белья в корыто.

Науман работал на шахте «Фридрих-Эрнестина». Вообще все мужчины, живущие в этом доме, работали там, за исключением старого Мартина Крейзат. Он был инвалид и жил этажом выше.

Науманы и Крейзаты поддерживали дружеские отношения. На лестницах, во дворе женщины обменивались мнениями о своих козах и курах, но не бывали друг у друга — им было некогда.

— Опять мороз!—сказала фрау Крейзат.— Беда с Мартином, у него ведь астма. Пришлось опять итти к врачу.

— Что с ним? — спросила Науманша, выжимая белье.

— Не знаю, вот уж три недели хрипит и тяжело дышит. — Фрау Крейзат нагнулась и посмотрела вниз, не идет ли Мартин.

— Чорт возьми! — послышался оттуда глухой голос.

— Как дела? — спросила Науманша.

— Плохо. Негодяй доктор запретил курить трубку. — Громко кашляя, Мартин поднялся наверх.

В это же время в кухню с шумом вошел Франц Крейзат, высокий и худой малый.

— Вот и прекрасно, здесь хоть немножко погреешься! — весело закричал он, сорвал фуражку с головы и обхватил мать обеими руками. — Здоровые у меня лапы, правда?

— Когда же ты угомонишься, Франц? — вздохнула она. — Добегаешься, помяни мое слово!

— Не ворчи, старая, — засмеялся Франц.— Вскипяти-ка кофейку, это лучшее средство от насморка, ревматизма и гриппа!

Он вытащил из кармана трубку и набил ее табаком, не замечая завистливого взгляда старика.

— Не кисни, отец, раз доктор запретил, надо его слушаться.

Франц жадно хлебнул горячего кофе, держа газету перед глазами.

— Сию же минуту брось эту гадость! — сердито закричала фрау Крейзат.

— Газету? Ни за что!

— Тогда читай другую, эта забивает тебе голову всяким хламом!

Франц разозлился.

— Чорт возьми, этого не будет! Капиталистическую прессу я вышвырну из дома!

— А я не позволю тебе вмешиваться во все дела.

Завязался спор. О газете речь шла не в первый раз, но сегодня фрау Крейзат была раздражена и не уступала.

— Сумасшедшие все стали! Как вспомню, что было в прошлом году...

Она не могла забыть, как в прошлом году, в феврале, в город вступил рейхсвер и в толпу была брошена граната. Оказалось много убитых и раненых. После расправы всюду остались следы крови.

Фрау Крейзат с ужасом вспоминала об этом. Она трепетала при мысли, что Франц участвует во всех демонстрациях.

Революционная газета призывала к демонстрации, и она ее ненавидела.

— Оставь Франца в покое! — глухо сказал Мартин Крейзат. — Можно подумать, что он грудной младенец. А ведь малому уже минуло двадцать пять лет!

Франц взял пальто, переделанное из солдатской шинели.

— Куда опять? — метнулась к нему мать.

— К Терезе, она сегодня дома, — ответил Франц, нахлобучивая шапку.

— Ах, так!

В этом восклицании были страх, ревность и облегчение...

Мартовский ветер неистово теребил Франца.

— Войдите! — послышался голос Терезы, когда он постучал в дверь.

Отец Терезы, старый Траутен, тоже был шахтер, по убеждениям социал-демократ.

— Читал газету? — тотчас же спросил он Франца.

— Очень поверхностно, старуха опять устроила мне форменный скандал.

— И была совершенно права! Вот что здесь намарано,— Траутен протянул ему «Рурер эхо».

Франц схватил газету и жадно стал ее читать.

— Все, что делает правительство, им не по вкусу! Это называется политика рабочих! Уж не думаете ли вы ввести в Германии московские порядки? — ворчал Траутен.

Франц вспомнил свой разговор с товарищем Фрицем Раупом, который принял его несколько недель тому назад в партию независимых социал-демократов. Он был за падение правительства, за диктатуру рабочих.

— Это правительство ничего не даст нам, рабочим, говорит Фриц Рауп, — возразил Франц. — Правительство, которое строит свою власть на пулеметах враждебного рабочим райхсвера, должно быть свергнуто!

— Вот как? — злобно закричал Траутен.— От Раупа ничего лучшего я и не ждал. А что же вы собираетесь делать, когда правительство будет свергнуто?

— Мы возьмем власть в свои руки!

— Прекрасно! Ты или Рауп? Кто возьмет власть в свои руки? Ведь положение в стране невероятно трудное.

— А кто в этом виноват? Конечно само правительство, — ответил Франц. — Хорошее рабочее правительство! Старые офицеры, готовые за Гогенцолернов загнать нас в могилу!

Неожиданно вмешалась Тереза. Она была ужасно рассержена.

— Довольно болтать о пустяках, — зевая сказал она. — Отец прав, ты слепо во всем веришь Раупу!

— Я верю своим глазам, Тереза. Послушай, что говорят товарищи.

— Но ведь они с ума сошли! — заорал Траутен. — И немудрено. Чего-чего ни написала эта газета! Чего только ни должно делать правительство? Ввести социализацию, ввести шестичасовой рабочий день...

— Сейчас мы уже перешли на семичасовой рабочий день...

— Ну конечно вы своего добьетесь!

Траутен выскочил из комнаты и с грохотом хлопнул дверью.

— Видишь,—сказала Тереза, защищая отца, — он умнее тебя и потому уступает.

Оба замолчали. Франц взял газету, которая привела в бешенство Траутена.

— Оставь газету! — раздраженно закричала Тереза.

— В Берлине атмосфера сгущается, — сказал Франц, — а твой отец этого не любит!

Она прервала его:

— Не вмешивайся в чужие дела!

Франц разозлился и взялся за шапку.

— Куда ты? Не пущу.

Тереза вырвала у него шапку из рук и плутовски прищурила глаза. Она была молода, свежа, красива...

— Отдай шапку!

— Не дам!

Она нахлобучила шапку на голову и, посмотрев в зеркало, заявила:

— Жаль, что я не мужчина! — затем нежно прижалась к нему и захохотала.

— Чучело! И это называется жених. Не смей уходить! — И переменив тон, неожиданно прошептала. — Франц, голубчик, ведь я только раз в месяц бываю здесь, а ты точно не замечаешь меня!

— Неправда!

— Это все из-за Раупа!..

— Он мой друг и товарищ...

— Тише, слышишь, как воет пес! Это к покойнику! — болтала Тереза.

— Он сам сдохнет, если беднягу будут днем и ночью держать на цепи и не давать ему есть.

Оба засмеялись.

Шахта гудела от шума голосов. Шахтеры стекались из всех углов, свистели локомотивы, скрипели тележки с углем.

Работа кончалась.

— Шепп, разиня! Опять не выполнил урока.

Шутки сыпались со всех сторон. Кое-кто смеялся, кое-кто переругивался с товарищами.

В стороне от тележек, нагруженных углем, примостились двое. Они громко спорили. Один был Фриц Рауп, забойщик, лет 30, среднего роста, сильный и крепкий. Другой Юпп Цермак, длинный, широкоплечий пруссак. Их окружила толпа любопытных. Среди них был и Крейзат. Как всегда обсуждались события дня. Один из толпы шахтеров сказал:

— Ты слишком мрачно смотришь на вещи! Социализация...

— Идет вперед! — перебил его другой.

— Ни черта! Рабочих угостят пулями, если они вздумают протестовать!

— Как это было в феврале 1919 года!

Шахтеры направились к выходу. Рауп и Цермак с ними.

— Правительство пало! — услышал Цермак.

— Фриц, слышишь?

Они стали локтями пробиваться к товарищам из вечерней смены, чтобы узнать новости.

— Правительство принуждено было бежать! — сообщил один забойщик. — В Берлин вступил рейхсвер, об'явивший себя на стороне Каппа и Лютвица.

— Вы еще не читали плаката, который висит у входа в шахту? Он призывает к спокойствию и порядку. Всякий протест, призыв к восстанию будет караться смертной казнью!

— Чорта с два! — закричал Цермак. — Вечерняя смена не даст ни килограмма угля! Все вон из шахты!

С невероятным шумом стала подниматься одна корзина за другой.

— Ни один человек не должен оставаться в шахте! — гремел Цермак. — Немедленно все на собрание!

У выхода штейгер грозно потребовал, чтобы шахтеры стали на работу.

— Какое вам дело до того, что делается в Берлине! — кричал он. — Отправляйтесь вниз и добывайте уголь!

— Врешь! — крикнул Цермак и оттолкнул штейгера в сторону. — Нам не может быть безразлично то, что делается в Берлине!

— Я вас проучу! — стал угрожать штейгер. — Кто посмеет протестовать...

— Будет расстрелян! — спокойно докончил Цермак. — Никто больше не станет на работу! Поняли, товарищи! — обратился он к окружающим.

— Я сообщу администрации! — задыхаясь от злобы, кричал штейгер. — Я вас...

— Всыпь ему как следует, Цермак! — крикнул кто-то из толпы.

— Делайте, что хотите! — закричал штейгер и поспешно отошел в сторону. — Но я с вами расправлюсь, дайте срок!

— Негодяй смеет угрожать!

— Вниз его!..

— Вниз! Пусть добывает уголь...

Шахтеры грозно наступали.

— Вниз! В шахту его спустить, собаку!

Штейгер побелел как полотно. Он побежал по железной лестнице и мигом исчез из виду. Темная волна шахтеров двинулась за ним.

Цермак вскочил на скамейку, сделал знак, что хочет говорить.

— Тихо! Молчать!

— Цермак хочет говорить!

Шум постепенно затих.

— Товарищи! Вы видели этот плакат и конечно читали, что в нем написано. Правительство Эберта в прошлом году под лозунгом порядка и спокойствия осыпало нас

Тереза вырвала у него шапку

ручными гранатами. Капп—Лютвиц тоже болтают о порядке и спокойствии. Плевать мы хотим на порядок, охраняемый винтовками и пулеметами, направленными против рабочих. Довольно лжи, довольно обмана! Наш ответ: ни одной лопаты угля, пока акционерное общество не лопнет.

— Браво! Браво!

Сотни рабочих двинулись к двери, на которой висел желтый плакат.

— Сорвать его! К чорту!

Мозолистые руки сорвали плакат, изорвали его на мелкие клочки. После Цермака на скамью взобрался другой оратор, член завкома. У него было испуганное лицо.

— Тихо, завком хочет говорить!

— Петер сообщит, что желает администрация!

Раздался смех.

— Еще неизвестно... Профсоюзам необходимо выждать пока...

Доносились отдельные слова.

— Чего ему надо, мерзавцу? — кипятился Цермак. — Гоните болтуна! От него ничего путного не дождетесь!..

— Кто за забастовку, пусть поднимет руку!

Член завкома, красный как рак, вскарабкался на скамейку.

— Подождите, товарищи, подождите!

— Кто за забастовку, товарищи, пусть поднимет руку! — громко повторил Цермак.

Всколыхнулось целое море рук.

— Слишком рано, товарищи,—волновался завком, — будьте благоразумны!

— Убирайся к тем, Петер, кто тебе за это платит, — презрительно сказал пожилой забойщик.

— Прекратить топку? — спросил полуголый и черный от копоти истопник.

— Всю работу прекратить! — крикнул Цермак.

— В котельную! — крикнул молодой забойщик, и все бросились за ним.

Шумный человеческий поток покатился к выходу. Напротив, в заводской конторе, к окнам прильнули испуганные бледные лица директора, председателя завкома и штейгеров.

— Чего же вы остановились, товарищи? — воскликнул какой-то рабочий. — Испугались что ли? В котельную! Приостановить работу в котельной!

Толпа все увеличивалась.

— Стоп! Прекратите работу, товарищи! — громким голосом крикнул Цермак. — Забастовка, товарищи! Мы решили бастовать!

* * *

Прошло два дня с момента падения правительства. В шахтах царила мертвая тишина. Шахтеры дружно проводили забастовку.

На улице Франц столкнулся с Раупом.

— Слушай, братишка, в три часа ты поведешь демонстрацию на Герлингсплац! Прощай! Тороплюсь в партийный комитет!

Франц поспешно глотал обед.

— Не торопись! Подавишься! — вздыхала фрау Крейзат.

— Мы бастуем, понимаешь, мама, сотни тысяч рабочих. Если бы ты увидела, что творится в городе! Жужжит как улей! Сегодня мы идем на Герлингсплац; к шахтерам присоединятся рабочие со всех предприятий!

Франц взволнованно вскочил с места, схватил шапку и бросился к выходу.

На улице он встретил товарищей, которые торопились к сборному пункту. На площади появилось красное знамя.

— Стройся! Вперед! — слышался бас Цермака.

Горняки, к которым присоединились металлисты, медленно двинулись вперед.

— Франц, Франц Крейзат, веди их на Герлингсплац!

Демонстранты стройно запели «Интернационал».

— Вот они, вот они! — кричала Науманша, — и Франц негодяй впереди!

Фрау Крейзат вздохнула и поднялась к себе. Мартин стоял у окна и смотрел на проходящих.

— Видишь, Франц впереди с красным знаменем в руке, — хрипло сказал он.

— Глупый мальчишка! — стонала фрау Крейзат и высунулась из окна взглянуть на своего Франца. Он, улыбаясь, помахал ей рукой...

Герлингсплац кишел людьми. Красные знамена, транспаранты.

— Мы решились... Всеобщая забастовка... Вся власть трудящимся... Социализм... Диктатура пролетариата...

Демонстрация двигалась дальше и дальше. Тысячи рабочих, шахтеров, железнодорожников, женщин. В окнах полицейского управления мелькали мундиры. На крышах, на башнях здания суда красовались пулеметы.

— Видишь, у них все готово!

— Удивительно, что еще не началась пальба.

Глаза, полные ненависти, смотрели на цепь полицейских. Угрожающе поднимались кулаки. Слышались громкие голоса.

— Чего вы там торчите?

— Зачем у вас пулеметы наготове?

— Убирайтесь к чорту! Вы нам не нужны.

Лица под стальными шлемами бледнели от страха. Откормленные, растерянные лица деревенских парней.

За ними стояли офицеры. Стройные, нарядные, с браунингами в руках.

— Вот они, наши враги! — крикнул какой-то рабочий.

Соблюдайте дисциплину, товарищи! Поддерживайте порядок! — так закончил свою речь оратор, говоривший на Герлингплаце.— Пока мы безоружны, мы ничто, несмотря на то, что нас сотни тысяч. Они еще не стреляют, товарищи, но ежеминутно может начаться пальба!

В ту же минуту грянул выстрел. Потом еще один. Демонстранты остановились. Посыпались проклятия.

— Что случилось?

Впереди раздался ружейный залп.

— Назад!

Начались смятение, толкотня.

— Стреляют. Они в нас стреляют!

Выстрел за выстрелом. Человеческий поток хлынул обратно по ближайшим улицам. За ним вооруженные полицейские.

На следующий день демонстрации были воспрещены.

— Городскую думу захватили, собаки, везде стоят пулеметы! — кричали в толпе.

Мужчины, ругаясь, бросились назад, женщины бежали с визгом по переулкам, за их спиной гремели выстрелы.

Франц и Рауп еще не успели разобрать в чем дело, как вблизи блеснули полицейские шлемы.

— Очистить улицу! — рычали полицейские.

Рауп почувствовал сильный удар в плечо и упал на колени. Он пытался встать, удар по голове окончательно свалил его на землю. Франц, которому удалось спастись от преследования, поднял товарища и, схватив его под руку, потащил к воротам какого-то дома.

Здесь приютилась кучка дрожащих людей.

— Куда нам итти: во двор или прямо в дом? — вопила какая-то женщина, окровавленным платком вытирая рассеченную губу.

— Озверели, проклятые, я хотела пройти к вокзалу, никаких дурных намерений у меня не было, как вдруг подбегает ко мне такой негодяй и бац шашкой по лицу. Выбил зубы, проклятый!

Она выплюнула кровь и заплакала.

— Не надо было их раздражать! — укоризненно заметил хорошо одетый человек, видимо чиновник.

— Очистить улицу!

— А почему они загородили дорогу своими пулеметами? — взволнованно и злобно спросил шахтер с синим шрамом над левым глазом.

Чиновник мигом притих.

Фриц Рауп пришел в себя. Голова его была окровавлена, левое плечо мучительно ныло.

— Что случилось? Как это случилось?

— Не знаю. Ты побежал, я за тобой. Потом ты свалился как мешок.

— Хорош нейтралитет! — с горечью сказал Рауп.

— Они бросали ручные гранаты, — рассказывал кто-то.

— Одна из них разорвалась совсем близко. Вот... — он показал разорванное пальто.

— Что делать? — заплакала женщина, испуганно прижимая к себе ребенка.

— Знаете, как это случилось? — говорил кто-то. — У одного из полицейских выстрелило ружье, другие не разобрали в чем дело и стали палить во-всю!

— Пустяки, — сказал шахтер, враждебно поглядывая на чиновника, — просто они рады случаю начать пальбу! Ведь полиция должна охранять порядок!

Франц потащил Раупа к воротам

— Ах так? Ну нет, порядок мы сами наладим.

— Ха-ха-ха!

Вдруг раздалась команда, ворота распахнулись настежь и неожиданно появился отряд полицейских с ружьями наперевес.

— Вон отсюда!

— Очистить улицу!

Полицейские прикладами гнали толпу перед собой. В других частях города трещали выстрелы. Там шла демонстрация. Ее разгоняли ружейными залпами и ручными гранатами.

— Так больше продолжаться не может! — зарычал избитый до крови крупповский рабочий. — Меня изранили, женщину рядом со мной избили, я хотел ее защитить и опять получил от них угощение. А потом пришлось по-звериному ползти по мостовой, потому это они стали палить по чем зря!

Бледные как мел лица. Крики негодования, злобы.

— Бери камни с мостовой! Выкурим бандитов! Оружие! Надо добыть оружие!

— Дортмунд захвачен рабочими! Они выбросили оттуда приверженцев Носке!

Это еще подлило масла в огонь.

— Где они достали оружие?

— Отняли у рейхсвера.

— Не сделать ли нам то же самое?

— Кто с нами, бери камни с собой, чтобы как следует угостить негодяев!

Кучка взволнованных людей подошла к цепи полицейских. Те взяли ружья наперевес.

— Не удирать, если они будут стрелять!

— Забросать их камнями!

Рабочие подступали все ближе. Полицейские тоже сделали несколько шагов вперед.

— Очистить улицу! Назад! Пли!

— Ложись! — крикнули рабочие.—Не удирайте, трусы!

— Пли!

Залп грянул над головами рабочих.

На полицейских посыпался град камней. Новый залп. Крики.

— Назад!

Рауп и Франц Крейзат были впереди всех. Франц швырнул тяжелый камень в офицера, но не попал.

Рауп ничего не мог делать из-за своего раненого плеча, только свирепо ругался.

Стемнело. Повсюду были усилены наряды полиции. Появилась гражданская милиция.

Рабочие укоризненно говорили милиционерам:

— Стыдитесь! Итти против нас?

Обыватели смущенно посмеивались. Они побаивались, несмотря на то, что были вооружены. Среди них были служащие, торговцы и даже рабочие.

— Мы исполняем наш долг!

— А кому нужен этот ваш долг?

✸

— В городе неладно, — говорили рабочие, — полиция, винтовки, пулеметы!

— Это все делается по приказу правительства Эберта! Так охраняется порядок!

— Как в феврале! Фабрики и заводы стали по нашему приказу.

— Говорят, всеобщая забастовка отменена!

— Нет еще!

Рауп взял Франца под руку.

— Идем! — сказал он.

Они молча шли вперед. Кругом было тихо. Не дымили трубы, не шумели машины. Тишина, абсолютная тишина: всеобщая забастовка!

— Мы опять поползем в наши шахты. Как ты думаешь? — с горечью спросил Рауп.

✸

Прибыл курьер из Эссена. Малера вызывали в город.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

— Ничего определенного! — ответил тот. — Повсюду началось выступление рабочих, только мы в Эссене бездействуем. Мы тебя ждем, — прибавил он и уехал обратно.

Малер поспешил сообщить Цермаку, что его вызывают в город.

— Когда я вернусь, надо созвать ребят и устроить собрание.

— Не жди меня сегодня, ложись спать,— сказал жене Юпп Цермак. Она стояла на коленях перед печкой и кочергой разбивала горящие головешки.

Цермак отправился к Крейзатам. Франц должен был ему помочь созвать товарищей на собрание. Цермак попал очень неудачно. Фрау Крейзат была вне себя от волнения— Франц еще не вернулся домой.

— Где Франц?

— А зачем он вам нужен? — сердито спросила она.

— У нас собрание...

— Обойдетесь без него, — закричала она. — Доведете его до беды! Мальчишка положительно с ума спятил.

Цермак смутился. Он не привык спорить с женщинами.

— Проклятое бабье! — пробормотал он сквозь зубы.

— Мальчишка больше не выйдет из дома, поняли? — зашипела фрау Крейзат.

— Франц не ребенок, вы кажется забываете об этом! — с яростью крикнул Цермак.

— Пока мать жива, он должен ее слушаться.

Цермак понял всю бессмысленность этого спора и, уходя, сказал:

— Вам ничего в голову не вдолбить! Не стоит зря время терять!

— Франц не пойдет ни на какое собрание! — упрямо крикнула она ему вслед.

Цермак пошел звать товарищей на собрание. В городе раздавались одиночные выстрелы.

— Знаешь, Юпп, — сказал ему попавшийся навстречу рабочий, — в Дортмунде и вообще повсюду рабочие уже выступили... Чего же мы ждем?

— В Эссене кишмя кишит военными мундирами и пулеметами.

— Правительство здорово нас боится!

— Мы им еще покажем, чорт возьми!

Они пожали друг другу руки.

— Всего хорошего, Карл!

В пивнушке Шимана уже начали собираться рабочие.

— Что слышно?

— А вот послушаем, какие новости привезет нам Малер из города.

— Долго его что-то нет! — нетерпеливо говорили собравшиеся в пивнушке.

— Не зря его в город вызвали, будьте покойны!

Дверь с шумом распахнулась. Вошли Рауп и Франц Крейзат.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Цермак.

— Мы были в городе! Чорт знает, что там делается! Пулеметами разгоняют толпу, есть убитые и раненые! Мерзавцы даже женщин не щадят!

— Собаки! — крикнул молодой забойщик.

Фриц чуть-чуть на месте не остался,— рассказывал Франц Крейзат. — Сначала получил прикладом по плечу, потом по голове.

— Потише, ребята,— заметил кто-то. — На улице стоит Мюллер, шпик.

— Нюхает воздух, собака!

— Тише, товарищи, — сказал Цермак.

В эту минуту вошел Малер.

— Наконец-то! Мы тебя уже ждем не дождемся!

Шпик Мюллер

— Товарищи, — Малер пытливо оглянулся, — я вижу здесь есть и беспартийные. Они должны выйти из комнаты.

— Да что ты! — крикнул Цермак. — Тут все верные ребята. Можешь на них положиться!

— Нет! Собрание только для членов партии! — настаивал Малер.

— Пятнадцать молодых шахтеров и забойщиков вышли из комнаты.

— Идите сюда поближе, — сказал оставшимся Малер. — Сегодня ночью мы выступаем!

Все этого ждали, тем не менее были потрясены известием.

— Мы должны собраться в час ночи, одна часть пойдет к гранильной фабрике, другая через железнодорожную насыпь к лесопильному заводу. — У кого есть винтовки, товарищи?

— Потише, Вильгельм! — Карл Поводный, забойщик, кивнул на улицу.— Шпик проклятый тут прогуливается!

Все невольно посмотрели на темные окна.

— У кого есть винтовка или револьвер? — пониженным голосом повторил Малер.

— Как раз у тех парнишек, которых ты выпроводил отсюда, есть оружие, — ворчливо заметил Карл Поводный.

— Пойди и скажи им, чтобы они с винтовками явились около часа ночи в указанное место. У кого еще есть оружие?

У четверых оказались винтовки, у двоих— револьверы.

— На всякий случай я припас несколько ручных гранат, — сказал молодой шахтер с шахты «Эрнестина».

Он рассмеялся и лукаво прищурил глаза.

— Фриц Рауп, ты и Цермак станете во главе отряда...

Фриц побледнел и молча кивнул головой. Он сразу понял всю опасность этого плана— каково бороться нескольким едва вооруженным рабочим с военным отрядом.

— Уж не колеблешься ли ты, Фриц? — иронически спросил Малер.

— Я? Нет.

— Крейзат, идем со мной!

— Я хотел зайти домой, — возразил тот, — мать беспокоится ужасно...

Малер иронически засмеялся.

— Грудной ты младенец, что ли?

Франц густо покраснел.

— Если бы ты знал мою мать, ты бы так не говорил! — обиженный насмешливым тоном Малера возразил он.

— Ну, ладно, ладно, я не хотел обижать старуху.

На улице перед пивнушкой Франц Крейзат оглянулся на уходящих Раупа и Цермака.

Напротив, у остановки трамвая, стоял какой-то человек. Он старался держаться в тени.

— Пойдем! — сказал Малер, и они с Францем завернули за угол.

Человек, стоявший у остановки трамвая, осторожно двинулся за шахтерами. Увидев, что они вошли в один из ближайших домов, он быстро шмыгнул в полицейский участок.

✸

...Ну, что там опять? — спросила сонным голосом фрау Малер, поджидавшая мужа.

— Иди спать! — нехотя ответил он. — У нас еще есть всякие дела!

— Вечно у вас какие-то странные дела! — ворчливо сказала фрау Малер, уходя в свою комнату.

— Эх, бабье! — пробормотал Малер, смачно прожевывая картошку.

Около 11 часов на квартиру Малера явилось еще двое. Они подозрительно поглядывали на Франца.

— Не беспокойтесь, это верный человек,— сказал Малер.

— Не станем же мы здесь в кухне обсуждать наши дела? — спросил Малера один из них, черноволосый, лет сорока, повидимому не рабочий, с умными, глубоко сидящими глазами.

— Мы сейчас перейдем в соседнюю комнату, — ответил тот.

— Ты, Франц, оставайся в кухне и сообщи нам, если что-нибудь произойдет.

✸

Из соседней комнаты до Франца доносился громкий шопот. Казалось, собеседники о чем-то спорят. Черноволосый вероятно был одним из руководителей. Когда он говорил, другие умолкали.

— Если дело не пойдет на лад, — слышалось из соседней комнаты. — Если удачно..

Большие стенные часы громко тикали.

— Ма-ма-а! — плакал ребенок Малера.

— Молчи! Молчи! — сонно старалась угомонить плачущего фрау Малер.

Голоса монотонно гудели. У Франца слипались глаза.

✸

Раздался громкий стук.

— Неужели я заснул? — с отчаянием подумал Франц, протирая глаза.

Опять стук.

— Открывайте немедленно!

Франц был до того смущен, что громко вскрикнул:

— Вильгельм, кто-то стоит у дверей!

— Молчи! — прошептал Малер, входя в комнату. Он был бледен как стена.

— Приказываю немедленно открыть полиции!

— Это голос шпика Мюллера! — заскрежетал зубами Малер.

— Ну что же вы все стоите как истуканы! — сказала фрау Малер, входя в комнату с плачущим ребенком на руках. — Бегите через окно!

— Не поможет, они оцепили дом!

— Попались, чорт возьми! — сказал черноволосый, — теперь все пропало!

В эту минуту дверь с шумом распахнулась.

— Руки вверх!

В комнату вломилось с полдюжины полицейских.

— У кого есть винтовка или револьвер?

— Что вам здесь надо?

Фрау Малер с ребенком на руках стояла между мужчинами и полицией.

— Идите спать! Это не ваше дело! — сказал шпик Мюллер.

— Но ведь теперь ночь! — продолжала женщина.

— В таком случае не нужно было устраивать тайных собраний, — иронически ответил тот.

Мужчин обыскали. Нашли два револьвера, патроны.

— Марш в участок!

— Вы с ума спятили, собаки! Пьяны вы, что ли?.. Да я вас... да я вам всю рожу заплюю... — кричала фрау Малер.

— Эй вы, в участок!

Франц стоял с широко раскрытыми глазами, плохо понимая, что происходит. Кто-то ударил его с такой силой, что он вылетел из комнаты.

— Марш!

Еще толчок — и он очутился на улице.

Фрау Малер ругалась. Ребенок плакал.

— Идем! — черноволосый потащил Франца с собой.

✸

«Что теперь? — думал Франц по дороге в участок. — Может быть длительное тюремное заключение, а может быть и что-нибудь похуже...».

— Они нас просто расстреляют! — сказал черноволосый без всякого волнения. Он шел рядом с Малером.

В участке их опять обыскали, но ничего предосудительного не нашли.

Им разрешили сесть, курить. Прошло мучительных полчаса. Полицейские привели Карла и еще какого-то парнишку.

— Карл, и ты попался? — ужаснулся Малер.

— Вот видишь, — язвительно ответил тот. — Ребята, которых ты прогнал с собрания, все выболтали.

— Препроводить арестованных в Эссен! — сказал начальник гражданской обороны.

— Вы очень нас боитесь? — насмешливо спросил Малер. — Сразу видно, какие вы герои!

— Марш вперед!

✸

Франца клонило ко сну. Все казалось ему злой шуткой, тяжелым кошмаром.

Они перешли границу города. Издали чернели здания Эссена. Только на железнодорожных путях горели фонари. Вот шахта «Королева Елизавета», вот кирпичный завод. Где-то резко завыла сирена. Арестованные замедлили шаги.

— Марш вперед!

— Такая неудача! — вздохнул Малер.

«Нас шестеро, — думал Франц Крейзат, — мы могли бы наброситься на них...».

Он сделал движение в сторону одного из стражи. Тот крепче сжал винтовку в руках.

— Ну, быстрей поворачивайся, — сказал он, бросая на Франца подозрительный взгляд.

Наконец они очутились в городе. Франц оглядывался во все стороны. Вокруг одни только военные мундиры и испуганные, любопытные лица волонтеров гражданской обороны.

Арестованных повели к ратуше.

— Где вы их поймали?

— В Штоппенберге.

— Оружие было при них?

— Да.

— Ага, прекрасно!

Арестованные стали подниматься по лестнице.

Толчки, пинки, удары.

— Не смейте драться! — возмутился Малер.

Кто-то подставил ножку Карлу и он с проклятием упал. Полицейские захохотали и стали его бить.

В коридоре шпалерами выстроились полицейские с резиновыми дубинками.

— Марш вперед!

Удары посыпались на головы, на спины арестованных.

— Беги, красная свинья, говорят тебе!

И опять удары, удары без конца.

— Не смейте! — кричал Малер, стараясь обороняться. Напрасно. Он бежал сначала зигзагами, потом прыжками, пока не добежал до того помещения, где кишмя кишели мундиры.

Удар по голове свалил Франца Крейзата на колени, он пополз на четвереньках.

— Беги, скотина!

Он шатался от ударов и в полуобморочном состоянии бежал сквозь строй. По избитому, израненному лицу текла кровь. Еще удар. Он как мешок свалился на пол и застонал. От последнего удара он прикусил язык и рот наполнился кровью. Франц плюнул.

— Веди себя прилично, негодяй! — крикнул один из полицейских, — не то я тебя проучу!

Франц медленно стал приходить в себя; голова трещала от невыносимой боли.

— Встать! — крикнул полицейский и ткнул Франца сапогом.

Тот встал и опять плюнул кровью.

Черноволосый стоял лицом к стене. Малер был ранен в голову.

— Что вы замышляли сегодня ночью? — спросил его один из полицейских с серебряными погонами.

— Ничего!

— Если вы не ответите на мой вопрос, будете биты!

— Можете избить меня до смерти, но я все равно ничего не скажу.

— Не беспокойтесь, вы получите то, что заслужите! А теперь марш отсюда! Следующий. Что вы затевали сегодня ночью?

Это относилось к черноволосому. Он медленно повернулся. Его лицо совершенно запухло, но он не проявлял ни малейшего волнения.

— Вы ответите на мой вопрос?

Полицейский вплотную подошел к черноволосому. Глаза обоих горели непримиримой ненавистью.

— Нет!

— Подожди, я заставлю тебя разговориться! — с яростью крикнул полицейский и замахнулся.

Черноволосый стоял неподвижно, не спуская глаз со своего врага. Поднятая рука бессильно опустилась.

— Мы знаем достаточно, чтобы разбить вам голову!

— Что вам удалось выяснить? — взволнованно спросил молоденький офицер, входя в комнату.

— Проклятые скоты ничего не хотят говорить!

—Вы чего улыбаетесь? — высокомерно закричал офицер черноволосому.—Если ночью будет дан хоть один выстрел, вы будете убиты. Понимаете, не расстреляны, а просто убиты!

Когда офицер вышел, полицейские несколько минут совещались, затем часть из них ушла. Остальные стали клевать носом, иногда поглядывая на арестованных.

Выступление рабочих было назначено на два часа ночи. Арестованные лихорадочно считали минуты.

Франц Крейзат хотел пощупать голову, но с криком опустил руку. Жажда мучила его, распухший язык болел до бешенства. Было уже около двух часов. В ратуше слышалось хлопанье дверей. Раздавалась команда. Видимо что-то происходило.

А они, арестованные, не смели пошевелиться. Ноги подгибались от усталости. Малер шатался, точно заснул стоя. Полицейские громко храпели.

— Франц! — прошептал Карл Поводный.

— Да?

— Франц, они нас расстреляют?

— Похоже на то.

— Франц, если ты выкрутишься из беды, зайди к моей жене, скажи ей, но только постарайся не напугать ее. Хорошо Франц?..

— А если тебе посчастливится, Карл, скажи моей матери. Она ведь и сейчас уже ни жива ни мертва...

— Молчать! — услышав шопот, крикнул кто-то из полицейских.

Франц задремал стоя. Это с ним бывало и прежде, на войне, в окопах. Вдруг раздался бой часов. Франц протер глаза.

— Раз-два!

— Слышишь, два часа? — шепнул ему Карл. — Франц, если сейчас будет хоть один выстрел, мы погибли!..

*

По темным улицам Штоппенберга пробегали рабочие, которых Малер хотел вести на Эссен.

Удары посыпались на головы, на спины арестованных

— Эй, Юпп, сюда!
— Стефан, не греми винтовкой!
— Тсс, тише!
— Что там?
— Патруль.

Мужчины тесно прижались к стене.

— Ушли?
— Да, теперь быстро полем. Остальные наверное уже ждут в условленном месте, — торопил Цермак.

Неожиданно, задыхаясь от быстрой ходьбы, появился Рауп:

— Подождите! Малер и Франц Крейзат арестованы! И Карл Поводный и еще другие!

Цермак был страшно взволнован:

— Как это случилось? Наверное кто-нибудь сболтнул лишнее!

Они не знали, что предпринять.

— Скорее идем к остальным, нас там ждут! — сказал Цермак.

— Как бы и нас не схватили! — заметил один забойщик.

— А вы уже испугались! — сердито ответил Юпп.

*

В условленном месте собралось пятнадцать человек.

— Кто там?
— Я, Цермак.
— Наконец-то! Мы ждем уже больше часа.
— Малер арестован.
— Глупости!

— К сожалению это правда, — сказал Рауп. — Я видел, как его и еще пятерых арестованных вели в участок.

Наступило гробовое молчание.

— Что же теперь?

— Их расстреляют, если мы что-нибудь предпримем! — сказал Рауп.

— Как ты думаешь, Юпп?

Все посмотрели на Цермака. Он молча пожал плечами.

— Сейчас было бы безумием что-нибудь затевать, — сказал Рауп. — Нас кто-то выдал!

Цермак встал. Товарищи окружили его.

— Полиции все известно, Юпп!

— Мы сразу же попадемся!

— Сейчас ничего предпринимать нельзя!

— По домам! — с трудом выговорил Цермак.

Надежда на победоносную борьбу казалась ему потерянной. Молчаливые, подавленные, разошлись шахтеры по домам.

— Что теперь? — неуверенно спросил Цермак Раупа.

— Надо выжидать, — ответил тот.

Фрау Крейзат не спала, она ждала Франца. Ежеминутно подходила к окну и всматривалась в темноту. Как только раздавался скрип на лестнице, хватала лампу и выбегала из комнаты, уверенная в том, что это наконец идет Франц. Наступил рассвет, а Франца все не было. Измученная беспокойством стала будить мужа:

— Мартин, Мартин, подумай только, Франц еще не вернулся домой. А ведь уже утро. Что-нибудь с ним случилось.

Мартин спросонья ничего не понимал:

— Что такое? Что случилось?

— Франц еще не вернулся домой!

— Ничего, вернется, не маленький, найдет дорогу! — Мартин перевернулся на другой бок.

— Как ты можешь спокойно к этому относиться? — заплакала она. — Храпишь, а я места не нахожу.

Мартин с трудом встал, оделся и подошел к окну. На улице не было ни души. Мартин распахнул окно, жадно вдыхая свежий морозный воздух. Фабричные трубы не дымили, не было слышно шума машин.

Забастовка началась пять дней назад.

До сих пор Мартин относился к этому факту совершенно равнодушно, но сегодня он неожиданно взволновался. Десятки лет он привык видеть, как стелется дым над шахтами, как нервно пульсирует фабричная жизнь. Казалось, сильная рука остановила машины, краны, моторы. Все замерло, потому что так захотели рабочие. Всеобщая забастовка!

Мартин понял грандиозность борьбы. Он, инвалид, потерявший силы в темных шахтах, вдруг почувствовал, как ему близка эта мощная власть, остановившая работу.

Еще раз взглянув на шахты, он вернулся в кухню. Фрау Крейзат сидела возле печки, неподвижно уставившись на огонь.

— Я все это предвидела, — шептала она.

— Но ведь сейчас всеобщая забастовка...

— Какое ему дело до забастовки?! — закричала она срывающимся голосом и с ненавистью посмотрела в лицо Мартину. — Ты в этом виноват, ты, потому что поддерживал Франца в его глупостях.

— Не говори так! Смотри, ведь вся работа на шахтах замерла, и этого добились они, молодежь. Понимаешь, молодежь!

— Где он теперь, где Франц? С ним что-то случилось! Цермак и Рауп запутали его в беду!

Мартин стал яростно защищать товарища Франца.

— Молчи! Они хорошие ребята. Если бы все были как Цермак, Рауп. Ты просто не видишь, что творится вокруг! Машины затихли, в шахтах работа остановилась, в тех самых шахтах, где я тридцать лет глотал угольную пыль! Они остановили работу! Они не хотят подыхать, они обороняются! Я уже не в силах этого делать, но он, Франц, ведь молод и силен! И он борется.

Фрау Крейзат, испуганная страстной вспышкой Мартина, боязливо поглядывала на него, мучительно стараясь его понять. На мгновение и в ней что-то вспыхнуло, но тотчас же погасло.

— Какое ему дело до всего этого? — с отчаянием повторяла она.

✱

Рауп все еще сидел у Цермака. Прошло четыре часа.

— Это ожидание сведет меня с ума! — вскочив на ноги, закричал Рауп.

— Что же нам делать? — спросил Цермак, довольный тем, что Рауп наконец заговорил.

Время тянулось медленно, убивало все надежды.

— Партия должна что-то предпринять, должна сделать запрос в полицейском управлении!

— Ничего из этого не выйдет!

— Единственный исход — начать наступление!

— Сам видишь, что дело не клеится, — проворчал Рауп.

— Все-таки надо попробовать.

Рауп пожал плечами.

— Теперь это будет еще трудно; противник настороже, да и оружия нам нужно больше!

— Да, оружие, оружие, — Цермак вспомнил, сколько пулеметов расставлено по городу, вспомнил автомобили с вооруженными людьми, окружающие ратушу.

А у рабочих? Несколько винтовок, горсточка снарядов, вот и все. Тем не менее в эту ночь они собирались начать наступление и привели бы свое намерение в исполнение, если бы не внезапный арест товарищей.

Цермак и Рауп были так заняты своими мыслями, что не слышали, как кто-то постучал раз и другой. Потом дверь распахнулась

и в комнату вошла фрау Крейзат, измученная и пожелтевшая от бессонной ночи.

— Где Франц? — спросила она, враждебно смотря на Цермака и Раупа. — Что с ним? Отвечайте!

— Войдите, — сказал Цермак.

— Я хочу знать, где Франц! — она упрямо остановилась на пороге. — Он не ночевал дома.

— Франц... арестован! — с трудом произнес Цермак.

— Вот как! — больше она ничего сказать не могла. — Это вы, его проклятые друзья, довели его до этого!

Цермак густо покраснел.

— Кроме Франца арестован Малер и другие товарищи! Наберитесь терпения...

— Терпения? Ах вы, негодяи!

Рауп побледнел как полотно.

— Не говорите глупостей, фрау Крейзат,— хрипло сказал Цермак.

Она захохотала как безумная, потом ее лицо окаменело.

— Это был мой последний ребенок и вы его погубили; что, довольны? Почему вы-то сами не арестованы?

Она вдруг зашаталась, крикнула. Худое лицо посинело, у рта появилась пена; затем она как мешок упала на руки Раупа, который успел ее подхватить и осторожно положить на пол. Преодолевая слабость, фрау Крейзат пыталась приподняться.

Цермак помог ей встать.

— Не волнуйтесь, фрау Крейзат, — беспомощно сказал он. — То, что мы не арестованы, случайность. Завтра, послезавтра мы принесем другие жертвы. Погибнем от пуль или еще более угнетенные и приниженные вернемся в наши шахты.

Опираясь рукой об стол, она тусклыми глазами смотрела на него.

— Что же, вы получили то, что хотели?

Потом покачнулась как пьяная и вышла из комнаты.

Рауп посмотрел на Цермака.

— Она нас назвала негодяями.

— Она не знает, что говорит, — извиняюще заметил Цермак, — ведь это его мать!..

✱

Наступило утро. Улицы оживились. Загудели автомобили. Послышались громкие голоса, молодой смех. Над шахтами взошло яркокрасное солнце.

— Я пойду! — решительно сказал Рауп и взялся за шапку.

— Куда ты? — очнувшись от мыслей, спросил его Цермак.

— Домой! Ведь и меня жена ждет!

— Знаешь, Фриц, лучше броситься в самый огонь с винтовкой в руках, чем пережить еще одну такую ночь!

— Да, да, Юпп! Но мы еще недостаточно подготовлены, теперь мы в этом убедились. Всего хорошего, Юпп!

Рауп ушел. Цермак распахнул окно, потянулся, расправил усталые члены. Мартовское утро неожиданно ободрило его.

— Какой чудесный день! — Цермак повеселел. — Скоро весна!

Где-то грянул выстрел. Это вернуло его к действительности.

— Что с товарищами? Живы ли они еще?

Солнце поднималось все выше и выше. Цермак, одетый, бросился поперек кровати.

— Оружие, надо достать оружие, выгнать полицию и рейхсвер из города, освободить товарищей и, если они уже расстреляны,— отомстить за них!

✱

На улице Рауп встретил одного из товарищей, который тоже собирался участвовать в выступлении рабочих.

— Фриц, ты не знаешь, что с арестованными товарищами?

— Ничего не знаю!

— А ведь их расстреляют!

—Нет, не посмеют, — сдавленным голосом возразил он.

Они пошли вместе. Неожиданно их нагнал велосипедист. Его лицо было забрызгано грязью. Он тяжело дышал.

— Где дорога в город?

— Вот здесь! — показал Рауп. — Только смотри, не попади под пули!

— Ого! — захохотал велосипедист. — Напугал! Им скоро крышка! Дортмундские рабочие разоружают полицию, они скоро будут здесь! — и умчался вперед.

Рауп как сумасшедший побежал к Цермаку. Он кричал, смеялся, ругался и от волнения чуть не опрокинул шкаф с посудой.

— Юпп! Где Юпп?

— Помилуй бог, ты просто ошалел. Что случилось? — спросила фрау Цермак, появляясь на пороге с плачущим мальчуганом на руках.

— Где Юпп? Мы наступаем...

— Ах ты господи! — она чуть не выронила ребенка из рук.

— Юпп, слышишь, Юпп!

Рауп, задыхаясь, рассказал все, что узнал от велосипедиста.

Цермак вскочил.

— Фриц, если это правда, то... — радостно сказал он.

— А почему бы это могла быть неправда? — подхватила фрау Цермак и весело засмеялась.

— Теперь рабочие покажут и рейхсверу и полиции.

— Теперь вы наведете наконец порядок!— с гордостью сказала она.

Цермак сразу принял решение.

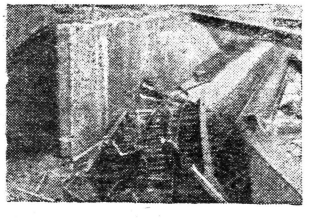
— Сообщи обо всем товарищам, Фриц.

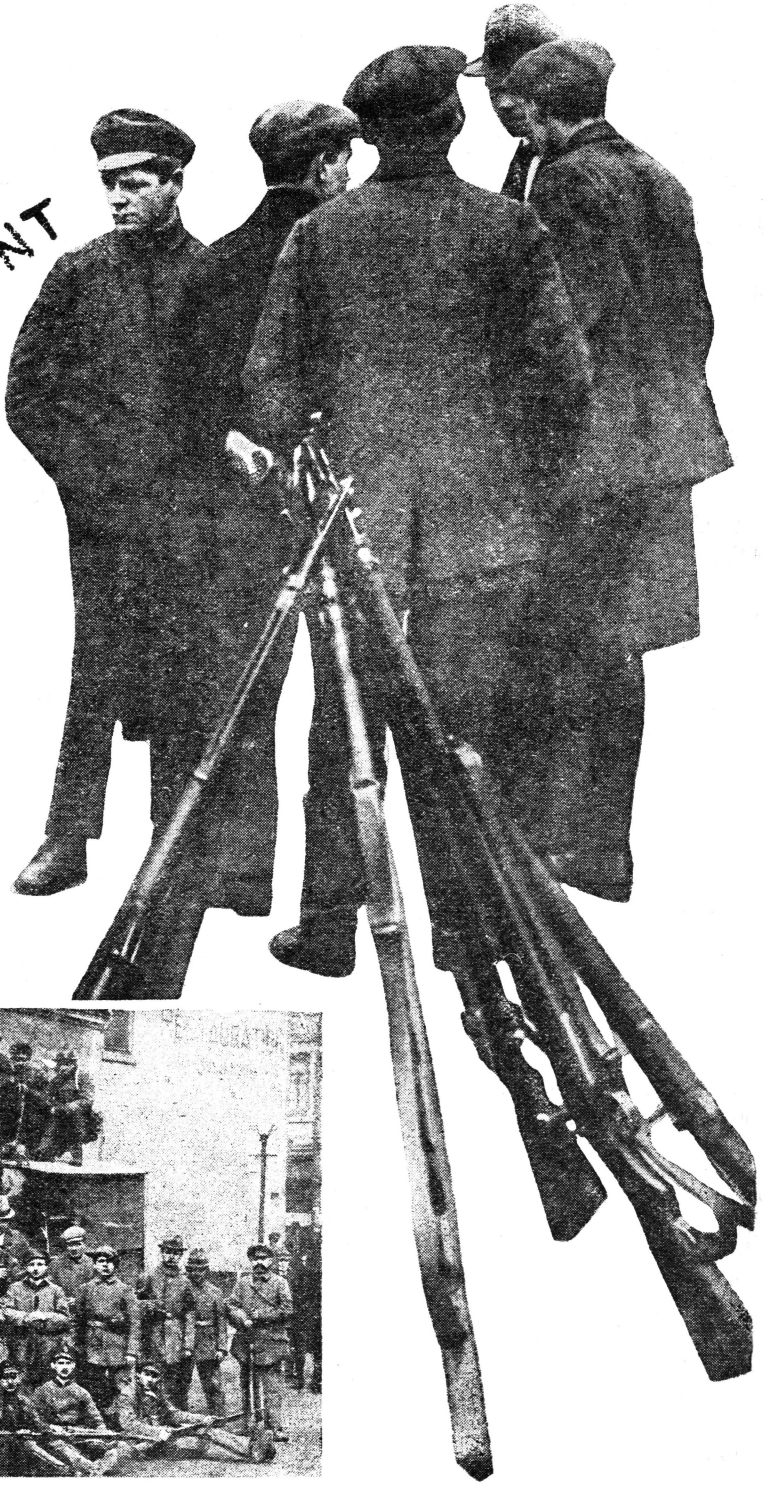
На лестнице Рауп чуть не свалил с ног Науманшу.

— Что случилось? — закричала она.

1920

RUHRFRONT





БОИ ЗА РУР

Боркен
Райсфельд
Пруффен
Хальтен
Деутен
Шермбек
Безель
Херест
Олфен
Понце
Дорштен
Марл
Люнен
Верне
Динслакен
Гельзенкирхен
Дортмунд
Бохум
Эссен
Рур
Мюльгейм
Дуисбург
Хаген
Эльберфельд
Бармен
Дюссельдорф
Рейн
мюнстер
Людингаузен

— Мы наступаем, наступаем!

— Кто наступает?

— Мы, мы! Сюда идут рабочие из Дортмунда, фрау Науман. Они разоружают полицию. У нас будет то же самое!

Все женщины, раскрывая двери, спрашивали:

— Что случилось? Что случилось?

— Хоть бы вы их как следует проучили, этих негодяев, — сказала Науманша.

— Нам-то пока очень скверно!

— О, господи, теперь все полетит вверх ногами! — завизжала фрау Кольде. Ее муж был социал-демократ.

— Вот дура! — засмеялась Науманша.

— Подождите, — сказала высокая худая женщина, — их еще нет здесь!

— Но они скоро придут! — закричала маленькая фрау Цермак и поднялась наверх.

Науманша, несмотря на свою толщину, с такой же быстротой сбежала вниз. Она была настоящая живая газета. Через час все уже знали новость.

— Знаете? — остановила она фрау Крейзат, которая шла в сарай кормить козу. Товарищи в Дортмунде начали наступление!

— Они погубили Франца, проклятые! — с ненавистью сказала та.

Науманша замерла от удивления.

— Старуха с ума спятила! — решила она.

Десять минут спустя она уже стояла у корыта и, засучив рукава, усердно стирала белье...

(Продолжение в следующей книге).

К рассказу А. Рома

«На воздушных столбах»

см. стр. 30—41

КАК МОЖНО ЛЕТАТЬ БЕЗ МОТОРА

Схемы движения теплых (восходящих) воздушных течений.

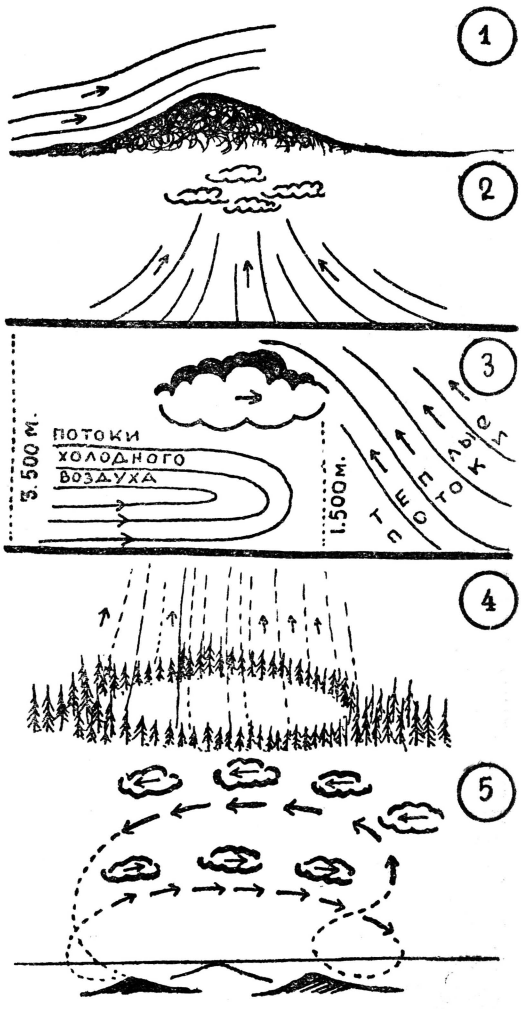
1. Восходящие воздушные течения над холмами.

2. Восходящее воздушное течение под кучевыми облаками.

3. Восходящие теплые течения, создаваемые грозовыми облаками. При прохождении грозового облака земля охлаждается и под облаком образуется поток холодного воздуха, который и гонит на своем пути более теплый воздух.

4. «Воздушный столб» на сухой поляне, окруженной лесистой влажной землей.

5. Схема одного из полетов Кронфельда. Пунктиром обозначен полет, пользуясь воздушными восходящими течениями над холмами; черные стрелки — полет на буксире облаков.



„МОСКВА БЬЕТ С НОСКА“

— Ваше благородие, прочкнитесь, христа-ради! А, ваше благородие!

Молчание. И снова:

— Ваше благородие, да встаньте жа!.. Вот чорт гладкий, здоров спать! — Это шопотом, про себя. Затем опять вслух:— Ваше благородие, барин! Вас генерал требуют!

Коростовец сел порывисто на кровати. Тупо поглядел на краснолампасника-донца.

— Как ты сказал? Генерал требует?

— Так точно, ваше благородие. Немедленно!

Коростовец потянулся так, что затрещала под ним складная походная кровать.

— А ты, станица, не перепутал грехом? Тебе кого приказано к генералу позвать?

— Его благородие, господина корнета Коростовца, который из драгунского полка!—отрапортовал донец.

Коростовец провел ладонью по жесткому бобрику волос, зевнул и сказал:

— Ладно, сейчас приду.

Одевая ботфорты, удивлялся: «На кой чорт я генералу понадобился? Неужели для разноса? Заметил что-нибудь? Да он никогда и в эскадронах-то не бывает!»

Прямо от сада начиналась драгунская стоянка. Эскадронные значки взвивались цветными птицами к темноголубому небу В длинных коновязях, пренебрежительно топча клевер, стояли, понурив головы, разомлевшие от жары лошади. Над коновязями повисли тяжкой тучей мухи и слепни.

К драгунскому лагерю непосредственно примыкала казачья стоянка. Здесь было оживленнее. Сновали с какими-то подозрительными узлами станичники, донцы и уральцы. С казаками перемешались туземные милиционеры-джигиты, грязные оборвыши при дорогом оружии У костров, издали заметных по голубым тающим спиралям дыма, было шумно и весело. Слышны были взрывы хохота, тренькала балалайка.

Между казаками и пехотой, несколько на отлете, расположилась самая интересная из всего русского лагеря стоянка. На фоне белых казенных палаток яркими пятнами рисовались воины в красных с зеленым воротником куртках и белых чалмах. Старым туркестанцам дико было видеть эти красные куртки в сердце русского лагеря, так как это была форма регулярных войск хивинского хана. Но от ханских сарбазов их можно было отличить по белым перевязям на левом рукаве да еще по черным блестящим волосам, длинными локонами, спускавшимся до плеч. Это были афганцы, перешедшие на сторону русских. В войсках хивинского хана служила афганская наемная бригада. И одна из рот этой бригады по причинам, неизвестным даже рус-

скому командованию, во главе со своим командиром Мирамур-ханом перешла на сторону России. Отлично дисциплинированные, безумно храбрые афганцы поражали русских холодной жестокостью, особенно при встречах в бою со своими соотечественниками, хивинскими наемниками. Но, несмотря на неизменную храбрость и верность, афганцы относились к русским с высокомерным пренебрежением и на стоянках раскидывали свой лагерь подальше от палаток презренных кяфиров[1].

За афганцами раскинулся пехотный лагерь. Здесь, в зелени садов, мелькали белые гимнастические с суконными погонами рубахи и белые же фуражки — «кепы» — с полотняными надзатыльниками, защищающими от лучей солнца. За эту форму одежды хивинцы прозвали русских стрелков-линейцев «ак-кульмак» и «ак-колпак»[2].

Около палатки ротного ад'ютанта сидело с десяток связанных попарно людей, полуголых, израненных, в грязных и окро-

[1] Презрительная кличка христиан.

[2] «Белая рубаха» и «белая шапка».

вавленных тряпках. Кругом расположился конвой из желтолампасных уральцев. Это были пленные хивинцы-разведчики, нарвавшиеся где-то вблизи русского лагеря на казачий секрет. Рядом валялось несколько трупов хивинцев, для которых тут же при дороге хошарные рабочие[1] из обывателей города уже готовили могилы.

Глядя на бритые черепа хивинцев, раскроенные сабельными ударами, корнет подумал:

«Убиты в схватке или?..»

Он знал уже, что на войне, в туркестанской войне особенно, закон тесно соприкасается с произволом. Он знал также, что за весь хивинский поход пленных было взято очень мало. Не потому, что хивинцы предпочитали смерть плену, нет, а просто по неудобству брать в плен живьем, о чем с беспримерным цинизмом открыто писалось в реляциях. Чего ради возиться с пленными — кормить их, поить, когда самим нехватает воды, и стеречь, когда каждая винтовка на учете?..

Не потому ли из толпы пленных донеслось тихое восклицанье, похожее на стон:

— Я алла, я хуа алла![2]

Корнет остановился. Навстречу ему обозные солдаты гнали стадо коров и баранов—ходячий провиант. Коровы, почуяв кровь, ревели, шарахались в стороны и, склонив бодливо головы, рыли копытами землю. Обозники, охрипшие от криков и пыли, лупили коров толстыми кольями и, выбившись наконец из сил, подошли к конвойным казакам прикурить. Один из обозников остановился около трупов, долго глядел на расколотые черепа, затем сплюнул табачную горечь и сказал настаивательно:

— Эх, Москва бьет с носка! Не бунтуй!

Корнет поспешил пройти дальше. И тут же в полсотне шагов увидел трупы «победителей». Они лежали на тенистой полянке, близ лазаретной фуры, с головами покрытые изодранными шинелями. Один из трупов был завернут в палатку, — грубый саван, заскорузлый от крови. Из-под шинели торчали, носками врозь, грубые сношенные сапоги. На полянке было тихо. Говорили почему-то вполголоса, то-и-дело косясь на шинели, поднявшиеся двумя горбами: там, где лоб, да над сложенными на груди руками.

Начался артиллерийский лагерь. Ярко начищенные медные пушки кровавились над багровыми лучами низко висящего солнца. Казалось, что и эти металлические звери, натрудившись, как и люди за день, тоже отдыхают в тяжелой медной дреме. Синеватые от окалин снаряды были свалены в беспорядочные кучи. Близ дороги в канаве приткнулась на одном колесе «топа»—допотопная хивинская пушка. Дальше расположился обоз, повозки, построенные вагенбургом, и сотни верблюдов под охраной линейцев.

Обозом лагерь кончался. Дальше начинался город. Потекли ручейками улочки и переулочки, где дома нелюдимо повернулись к прохожим слепыми тыльными стенами, где мостовая при каждом шаге звенит гулко как пустая бочка, звенит потому, что под ней бесчисленные тоннели, тайники, подземелья.

Вдали, на берегу широкого арыка, показались тяжелые, оплывшие глинобитные стены городской «калы». Левая башня зияла распоротым брюхом: попортили русские пушки. На зубчатых стенах цитадели, высоко над городом виднелись черные силуэты часовых. Штыки их винтовок казались отсюда тоненькими иголочками.

Коростовец свернул на улицу, выводившую в кале. Вслед за ним свернула и обогнала его щегольская парная коляска. Сидевший в ней офицер окликнул корнета:

— Эй, Коростовец, куда шагаете?

Это был один из штабных ад'ютантов.

— В калу,—махнул рукой в сторону крепости корнет.

— Садитесь, подвезу. Нам почти по дороге.

Когда Коростовец сел рядом с ним на мягкие подушки, ад'ютант снова спросил:

— Зачем вам понадобилась цитадель?

— Не мне цитадель понадобилась, а я генералу понадобился.

— Так вы к генералу?—рассмеялся ад'ютант. — Как раз во-время попадете. Его превосходительство ради сегодняшнего дня из заветного ящика шампанское вытащит.

— Почему сегодняшний день стоит шампанским отмечать? — удивился Коростовец. — Может быть, генерал именинник или генеральша родила?

— Да ведь Хива пала! — крикнул во все горло ад'ютант и даже всплеснул в негодовании руками. — Неужели вы не слышали? Вот монстр!

— Что вы говорите? — схватил его за руку Коростовец.

— Не я говорю, а курьер говорил. К нашему от генерала Кауфмана прискакал.

— Так, вдруг? Неожиданно как-то... — сказал задумчиво корнет. И снова оживился.—Да когда же это произошло?

— Сегодня утром. Слышали в той стороне пушечные выстрелы?

— Нет, не пришлось!—ответил Коростовец.—Мы, знаете ли, до поверки у Заруцкого хлестались.

— Штосс или винт? — спросил деловито ад'ютант.

— Винт!

— Не люблю! Штосс круче натягивает нервы. Ах, вы про Хиву хотите знать? — спохватился ад'ютант, заметив нетерпение

---

[1] Хошарные работы — натуральная трудовая повинность.

[2] О боже, о всемогущий боже!

Коростовца. — Ничего там особенного не произошло. Сегодня утром наш Константин Петрович[1] триумфатором вступил в древнюю столицу Хорезма. Он был вначале суров к побежденным, потом сменил гнев на милость и, чувствуя себя настоящим завоевателем, сказал войскам речь. Вы знаете страсть Кауфмана к почету и театральным эффектам. Обо всем этом пропечатают в газетах, даже иностранных,—не даром он таскает всюду с собой Мак-Гахана[2], — и нашему полководцу дадут ленту. Хотя, между нами говоря, не за что ему ленту давать. Хиву «взяли», буквально говоря, два человека: штаб-ротмистр граф Шувалов и полковник Скобелев[3]. Слышали о нем? О, этот далеко пойдет! Такого ловкача хватать чины и ордена еще не бывало в русской армии. В тридцать лет он уже полковник, значит в тридцать пять будет генерал.

Ну-с, итак утром 28 мая оренбургский отряд генерала Веревкина подошел к Хиве, с ходу овладев завалами и батареей из трех орудий. Во время этой стычки хан выехал из города, будто бы с целью остановить своих, но когда под ним была убита лошадь и он, пересев на другую, хотел вернуться в город, то нашел ворота запертыми и заваленными. Поэтому его высочеству Сеид-Мухамед-Рахим-Богадур-хану ничего другого не оставалось, как удрать в город Хазават к туркменам. Так он и сделал, оставив в столице всю свою хурдумурду да две сотни жен и гаремных одалисок. После бегства хана брат его Атаджан-Тюря, обвиненный матерью в намерении отравить брата и сидевший поэтому в тюрьме, был освобожден своими сторонниками и поднят на исторической белой кошме, что означало провозглашение его ханом хивинским. Атаджан-Тюря сейчас же послал к Кауфману депутацию с извещением, что столица ханства сдается русским без боя. Вот тут-то и начинается оперетка!..

Ад'ютант игриво щелкнул пальцами и засмеялся.

— У нас в штабе «взятие» Хивы так и прозвали хивинской опереткой. Вы только послушайте, что там произошло. Сегодняшнее утро застало Хиву в мирном настроении. Халатники по справедливости решили, что ежели к Кауфману послана мирная депутация, то следовательно все военные действия уже окончены. Защитники столицы сидели на городских стенах, свесив ноги, и мирно любовались русскими войсками. Солдаты наши собирались кучками и завели уже торговлю с ханскими сарбазами. Кто-то из офицеров крикнул наверх, чтобы халатники сдали пушки, и хивинцы очень охотно и весело спустили к нам на веревках два «зембурека». Словом, картинка была буколическая!

Вдруг из штаба генерала Веревкина приходит странное, удивившее всех приказание: «Занять Шах-Абатские ворота и часть стен в обе стороны от них, а если хивинцы не сдадут добром, то взять силою». Переводчики наши крикнули сидевшим на стенах защитникам, чтобы те немедленно сдали ключи от Шах-Абатских ворот. Хивинцы ответили, что все ключи от городских ворот находятся у кур-баши[1], который уехал сдавать их Кауфману. «Ежели не отворите ворота,—кричат наши переводчики,—то мы их разобьем из пушек!» А со стены им ответили, что-де как знаете, так и делайте, это, мол, не наша забота, и что одни ворота, а именно Хазар-Апские, уже открыты для генерала Кауфмана... Удостоверившись, что хивинцы действительно не могут открыть ворота, наши снова крикнули им: «Скиньте нам несколько лопат и китменей». Хивинцы немедленно исполнили просьбу и спустили десятка два лопат. Этими лопатами наши начали долбить землю недалеко от ворот и набросали брешь-батарею, при чем расстояние до ворот было спокойно измерено шагами. А хивинцы сидели себе на стенах да любовались бесплатной томашей, которую затевали русские...

— Вот так война!—расхохотался, не вытерпев, корнет. — Брешь-батарею насыпают лопатами, одолженными неприятелем! Дистанцию, словно на полигоне, измеряют шагами! Да ведь это же достойно пера летописца! В назидание потомкам!

— Ничего! В реляциях это будет иначе изображено, — тоже засмеялся ад'ютант. — Ну-с, на чем я остановился? Да, поставили брешь-батарею всего из двух пушчонок и, натурально, открыли огонь. Вы уже наверное догадались, что батареей этой командовал полковник Скобелев. Гранаты наши пробили в воротах узкую щель, в которую и полезли поодиночке солдаты Самурского полка и 2-го Оренбургского линейного батальона. Во главе их пошли полковник Скобелев и штаб-ротмистр граф Шувалов. Хивинцы не препятствовали русским, даже наоборот помогали солдатикам пролезать в узкую щель. Таким образом Шах-Абатские ворота с прилегавшими к ним стенами были заняты как-будто бы с боем, как-будто бы силою. А в это время отряд Кауфмана строился в колонну у противоположных Хазар-Апских ворот для торжественного вступления в город с музыкой. Конечно, Кауфману, уже принявшему ключи от сдавшейся столицы ханства, не могло притти

---

[1] Генерал Кауфман, начальник хивинской экспедиции.

[2] Унуарий Мак-Гахан — участвовавший в хивинском походе корреспондент.

[3] Известный впоследствии под названием «белого генерала».

[1] Начальник военного дозора.

в голову, что на другом конце города разыгрывается потешная оперетка, штурм незащищающейся крепости, гарнизон которой даже помогает атакующим строить брешь-батарею, спуская для этого свой шанцевый инструмент. Говорят, что идея в роде как бы боевого занятия Хивы принадлежит Скобелеву. Это на него похоже!

Ад'ютант щелкнул портсигаром, закурил и, глядя хитро на Коростовца, сказал:

— А сейчас вы поймете, отчего полковник Скобелев так рвался в Хиву. Войдя в город с двумя ротами, он тотчас же направился к ханскому дворцу и занял его. Тут-то и начался дикий грабеж! Ах, что было! — завистливо вздохнул ад'ютант. — Наши доморощенные Пизарро и Кортес, т.-е. Скобелев и Шувалов, прежде всего обратили благосклонное внимание на ханскую сокровищницу, наполненную массой дорогого оружия, седлами и уздечками, оправленными в золото, серебро и драгоценные камни. Разграблены были также склады материй и ковров. Чтобы заткнуть рты свидетелям этого погрома, часть оружия и ковров роздали офицерам, а материи и халаты — солдатам. Словом, баранта была лихая и прибыльная. Трон хивинского хана будет отправлен в Москву, в Грановитую палату. Кроме того часть ценных конских уборов, оружия и знаменитая наполненная драгоценностями шкатулка диван-беги[1] Мат-Мурада предназначены были к отправке в Петербург для представления государю и другим особам императорской фамилии.

Ад'ютант наклонился вдруг к уху Коростовца и прошептал:

— Мне рассказал мой приятель из штаба Кауфмана, что шкатулка диван-беги уже пропала. Во всяком случае, на приходе она не числится. Ясно, что она в руках главных чиновников-барантачей. Но только, ради бога, никому ни слова об этом!

— Будьте спокойны, капитан! Я умею когда нужно держать язык за зубами,— ответил Коростовец и, улыбнувшись, добавил: — но если говорить откровенно, мне кажется, что вы не столько негодуете на этот разгром, сколько жалеете, что вы сами в нем не участвовали.

— Грешен, корнет, — с лукавым смирением опустил глаза ад'ютант. — Но что же делать? На наше жалованье не разжиреешь. Надо пользоваться кое-чем от побед и трофеев славного русского оружия. Впрочем будем надеяться на будущее. Говорят, в Хиве остался еще добрый десяток дворцов высших сановников ханства — есаул-баши Рахмет-Уллы, куш-беги[1] Абдуллы-Бая и других. Все это злейшие враги России, а потому имущество их уже конфисковано и будет подуванено между участниками похода. Но главная пожива ожидает нас во дворце заклятого врага русских — Искандерки. Слышали о таком головорезе, Искандере Зюлькарнайне? Он состоит при хане в должности топчи-баши, это что-то в роде начальника артиллерии. Вот при дележке его хурды-мурды авось перепадет кое-что и на нашу сиротскую долю. Однако это не важно!—спохватился вдруг ад'ютант, чувствуя, что зашел слишком далеко.—Важно то, что песенка Хивы спета!

«Да, песенка Хивы спета!—подумал Коростовец.—И какой бесславный конец! Пал под выстрелами двух жалких пушчонок древний Хорезм, когда-то владевший всею «первой обителью благословения и изобилия, чистым Ираном». Дэ, «Москва бьет с носка!» — вспомнил он слова обозника и рассмеялся.

— А каковы наши потери за весь хивинский поход?—спросил Коростовец.

— Как всегда, незначительные,—небрежно ответил ад'ютант. — Пять убитых, десяток раненых. В общем пустяки!

«Рассказывай кому-нибудь другому! — улыбнулся мысленно Коростовец. — Так в реляциях только пишут: пяток... десяток... А сколько умерло от лихорадки, желудочных болезней, тифа, цынги? В пять, сто или может быть тысячу раз больше? А переходы по безводным сыпучим пескам? Сколько они с'ели людей? Хотя бы эти проклятые пески Адам-Крылыган, в которых даже верблюды дохли сотнями, а люди, сходя с ума, пили собственную мочу? Сколько там легло народу?»

---

[1] Диван-беги—высший чиновник ханства, министр финансов и заведующий сбором податей.

---

[1] Есаул-баши — начальник кавалерии; куш-беги — канцлер.

Глава из романа М. Зуева-Ордынца «Гул пустыни», вышедшего в изд-ве «Молодая Гвардия»

■

Главл. А 87787. Зак. 1231. Типография «Известия ЦИК и ВЦИК», Москва. Тираж 50.000.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОГИЗ

Открыта подписка на 1931 год

НА ЖУРНАЛЫ:

ФИЗКУЛЬТУРА и СПОРТ

Орган ВСФК СССР и РСФСР

36 номеров в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

борьба за генеральную линию партии, популяризация среди рабочих, колхозных и бедняцко-середняцких масс крестьян идей физкультуры и спорта, мобилизация физкультурной общественности на выполнение пятилетки в кратчайший срок, интернациональное воспитание физкультурников, освещение международного рабочего спортдвижения, разоблачение классовой сущности буржуазного спорта и т. д.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

на массового читателя, желающего получить универсальный материал по вопросам физкультуры, спорта и физкультобщественности.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год	4 р. — к.
На 6 мес.	2 р. — к.
На 3 мес.	1 р. — к.
Отд. номер журнала	— р. 15 к.

МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Смена

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО и МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

36 номеров в год

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „СМЕНА“

БИБЛИОТЕЧКА „СМЕНЫ“

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 10 ДНЕЙ

36 ВЫПУСКОВ В ГОД

В библиотечку войдут небольшие произведения лучших молодых писателей, поэтов, очеркистов и критики по наиболее жгучим и злободневным вопросам партийной и комсомольской жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

С приложениями		Без приложений	
На год	7 р. — к.	На год	4 р. — к.
На 6 мес.	3 р. 50 к.	На 6 мес.	2 р. — к.
На 3 мес.	1 р. 75 к.	На 3 мес.	1 р. — к.
Отд. выпуск приложен.	— р. 10 к.	Отд. номер журнала	— р. 15 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором ОГИЗа (Москва, центр, Ильинка, 3), во всех отделениях, магазинах и киосках КНИГОЦЕНТРА ОГИЗа и на почте.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНОШЕСКОЙ и ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

12 м.—4 р. 50 к.
6 м.—2 р. 25 к.
3 м.—1 р. 15. к.

Подписка принимается в периодсекторе ОГИЗА—Москва, Ильинка, 3; на почте и у письмоносцев